

Екатерина Бабкина

Алла

ПОКОЙНЫЙ
МУЖ

Annotation

Меня выдали замуж двадцать три года назад, за человека, которого я даже не знала, будущего герцога Арраншира. Он не любил меня, я — его, но со временем мы смогли смириться с этим, привыкли. У каждого из нас давно своя жизнь.

Но теперь моего мужа обвиняют в государственной измене, отправляют на плаху, а, значит, я тоже, как и наш сын, можем лишиться всего — титула, земли, друзей и денег. Нужно понять, как жить дальше.

Теперь я останусь вдовой и... начнется новая жизнь.

- [Екатерина Бакулина](#)
 -
 - [Глава 2. О лорде-дознавателе и будущей вдове](#)
 - [Глава 3. О том, что приличная жена должна бояться мужа](#)
 - [Глава 4. О том, как сложно спорить со взрослым сыном](#)
 - [Глава 5. О заговорах против короля и методах допроса](#)
 - [Глава 6. Обо всем том, что так не нравится королеве](#)
 - [Глава 7. О двух предложениях руки и сердца](#)
 - [Глава 8. О королевском суде и том, что женихов у меня уже три](#)
 - [Глава 9. О чужих играх и несказанных словах](#)
 - [Глава 10. О том, как тяжело прощаться](#)
 - [Глава 11. О пустом доме и полной голове сомнений](#)
 - [Глава 12. Об охоте на лис и лопнувших рессорах](#)
 - [Глава 13. О том, как опасно путешествовать одной через лес](#)
 - [Глава 14. О том, что разбойники не так страшны, как честные лорды](#)
 - [Глава 15. О том, что поговорить никогда не поздно](#)
 - [Глава 16. О серьезной женщине с аркебузой и ближайших планах](#)
 - [Глава 17. О сбивчивых объяснениях и надежде на лучшее](#)
 - [Глава 18. О горячей ванне и том, что все пошло не так](#)
 - [Глава 19. О разбитых чашках и давних дуэлях](#)

- [Глава 20. О прощении, супружеском долге и бараньих ребрышках](#)
 - [Глава 21. О государственной измене и личных мотивах](#)
 - [Глава 22. О высоких деревьях и играх в любовь](#)
 - [Глава 23. О храброй принцессе, и том, что пора действовать](#)
 - [Глава 24. О дуэли и крепких нервах](#)
 - [Глава 25. О том, что хватит бегать от самого себя](#)
 - [Глава 26. О возвращении домой и том, что по-старому не будет](#)
 - [Глава 27. О том, что за любовь надо бороться](#)
 - [Глава 28. О прогулках без звезд и песнях без музыки](#)
-

Екатерина Бакулина

Мой покойный муж

Глава 1. О старых мужьях и молодых любовниках

— Тебе понравилось, моя розочка?

Нежные пальцы Патрика поглаживали мой бок. Нежно-нежно. Приятно, не могу не признать, Патрик знает, как доставить удовольствие женщине. Ноги только у него холодные. И когда он свои холодные пытается подsunуть под мои — погреться, меня аж передергивает. Но в остальном... вот как бочок мне поглаживает — просто чудесно.

— Ты просто жеребец, моя радость! — сказала я. — Это лучшая ночь в моей жизни!

Патрику нравится, когда его хвалят, аж распирает от гордости и удовольствия, светиться начинает. И стараться начинает, надо признать, втрое больше. Так что для меня похвалить его — сплошная польза.

Улыбается довольно... самодовольно, скорее, ну и пусть. Но глядит на меня с обожанием, и остороженько, изященько раскладывает мои локоны по подушке. Нравится ему. Ох, сколько сил приходится убивать, чтоб закрашивать в этих локонах седину и вовремя осветлять отросшие корни! Патрик седину не выносит. Молчит, конечно, но у него сразу губа брезгливо дергается. И тут уж... Как говорит Шибел: «Хочешь молодого любовника — терпи». Патрик на десять лет меня моложе. На одиннадцать. Но красавчик — просто невозможно! Пожалуй, самый красавчик из всех моих. Имею я право развлечься? Взрослая женщина, никому уже ничего не должна...

— Хочешь еще? — улыбается Патрик. — Или велеть им принести завтрак?

Я бы поспала, право слово! И спина болит после таких упражнений.

А Патрик уже второй рукой меня гладить полез. Жеребец! Что б его... Не зря я его соблазняла. И голубые глазки блестят так азартно.

Он целует меня в шею... подбородок у него совсем не колется, Патрик вечером, перед тем, как в постель лезть, брился и прихорашивался два часа, я аж ждать устала, думала от скуки усну. Надо было и спать, а то сейчас с ним не поспишь...

А он уже...

— Леди Айлин! — вдруг крик дворецкого за дверью. Почти напуганный, но скорее возмущенный. — Миледи! Тут ваш муж!

И конский топот, возня, словно моего мужа кто-то пытается в спальню не пустить. Но не дворецкий точно, он бы не справился, и связываться бы не стал. Что там у него?

Какого черта? Мы ведь договорились.

А Патрика подбрасывает на кровати. Он в панике, почти в истерике. Попасть под горячую руку моему мужу в здравом уме не захотел бы никто.

С треском распахивается дверь. Этард на пороге. Здоровый, как лось, взлохмаченный, красный, словно всю дорогу от Кетнаха он бежал.

Патрик уже пытался было влезть под кровать, спрятаться, но не успел, только на коленки встал, голову под кровать почти засунул.

— Ты! Как тебя? Глоссери! — рывкает Этард, пытаясь отдышаться. — Пошел вон отсюда!

Патрик подскакивает снова, отползает, затравленно оглядывается в поисках штанов, но они, если не изменят память, остались на лестнице. Дико мечется, хватается одеяло, заворачивается. И это притом, что я без одеяла остаюсь совсем голая на кровати.

— Какого черта? — говорю я. — Нэт, что происходит?

Не спеша поднимаюсь, беру кружевной пеньюар, накидываю. Я свое не теряю. Да и остаться голой не очень боюсь, чего он не видел там... Подхожу к мужу ближе.

Он стоит, тяжело дышит, опираясь одной рукой о дверной косяк, навалившись. И правда бежал? Пот с него ручьем льет, лицо идет бордовыми пятнами, даже смотреть страшно, так, словно вот-вот удар хватит.

— Гони своего... сосунка... — почти через силу говорит он, дыхания не хватает. — Скоро здесь Гордан будет со своей сворой и... — сглатывает с усилием. — Короче, Айлин, твоя репутация должна сегодня быть кристально чиста. Гони пацана в задницу.

— Да как вы смеете! — пытается пискнуть Патрик, поняв, что убивать его не будут.

— Это мой дом! — рывкает Этард так, что стены трясутся. — Пошел вон!

Патрик что-то возмущенно бурчит под нос, но осторожно пятится, прикрывшись моим одеялом.

— Что-то случилось? — говорю я. Мне это не нравится.

С Этардом у нас давно друг к другу никаких претензий, никто не лезет в чужую жизнь, живем отдельно. Главное, совсем уж черту не переходить, в рамках приличий, и друг другу не мешать. Больше двадцати лет... сколько можно? Свой долг я давно исполнила, наследника родила, а больше не требуется.

— Меня обвиняют в государственной измене, я... — говорит Этард, переводит дыхание. — Сейчас, подожди, голова кружится.

Он опирается о стену второй рукой, руки трясутся, да и ноги тоже.

— Сядь, — говорю я.

— А, да... — соглашается он. И прямо так, в дверях, сползает на пол, садится, прислонившись к стене спиной. Почти со стоном.

— Ты бежал что ли?

— Бежал, — соглашается он, ерошит волосы на макушке. — У меня лошадь сдохла... загнал... еще у Синего моста. Ну и... времени нет. Мне к вечеру в Кетнахе быть надо. Я думал ты в Оване, а ты здесь... Ну и правильно, что так... — вздыхает, смотрит на меня. — Слушай, к тебе скоро придут.

В Оване наш родовой замок, и крутить шашни с Патриком там не очень уместно, слишком на виду, поэтому тут.

Но все это не укладывается в голове. Я даже не понимаю, с чего начать укладывать...

Загнал лошадь, бежал... но это больше пяти миль! И в Кетнах опять?

Какая измена, черт возьми? Он всегда был предан Джону, как верный пес!

— Когда придут, мне сказать, что я тебя не видела? И не знаю, куда ты подался? Ты ведь бежишь от них?

— Нет, — он мотнул головой. — Я вернусь, они знают, что был. Скажи им, что ты ничего не знаешь, и вообще со мной никаких дел. Хорошо? И Киту скажи...

Закрывает глаза, сидит неподвижно, прижавшись к стене затылком.

— У меня, и правда, с тобой никаких дел, тут даже врать не надо.

Я смотрела на него, пытаюсь понять. Никаких. За последний год мы виделись дважды, и то мельком, на официальных приемах во дворце. Но Кит...

— Кит этого так не оставит.

Если Этарда обвинят в измене, то и Кит, лишится всего, герцогом ему, скорее всего, не бывать... Черт. Этард, сукин сын! Да как он мог! Свинья! Ладно обо мне, но он не думает о сыне?

— Поговори с ним, Айлин! — Этард пытается подняться, но не дают ноги, не разгибаются. — Ты разумная женщина, все сделаешь правильно. Подпиши им все, и от тебя отстанут. Джон обещал мне не трогать вас с Китом, но только если вы сами откажетесь от меня. Прямо откажетесь. Объясни Киту, что так будет лучше. Меня он не станет слушать, но ты постарайся! Он тебя слушает! Поговори с ним! Я хотел письмо написать, но лучше не надо. Езжай к нему сейчас, объясни, чтобы не лез. Пусть не лезет, хотя бы, а там уж...

Выдохнул, с трудом поднялся, наконец, по стеночке. Нависая надо мной.

Здоров... я ему едва до плеча достаю, а за последние годы еще больше стал. Нет, с его образом жизни — если не на войне, то в чьей-то постели, особо пузо не отрастишь, но здоров как лось! Только седина на висках... от виска ползет тяжелая капля пота, оставляя грязную дорожку на щеке. Давно небритая щетина во все стороны... Он проводит ладонью по лицу, еще больше размазывая... дорожной пыли на нем...

А Кит весь в отца.

Все это...

— Ты за этим бежал? — пытаюсь осознать я.

— Да, — он кивает, голос хриплый, совсем сел. — Айлин, ты езжай к нему сейчас, мне не успеть... да и не надо, чтобы я... Объясни ему, чтоб не лез. Сейчас, а то потом поздно! Не нужно ему меня защищать, это все правильно.

Он хмурится, раздуваются ноздри.

— Ты хотел предать Джона?

— Что? — Этард удивляется, смотрит на меня, потом кривится. — Да я с Майрет переспал.

— Что?! Да ты сдурел?!

С принцессой!

— Да, — Этард вздыхает. — Я сам дурак, сам влез, все понимал. Ты, главное, Киту объясни, что все правильно и за дело. Он за это отвечать точно не должен.

Не должен. Но куда от этого теперь деться? Если не жизнь, то вся карьера Кита полетит к чертям. И Джон теперь не захочет видеть его при дворе, а Кит... Как ему жить с этим?

— Да ты хоть понимаешь, что теперь будет?! — признаться, я и сама не понимаю, новость оглушила меня.

— Понимаю! — вдруг страшно рявкает Этард, хватая меня за плечи, рывком прижимает к стене. — Прекрати! Я все понимаю. Что сделано, того не воротишь. Главное, понять, как поступить дальше.

Глаза прямо адским пламенем горят. Когда-то я его боялась. Еще бы не бояться, сейчас он — настоящее чудовище.

— А ты сбежишь...

— Да не сбегу я! — он вздыхает, отпускает меня, даже отталкивается, делая шаг назад. — Я же сказал, мне нужно вернуться к вечеру. К ночи... Я очень постараюсь успеть. Думаю, пару часов мне Джон простит. Если вернусь, если все подпишу, то вас не тронут. Я уже подписал. Вы только не лезьте сами, а то Кит может... Он ведь горячий, как... Ты объясни ему, хорошо? — говорит тише и мягче, заглядывая мне в глаза. С усилием сглатывает. — Ладно, я, наверно, все сказал, что хотел. Мне пора.

Качнувшись, делает шаг к двери, ноги держат его плохо.

— Но если ты вернешься, тебя ведь... возьмут под арест?

Он фыркает невыносимо язвительно.

— Ты останешься вдовой, Айлин, — бросает через плечо, отвернувшись. — Замуж, что ль, выйди по-человечески... — вздыхает.

За измену казнят.

— Нэт! — теперь уже я хватаю его, разворачиваю к себе, пытаюсь развернуть, мне его не сдвинуть.

— Не надо, — просит он. — Ты присмотри за Китом. И потом, Айлин, не вздумай приходить ко мне... Прости, что все так...

Шумно втягивает носом воздух, отцепляет мои руки. Чуть тянется ко мне, наклоняется, даже кажется, сейчас он меня в лоб поцелует. Но нет. Просто отпускает. Отворачивается.

Я стою, смотрю, как он, шатаясь, уходит.

Все так безумно, что в ушах звенит.

Глава 2. О лорде-дознавателе и будущей вдове

— Он уже был здесь?

Гордан Макинтайр, лорд-дознаватель, приехал после обеда, уставший, весь в грязи, промокший. Утром, как Этард уехал, зарядил дождь, и все лил... Начало лета, вроде бы, но дороги размыло еще с весны, и не просохнут никак.

Гордан один, без «своры», что, пожалуй, удивительно.

Впрочем — один, значит, арестовывать меня не станут. Не сейчас, по крайней мере. Значит, пока Гордан хочет поговорить.

— Был, — согласилась я. Если добрался сюда, то, наверняка тоже побывав в Оване, и сам все знает. — Может, хоть ты мне расскажешь, что происходит?

Гордан тяжело вздохнул. Оттер воду в лица.

— Есть что выпить, Айлин? А то я под этим дождем...

— Конечно, есть, — согласилась я. — Заходи.

С Горданом мы не то, чтобы друзья, но отношения всегда были добрыми. Чего не скажешь, о его отношениях с Этардом... там все очень сложно.

Гордан снял мокрый плащ, стряхнул с себя воду, как мог, зябко передернул плечами. Пошел за мной в гостиную и там усталое упал в кресло, вытянул ноги к разгорающемуся камину, и руки тоже, с наслаждением закрыл глаза.

Видно было, он тянет время, не очень-то знает, как подступиться к делу. Или знает, но это ему не нравится.

— Мерзкая погода, — пожаловался, глядя на огонь, — снова колени болеть будут.

— Мерзкая, — согласилась я.

Внезапно подумала, что Этард еще весь день сегодня в дороге, до темноты вряд ли успеть. И там вряд ли кто предложит ему посидеть у горячего камина.

Если только все это правда.

— Это ведь правда, Гордан? — спросила я. — То, в чем его обвиняют?

— Измена? — он усмехнулся с сарказмом.

— Майрет, — сказала я. — Нэт действительно сделал это?

Гордан повернулся ко мне. Его губы дрогнули, раскрылись на вдохе, но слов не вышло. Он поджал губы снова. Долго смотрел на меня, словно это я пришла к нему и чего-то от него хочу, а он все надеется, что я отстану.

— А ты как думаешь, Айлин? — сказал, наконец.

— Я? Меня ведь там не было. Я отлично знаю Нэта, он шанса не упустит... но это, мне кажется, слишком даже для него.

— Вот и меня там не было, — вздохнул Гордан, потер подбородок задумчиво. — Джон в ярости, рвет и мечет. У них с Нэтом в последнее время вообще все сложно, а теперь и вовсе... Джон его на месте хотел убить. Шкуру спустить грозился, прямо по-настоящему, как Джангаши. На дыбу его...

Гордан сморщился.

— Его пытали? — сказала я тихо.

— Да на кой черт его пытаться, если он во всем сразу готов признаться? Ничего не отрицает, все готов рассказать.

— Но ты сомневаешься?

Принесли крепкого горячего грога, как Гордан любит. Он взял, обхватил ладонями, отпил немного, и несколько минут молчал, делая вид, что греется.

— Неважно, во что я верю, Айлин. Но через неделю Нэта казнят. Это решено и с этим ничего не сделать. Джон ничего не желает слушать и... неважно. Он всегда относился к Нэту, как к брату, а теперь... Нэта казнят. За месяц-другой Джон мог бы остыть, но тут не хватит. Поэтому, стоит подумать о том, что будет с тобой и Китом. Я привез тебе бумаги, подпиши все. Киту я написал, сам еще заеду к нему, поговорю. Кит горяч, но ты ведь разумная женщина, ты все подпишешь.

— Подпишу, — согласилась я. — Тебя что-то смущает?

Гордан отхлебнул из кружки, откинулся на спинку кресла.

— Не знаю, — сказал он. — Что-то не так, но я не могу найти концов. У меня не то, что доказательств, но даже толковых предположений нет. Только чутье... Хотя чутье меня никогда не подводило.

— Ты думаешь, он не виноват?

— Сложно думать, что он не виноват, если его застукали утром без штанов в постели с Майрет. А до этого, вечером, видели, как они о чем-то шептались в саду. Все, как бы, однозначно. Я даже не знаю, что может быть не так. Но что-то не так. И Нэт ничего не пытается отрицать.

Я покачала головой. Не знаю... Все это слишком. Этард никогда не отличался благоразумием, особенно, когда дело касалось женщин. Ходят слухи, что нет женщины при дворе, которая бы не спала с ним. И Майрет давно не ребенок, красавица, но... Я не знаю тоже.

— И что теперь ждет Кита? — спросила я. — Герцогом Арраншира ему не быть?

Гордан нахмурился, потер ладонью колено.

— Думаю, все зависит от того, как Кит поведет себя. Лучше сейчас вообще не показываться Джону на глаза, Кита он к себе не требует. Тебя, кстати, требует. Но ты тоже подожди хоть пару дней, не стоит ехать сразу, а то под горячую руку попадешь. Пока Джон обещал мне, что если Кит прилюдно откажется от отца, то его не тронут. Будет герцогом. Отправят, может быть, на год-другой послом в Эларсу, или куда-то еще, чтобы не мозолил глаза. Но потом вернется, и все будет по-прежнему.

Холодок внутри от этих слов.

— Кит не откажется.

— Надо чтоб отказался, — Гордан покачал головой. — Пусть не прилюдно, пусть просто перед Джоном, пусть подпишет. Хоть так. Хоть скажет, что ничего не знал и не ожидал, что поступок отца поразил его в самое сердце, ранил, что сложно поверить... Джон любит такие слова. Поговори с Китом, Айлин, объясни ему. Потому что если он будет упорствовать, то может лишиться головы тоже. Смотри, как бы и ты вместе с ним... А то ведь тебе придется отказываться не только от мужа, но и от сына...

— Нет! — прервала я. — От Кита я точно отказываться не буду. Уверена, до такого не дойдет. Я поговорю с ним. Поговорю с Джоном. Значит, он хочет видеть меня?

Гордан совсем уж нахмурился, его длинные тонкие пальцы напряглись, вцепившись в кружку.

— Упирай на то, что ты обманутая жена. Сама пострадавшая сторона в этом деле. Что ты в ярости и не простишь... ну, без

перегибов. Ты и сама знаешь, как себя вести, не мне учить. Скажу только, от траура тебе лучше отказаться. Уехать куда-нибудь, пока не уляжется... сейчас лето, так поезжай к морю, отдохни. И... если что... Айлин...

Он как-то так вздохнул, особенно тяжело, неуверенно, поставил кружку на столик, встал, даже шагнул ко мне.

— Я хочу, чтобы ты знала, Айлин... Ланни... — его голос вдруг сел, дрогнул, Гордан кашлянул. — Что я всегда готов... Что... Готов предоставить тебе защиту.

Ох, ты ж... я даже опешила. Это было бы смешно, не будь... сейчас мне не до смеха.

— Не стоит, Рон.

— Я все еще люблю тебя, — горячо сказал он, подошел, хотел, кажется, взять за руку, но не взял. — Если бы ты могла, Ланни... я готов...

Он мялся. Мне всегда казалось удивительным, как Гордан, такой жесткий, даже резкий в государственных делах, всегда такой уверенный в своей правоте, мог быть таким трепетным и робким в делах любовных.

— Мой муж пока еще жив, Рон. Не стоит.

Жена Гордана умерла три года назад. Милая скромная женщина. У них не было особой любви, но, я видела, что они всегда с уважением относились друг к другу. Тихо, мирно. Два взрослых сына и дочь. Они казались мне образцовой семьей.

А у нас с Горданом... это было десять лет назад, словно вспышка, помешательство... Безумно. И быстро. Быстро закончилось, потому что мы оба считали это неправильным. У меня впервые тогда было так. Наверно, именно после того романа я и пустилась во все тяжкие, поняла, что больше нечего терять. Все было... сложно...

Гордан подобрался.

— Прости.

Этард ему не друг, скорее соперник, и все же...

— И ты бы не испугался жениться на опальной бывшей герцогине, которую больше не принимают при дворе? — я спросила, просто желая понять.

— Не испугался бы, — уверенно сказал он.

Глава 3. О том, что приличная жена должна бояться мужа

Когда-то, выходя замуж, я знала, что мужа нужно бояться и почитать. Именно бояться в первую очередь. Так учила моя мать, так жили все женщины в моей семье.

Моя мать отца боялась, не смела даже глаз поднять. Ей было чего бояться.

Она была девушкой из родовитой, но обедневшей семьи с кучей долгов. Он «взял сиротку из сострадания», даже долги семьи оплатил. Сострадание! Тогда я искренне верила в это. Он был на десять лет старше мамы... но дело не в возрасте. Вернее, и в возрасте тоже, но не так. Ему нужна была жена, которая не посмеет перечить ни в чем, тихая и послушная. Такая, на которой можно безнаказанно сорвать злость, за которую некому заступиться, которая считает, что всегда виновата сама. А молоденькую девочку запугать проще.

Сейчас их обоих уже нет в живых, и я долго винила Этарда... но сейчас винить его у меня нет сил, он хотел помочь...

Моя мать жила так всю жизнь, и я видела ее пример, как единственно возможный. Была уверена, что иначе невозможно. Все так живут. Только так, бояться и почитать.

В первый раз я увидела Этарда когда все было уже решено и договорились о браке. Его родители видели меня раньше и считали хорошей скромной девушкой строгих правил, которая наставит их непутевого сына на путь истинный. Он уже тогда не пропускал ни одной юбки, а если женится, сказали мне, то, может, остепенится, возьмется за ум...

Не может...

Но надо отдать должное, Этард честно пытался быть хорошим мужем.

Для моего отца, человека богатого, но дворянина лишь во втором поколении, возможность породниться с герцогом Мурреем — виделась отличной возможностью получить больше.

Надо отдать должно и здесь — отец ошибался.

Этард старше меня всего на два года, но тогда почему-то казался страшно взрослым, опытным, повидавшим все. Он на Святой земле был, полмира обошел... А теперь я понимаю, что тогда он был на два года моложе Кита, а Кит мальчишка.

Этард был огромный. На голову выше моего отца и едва ли вдвое шире в плечах.

Я была в ужасе. Я видела, как мужчина может обращаться с женщиной, и, примеряя это на Этарда, понимала, что он меня просто убьет... ненароком.

Да, тогда, в день свадьбы, я боялась его до потери сознания. Буквально. Я упала в обморок, когда мы впервые остались в спальне вдвоем, и он сделал ко мне шаг.

Надо сказать, Этард тоже был в ужасе, не понимал, что со мной, такой, делать. Опыт с девушками у него был не малый, но это были девушки, которые сами хотели его внимания и сего ласк. Еще бы его не хотеть... А я...

Он опрокинул на меня кувшин с водой.

Я очнулась. И в еще больший ужас пришла, потому что вот так — совсем не подобает, хорошая жена не должна падать в обморок в спальне в первую брачную ночь, хорошая жена должна радоваться всему, что ее муж хочет с ней сделать. Должна быть благодарна...

Тогда я впервые глянула ему в глаза. Почти случайно. С перепугу.

Когда он приезжал знакомиться, я не могла на это решиться, девушка должна быть скромной, послушной... смотреть в пол. А в церкви и на свадебном пиру не могла решиться тем более.

Глаза у него были зеленые и растерянные.

— Ты чего? — спросил он.

— Я... простите... Простите меня! — тут я и вовсе испугалась не на шутку. — Я не хотела, я... Я... от радости.

— Вот радость, мать твою! — буркнул он, и подался ко мне.

Я изо всех сил закрылась руками, думала, он ударит меня.

Но он поднял на руки и отнес на кровать.

Сам сел рядом.

Я невольно попятилась, отодвинувшись дальше.

— Боишься меня? — спросил он.

Было чего бояться! Здоровенный лось, и смотрит на меня так сурово... Будь на его месте отец, он убил бы... Я знала, как это бывает.

Этард смотрел на меня и ждал.

Но я только отчаянно замотала головой. Знала, что говорить о таком страхе нельзя. Бояться нужно, а говорить нет.

— Я тебя не трону, — сказал Этард. — Просто ложись и спи. Сегодня был тяжелый день.

— Нет, так нельзя! — вскрикнула я, понимая, что с мужем нельзя спорить. Но ведь и делать так нельзя. — Мы должны стать мужем и женой на самом деле.

— Переспать? — спросил он. С усмешкой. Мне показалось, он издевается надо мной.

У меня дрогнул подбородок.

— Закрепить наш союз на брачном ложе... — попыталась я шепотом.

Он заржал. В голос, очень обидно. Словно то, о чем говорю я — несусветная чушь.

Потом, отсмеявшись вдруг резко, провел ладонью по лицу. Вздохнул, почти со стоном.

И вдруг подался ко мне, совсем близко.

Меня разом затрясло, я зажмурилась. Он замер, я чувствовала его дыхание на своем лице.

— И как ты себе это представляешь? — спросил он. — Ты снова лишишься чувств, а я тихонько трахну тебя, пока ты не дергаешься? Ты даже не почувствуешь, так удобно. И тогда все будет, как надо?

Едкая желчь в голосе.

— Простите, милорд... — только и смогла выдавить я.

Он выругался. И отстранился, потом и вовсе встал с постели.

— Раздевайся и спи, — сказал холодно. — Я вот тут, на диванчике.

— А если завтра утром придут, захотят узнать... — у меня дрогнул голос.

— Я им скажу, что все отлично. И ты... — усмехнулся, — вела себя, как подобает.

— Но как же... А если они хотят увидеть простыню?

— Простыню? Зачем? — удивился он, с минуту смотрел на меня озадаченно. — Кровь? Что на момент свадьбы ты была девственницей? Не бойся, не в этом доме. Здесь этим никто не страдает.

— Вы не может так говорить. Не можете знать...

Он вздохнул. Взял нож и шагнул ко мне.

Я чуть было не заорала, даже рот зажала ладонью. Сжалась.

Но он только откинул одеяло. Полоснул ножом по своей ладони... несколько капель упало на простыню.

— Кровь, — сказал он. — Ты довольна? Теперь спи.

Я сжалась в клубок тогда, не спала всю ночь. Думала, лучше бы он уже сделал все как надо, и было бы спокойнее. Все равно ведь придется. Лучше сейчас. Ожидание хуже смерти. Неизвестность хуже...

Он говорил потом, что эту свадьбу вовсе не хотел... да в гробу он видал и свадьбу, и меня в качестве жены. Но так вышло, что его прижали... было за что. Сказали, что либо он остепенится, заведет семью и будет вести себя тихо, либо лишится головы. Выбор не богатый.

О том, за что, я узнала от его матери. Потом... куда позже. Он увел у Джона, тогда еще принца, его любовницу. И девка-то была случайная и «так себе», и долго бы не продержалась, надоела бы Джону. Но принц не стерпел.

Глава 4. О том, как сложно спорить со взрослым сыном

— Миледи, сэр Кристофер Муррей ожидает вас!

Кит стоит у окна. Жесткая складка между бровей, плотно сжатые губы. Он знает.

— Мама? — поворачивается ко мне. — Ты уже знаешь? Ты ведь для этого здесь?

У него на столе — вскрытое письмо.

— О твоём отце? Он просил меня поговорить с тобой.

— Он не виновен!

Кит убийственно серьезен, настолько, что одновременно хочется рассмеяться и расплакаться.

— Кит... — я подхожу к нему, хочется обнять или тряхнуть, я не знаю. — Кит, ты ведь знаешь, почему его обвиняют?

Он поджимает губы — упрямо, хмуро, совсем как Этард, сейчас это сразу бросается в глаза...

— Из-за Майрет, — говорит тихо, смотрит на меня. — Мне Макинтайр написал. Но это неправда.

Глухо и почти отчаянно.

Так искренне, что я слегка теряюсь.

— Кит, ты разве не знаешь своего отца?

Да, согласна, мне самой это кажется как-то слишком, но я не могу отрицать факты.

— Знаю. Но нет.

Упрямо.

— Почему?

Вдруг мысль проскочила — что если Кит что-то знает? Такое, что могло бы все изменить. Не то, чтобы я сильно сочувствую Этарду, он сам виноват, но... что если не виноват?

Кит только хмурится.

— Не с Майрет, — говорит он. — Нет, это невозможно. Она... Нет.

И это все. Стоит, сжав зубы, желваки играют на скулах.

— Кит, если ты что-то знаешь, то лучше сказать. Вдруг это как-то можно использовать. Поговорить с Горданом...

— Нет. Я не знаю ничего. Просто Майрет не могла...

Он запинается. Губы поджимает. Его лицо идет красными пятнами.

Майрет?

Та-ак!

Кит, твою мать! Да что же вы творите все? Ему даже говорить ничего не надо, все так отчетливо написано на лице. Здоровый, вроде, парень, разумный, на войне побывал. А врать так и не научился. Глаза всегда выдают его однозначно. И пылающие уши.

Я смотрю на него и не знаю, что делать теперь.

И честно, прямо смех разбирает, потому, что Кит все еще верит, что я не поняла.

— Надеюсь, ты-то хоть с ней не спал? — говорю я, мысленно закатывая глаза.

Он дергается, словно от пощечины, так испуганно, что становится парня жаль.

— Мама! Нет! Что ты говоришь?! Мы никогда!

«Мы».

— И давно у вас роман? — говорю я.

Глаза Кита становятся совсем круглыми от ужаса.

— Нет! У нас ничего не было! Я бы никогда... я... Я просто люблю ее, но...

Совсем отчаянно.

Та-ак... Я отлично понимаю, что если надавить на Кита еще, то он будет рассказывать, что Майрет едва ли вообще не подозревает о его существовании, а он тайно вздыхает о ней. Конечно. Именно поэтому «Майрет бы никогда». Но Майрет действительно никогда бы не переспала с другим, будь у них все серьезно. Майрет девушка правильная, я не понимаю, как все это вышло.

И Кит будет защищать ее до последнего. И отца защищать. Вот так же упрямо и бестолково стоять на своем, еще, не дай бог, Джону ляпнет, Джон и с него голову снимет, за компанию. Гордан прав, не стоит Киту никуда ездить.

— А отец об этом знает? — говорю я.

У Кита дергается подбородок, он мотает головой. Не знает. Или, по крайней мере, Кит уверен, что не знает.

— Отец не виноват...

— Да? — вздыхаю я. — А кто виноват? Майрет? Может быть, это она соблазнила его?

Кит едва не подскакивает на месте.

— Мама! Как ты можешь?!

Я только вздыхаю. Никто не виноват, оба совершенно случайно оказались утром в одной постели. Сквозняком занесло.

Вот, кстати, интересно, я так и не узнала, в его или в ее постели они были?

Нельзя Кита в Кетнах отпускать, тем более одного. Он наворотит там...

И ведь удивительно, Этард был точно там же в его возрасте. Прямолинейным горячим балбесом. Прямо один в один. И характером и внешностью, и всеми этими дурацкими замашками.

И это всегда выводило меня из себя. Наверно потому, что Этард был полной противоположностью моему отцу, мне все казалось, что так неправильно, я не понимала, чего от него ожидать. Все это упрямое стремление стоять на своем, и привычка идти только вперед, бить врага в лоб, говорить в глаза. Я ненавидела это в Этарде. Бескомпромиссность.

Самое удивительное, что теперь, в Ките, все то же самое меня восхищает. Потому что именно это делает хорошим и честным парнем, который и в огонь и в воду готов за близких людей и за то, что считает правильным... не отступая.

Я даже рыжую щетину Этарда ненавидела. А сейчас Кит, такой же рыжий, кажется мне красавцем.

Ему нелегко сейчас.

— Тебе нужно поговорить с Горданом, — мягко сказала я. — Не нужно идти к Джону, его ослепляет ярость, он сейчас не видит и не слышит ничего. Не трогай его, дай ему остыть. Объясни все Гордану, он поймет, не станет тебя осуждать... и Майрет осуждать не станет.

— У нас ничего не было, — глухо шепнул Кит.

— Хорошо, — согласилась я. — Милый, я знаю, что с Майрет вы знакомы с детства, что отец постоянно таскал тебя ко двору, и вы едва ли не выросли вместе. Она стала красивой девушкой, ты — взрослым

мужчиной, все это закономерно. А то, что произошло... Гордан приезжал ко мне... Ему тоже сложно поверить, у него чутье говорит, что дело не так просто, но он не знает, за что уцепиться. Поговори с ним ты. С Горданом. Он готов слушать и разбираться. А не с Джоном. Возможно, вместе вы сможете что-то понять. Возможно, какие-то детали, которые кажутся тебе несущественными, помогут Гордану сделать правильные выводы. У него большой опыт, Кит, не забывай. И он на твоей стороне. А если ты пойдешь напролом, и Джон, сгоряча, отправит тебе на плаху, то никому от этого лучше не станет. Ни тебе, ни Майрет, ни твоему отцу.

Кит насупился, ноздри раздулись.

Но я видела, уже почти готов сдаться. Он разумный парень, просто горячий. Я смогу убедить его... Не отступить, конечно, тут он упрется неизбежно. Но подойти спокойно, все обдумав.

— Макинтайр не на моей стороне, — мрачно сказал Кит. — Он давно мечтает увидеть тебя вдовой. Тебя он вытащит... меня, может быть, тоже, чтобы ты была счастлива и благодарна ему. Но отца будет рад отправить на плаху. Такой удачный случай.

— Не говори ерунды...

Кит покачал головой.

— Ты знаешь, что это так.

Глава 5. О заговорах против короля и методах допроса

- Айлин! На пару слов, хорошо?

Шибел успела перехватить меня.

— Джон ждет меня, — сказала я.

— Ничего, я быстро. Давай отойдем.

Королева оттащила меня за руку, глаза блестели лихорадочно, щеки бледные. Никогда я не видела ее такой.

— Я хочу предупредить, — быстро сказала она. — Будешь говорить с Джоном, не упоминай Иверача. Ни Ришерта, ни Алана, никого из них. Если будет говорить он — просто уходи от темы. А то Джон начинает беситься. И будь осторожна. Когда поговоришь с ним, зайди ко мне, я буду у себя.

— Что-то случилось?

— Что-то случилось, — согласилась она. — Но я пока ничего не понимаю.

* * *

Джон ходил по кабинету от стены к стене, явно на взводе.

— А, вот и наша бедная овечка! — воскликнул он.

Я остановилась подальше на всякий случай, склонила голову.

— Вы хотели видеть меня, Ваше Величество?

— Оставь это, Айлин, — Джон отмахнулся раздраженно. — Что ты можешь сказать обо всем этом? Я не понимаю! Нэт всегда был мне как брат, а тут... Как это вышло?! Как он мог?

На его месте я бы тоже была в шоке.

Я и на своем месте в шоке тоже.

— Я сама не понимаю, Ваше Величество.

— Айлин!

— Не понимаю, Джон, — поправила я. Штука в том, что с Джоном никогда не угадаешь, стоит ли обращаться официально. — И даже предположить не могла, что Нэт способен на такое... Но за

последний год я видела его только дважды, и то на официальных приемах. Я почти ничего не знаю о нем.

Джон скривился.

— А вот надо было знать! Надо было не крутить... хм, романы свои с Глоссери, а следить за мужем. От хорошей жены ни один мужчина гулять не станет. Ты же могла бы его удержать! И не говори, что нет! Если Глоссери смогла, то Нэта — тем более!

Бог ты мой! Вот только не надо сравнивать мимолетное увлечение без обязательств и двадцать три года законного брака!

— Нэт никогда меня не любил.

— Никогда? Да первые три года он из кожи вон лез, чтобы понравится тебе. А ты только высокомерно задирала нос. Он ни на кого больше не смотрел.

— Это неправда, — сказала я. — Его почти не было дома, а если и бывал, то делал вид, что меня не существует, — вздохнула, бесполезно спорить об этом. — Не важно, Джон. Все это было страшно давно, к чему вспоминать?

Он скрипнул зубами, верхняя губа дрогнула раздраженно.

— Если бы ты хоть немного уделяла ему внимание, то этого бы не случилось.

Ну, конечно! Виновата здесь я.

— Я виновата исключительно в том, что не люблю своего мужа. Но я никогда не отказывалась исполнять свои обязанности жены. Виновата только в этом и больше ни в чем. Он сам предложил мне жить отдельно... Джон, десять лет мы живем так, ты все прекрасно знаешь. А последний год я вообще почти не видела его, даже не представляю, чем он занимался все это время, о чем думал, какие планы строил.

— Какие планы? То есть, ты допускаешь, что это действительно может быть умышленное предательство?

Такого поворота я даже от Джона не ожидала.

— Джон... — и не сразу поняла, как ответить. — Я не знаю, что думать. Я ничего об этом не знаю. И я всегда считала, что мой муж, конечно, тот еще кобель, но... тебе он всегда был абсолютно верен.

Джон чуть прищурился, шагнул ко мне, склонился так доверительно.

— Меня хотят отравить, Айлин! Что если это план Нэта? Что если он хотел отравить меня, соблазнить Майрет, и править от ее имени, пока Нивен еще мал? А потом и Нивена отравить тоже. Что если так, ты не думаешь?

И глаза блестят, как у сумасшедшего.

Историю о том, что Джона хотят отравить, я слышу давно. Больше года точно... пожалуй, не один год. Нэт говорил, что у него всегда были такие мысли, но раньше они были менее навязчивы. Да и не совсем уж лишены оснований... И он всегда был подозрительным, боялся, что ему желают смерти. А теперь, с годами, это усугубилось.

Джон пристально смотрел мне в глаза.

— Ты мне не веришь?

— Я верю тебе, Джон. Конечно, верю, — я даже осторожно шагнула ближе, и, когда он не подумал отстраниться, мягко коснулась его плеча, погладила. — Я верю тебе. Корона — всегда лакомый кусок. Но кто же в здравом уме будет соблазнять так? Это надо делать очень тихо, незаметно. Нэт, конечно, никогда не отличался благоразумием, но он не идиот.

— Ты защищаешь его? — глаза Джона сузились, он подался назад.

— Я не защищаю, я просто пытаюсь понять. Это все так... я до сих пор не могу поверить...

— Ты хочешь сказать, я придумал все это? — Джон дернулся, шагнул прочь, его ноздри яростно раздулись.

Да что с ним такое?

— Джон, что ты... я ничуть не сомневаюсь в твоих словах. Да и как я могу сомневаться? Я хочу сказать, что это страшный удар и для меня тоже, я и подумать не могла, что Нэд пойдет на такое. Я ничего не знала. Если я только подумать могла, я бы сразу пошла с этим к тебе.

— Пошла бы ко мне и предала бы мужа?

— Джон... Ваше Величество, я не понимаю, что вы хотите услышать от меня! — самой даже не по себе стало, слишком уж непоследовательно все это. — Я ничего не знала, даже подумать не могла.

— Я хочу услышать правду!

— Вся правда, которую я знаю, Ваше Величество, это то, что четыре дня назад, на рассвете, Нэд прискакал ко мне и сказал, что его обвиняют в измене, и он сам виноват. Сказал, что я должна знать и

быть готовой, и не стоит его защищать, потому что ему нет оправданий. А потом уехал снова. Я была в ужасе и не могла поверить... Но это все, что я знаю.

Джон нахмурился.

Он поднял руку, словно жестом пытаюсь становить меня.

— А если я тебе не верю? — сказал с вызовом.

На кружевном манжете кровь. Я даже вздрогнула, в сердце кольнуло.

— Что такое? — спросил Джон.

— У тебя кровь...

Джон повернул руку, посмотрел, усмехнулся.

— Это не моя, не пугайся так. Я ходил к твоему мужу сегодня утром... поговорить. И вот... запачкался, — Джон нехорошо усмехнулся. — Не заметил. Надо было переодеться все равно.

Все ты заметил, сукин сын!

Гордан говорил, Нэта не пытали, потому что он сразу сознался во всем. Но сейчас Джон...

— Твой муж чего-то не договаривает, — сказал Джон. — Вначале он вообще отказывался признаваться, доказывал мне, что ничего не было. Что он этого не делал. Но потом, когда я предложил привести тебя и посадить на цепь рядом с ним, он сразу сознался. Но все равно, Нэт не договаривает чего-то важного. Я вот думаю, пожалуй, стоит привести.

* * *

У меня тряслись ноги. Я шла за Джоном в подземелья и уже почти готова была попрощаться с жизнью.

Но ведь он не станет? Я ведь точно не виновата ни в чем. Там Гордан, он тоже не даст меня в обиду... Но Джон король, и то, что я вижу сейчас — пугает меня. Что-то происходит с ним, что-то нехорошее. Словно он сходит с ума...

И если так, я уже не знаю, на что надеяться.

Но хочется верить, что он просто попугает меня, все не на самом деле...

— Сюда, Айлин. Ты ведь никогда не была здесь? — Джон улыбался. — Не бойся. Если ты действительно не виновата, с тобой ничего плохого не случится.

Виновата в чем? Как мне убедить его?

Но, по крайней мере, нет стражи, никто не хватает меня за руки, не заковывает в цепи... Только вон, пара детин идет следом, но это личная охрана Джона.

На лестнице я едва не свернула шею — юбки длинные, а ступени высокие, не видно ничего. Джон подхватил меня под руку.

— Айлин, не дрожи так.

— А разве есть те, кто не боится, когда его ведут в пыточные подвалы?

Джон небрежно пожал плечами.

— Конечно, есть, Айлин. Те, чья совесть чиста. Я, вот, никогда не боялся спускаться сюда.

Сукин сын! Он ведь отлично понимает, насколько это разное! Он идет сюда как хозяин, а я... По глазам вижу, что понимает все, не такой уж он и сумасшедший. Может быть, это просто игра? Он хочет напугать меня? Думает, что тогда я расскажу что-то новое?

Внизу было душно. Тяжелая кислая вонь мочи и пота, гарь чадящих факелов... До тошноты все это... А когда передо мной распахнули дверь, в лицо ударил запах крови и... у меня голова закружилась. Я зажала ладонью рот, зажмурилась.

Скрежет железа... цепи?

— Айлин? — я услышала хриплый голос. Удивление. Испуг. Ужас почти. — Что она здесь делает?! Ты обещал!

— Спокойно! Я просто привел показать ей!

Этард... Раздетый догола, руки и ноги в кандалах. Руки вздернуты вверх, цепь закинута на крюк, свисающий с потолка, так, что постоянно приходится стоять, но ноги держат плохо. Грудь и плечи в бордовых полосах ожогов.

За его спиной стоит бугай в кожаном фартуке, забрызганном кровью.

Я глянула и отвернулась снова. Не могу смотреть.

— Не отворачивайся, — усмехнулся Джон. — Разве тебе нечего сказать?

У меня в ушах звенит от всего этого, я ничего не соображаю. Смотрю на Джона.

— Ему, — он кивает на моего мужа. Ухмылка становится совсем уж хищной.

Я разумная женщина, и все сделаю правильно. Ради этого Этард скакал ко мне... и вернулся. Он мог бы сбежать.

Отказаться от него, ради Кита.

Я поднимаю на Этарда глаза, губы облизываю, а то совсем пересохли.

— Как ты мог! — говорю я, голос немного дрожит. — Я даже подумать не могла, что ты способен на такое!

Этард улыбается едва заметно, одобрительно. Его улыбка так дико смотрится во всем этом.

Джон смотрит на меня, чуть склонив голову, разглядывает.

— Гордан говорил тебе, что ты должна публично отречься от своего мужа, выразить свое глубочайшее презрение, отказаться от траура по нему. Ты готова?

Я смотрю на Этарда. Он тихо кивает, словно говоря: «да, ты откажешься».

— Да, — говорю я. — Готова.

Я ничем не могу ему помочь... тем более, если он действительно получил по заслугам. Значит, должна позаботиться о себе.

— И готова доказать свое презрение? — поинтересовался Джон, обернулся. — Может быть, ты своей жене расскажешь, Нэт, как это вышло? Расскажи, я так хочу знать! Гордан!

Махнул рукой. Гордана я заметила только сейчас, лорд-дознаватель стоял в углу, в полутьме, одетый в черное, я увидела его, только когда он шагнул к свету.

Сердце отчаянно забилося. Что они хотят?

А Гордан берет щипцы. Цепляет ими в жаровне стальной прут, раскаленный до красна... У меня дыхание перехватывает. Нет, я не хочу на это смотреть!

— Пусть она сама, — вдруг говорит Джон, я даже не сразу понимаю, о чем он. — Айлин, возьми у него щипцы. Сделай это сама, покажи мне, насколько ты его ненавидишь.

Он ухмыляется. Ухмылка такая жуткая.

Да нет, ну... не может быть.

— Что? Джон, ты серьезно? Я не могу...

— Почему? — холодно говорит он. — Ты его жалеешь? Он мою дочь не жалел! Тварь!

Ярость в голосе.

Я понимаю Джона, и была бы у меня дочь, пожалуй, я думала бы так же. И дело не в том, что мне жаль... Но я не могу!

— Я не могу... — говорю тихо, горло перехватывает, говорить удается с трудом. — Я просто не могу, Джон. Что бы он ни сделал... не в нем дело... я просто не могу...

— Давай! Живо! — рявкает Джон страшно. — Бери щипцы и покажи мне. Иначе окажешься с ним рядом!

Страшно так, что кажется, меня вырвет сейчас. Жаль, что в обморок упасть не выйдет, это помогло бы потянуть время. Давно я разучилась в обморок падать.

Словно во сне подошла.

Представить, что так пытать будут меня... нет! Я не вынесу этого. Я этого точно не заслужила. Я ничего не сделала.

Но не могу.

— Бери, — говорит Гордан, сам вкладывает щипцы с раскаленным прутком мне в руки. Тяжелые... Подталкивает спину.

Я готова разрыдаться на месте. Не могу!

— Давай! — требует Джон.

У меня руки дрожат. И колени. Я пытаюсь шагнуть к Нэту...

Смотрю на него... Что мне делать?

— Не бойся, — шепотом говорит Нэт, смотрит мне в глаза. Спокойно смотрит.

Он не боится. По крайней мере, изо всех сил старается показать, что это так.

Не могу, нет!

Всхлипываю громко. И просто роняю все... щипцы разжимаются, прут катится в сторону. Не знаю, что будет теперь, но я не могу.

— Гордан! — слышу сквозь шум в ушах. — Раздень ее!

И даже не сразу могу все это осознать.

Только пальцы Гордана касаются моего плеча.

— Эй, Боб! — говорит он. — Принеси нашатырь, а то вдруг леди станет плохо.

Усмехается.

— Нет! — я вскрикиваю. — Не надо!

Поздно. Гордан крепко держит меня. И вдруг склоняется к уху.

— Не бойся, — говорит шепотом. — Ничего не будет. Это игра.

Какая к черту игра! Если тут же, я чувствую, как он с треском режет шнуровку на моем платье. Глупая мысль мелькает, что все, платье теперь испорчено, а ведь отличное было... но какое дело до платья, если то, что хотят сделать со мной — намного страшнее. Это сложно осознать.

— За что? — я почти плачу. — Не надо!

— Не смей! — рев Нэта словно рев зверя. — Не трогай ее! Ублюдок, мать твою! Отпусти!

И звон цепи. Нэт дергается, пытается вырваться так, что кажется, цепи лопнут вот-вот, или крюк в полотке не выдержит, выскочит.

— Не дергайся, — холодно говорит ему Джон. — А то будет хуже.

— Ты обещал! Какого черта! — рычит Нэт. — Не смей!

Джон криво ухмыляется.

— Ты тоже клялся мне в верности. И где же она?

— Ублюдок! Не трогай!

Нэт рвется, что есть сил, тянет цепи... Что толку от этого? Даже если вырваться, то что? Драться с королем? Стоит только свистнуть, и сбежится охрана.

Гордан методично раздевает меня. Я судорожно пытаюсь ухватиться хоть за что-то, хоть за сорочку, но он просто режет от воротника и вниз, сорочка падает, Гордан вырывает из моих рук.

— Не надо, — прошу я. От страха хочется расплакаться... И все же, надежда на Гордана не оставляет. Они только пугают меня? Пугают Нэта. — Не надо, я не виновата!

— Чего ты хочешь? — требует Нэт. — В чем еще признаться? Говори, я признаюсь, в чем угодно! Только отпусти ее!

Гордан берет веревку и связывает мне руки.

Я стою перед ними голая, меня трясет.

— Ты не все рассказал мне, — говорит Джон. — Расскажи. И я отпущу.

— Я все рассказал! — чувствую, как голос Нэта тоже вибрирует от напряжения и ярости. — Мне нечего добавить. Я был пьян, я не помню ничего. Вечером Майрет подходила ко мне, что-то

рассказывала, очень взволнованно. Но я не помню. Я был пьян и не помню, Джон. А проснулся уже в той постели.

— О чем рассказывала?

— Я не помню... — почти отчаянье. Он тянет цепи, скрежет и даже треск крошащегося камня под потолком. — Отпусти ее!

Джон качает головой, потом кивает Гордану. Тот спускает еще один крюк, поднимает мои руки, закидывает на него веревку. Поднимает так, что я теперь едва могу стоять, почти висну, веревка впивается в кожу.

— Пожалуйста... — шепотом говорю я, понимаю, что бесполезно.

Джон подходит ближе, обходит вокруг меня, разглядывая.

— А ты ничего, — говорит он. — Почти как молоденькая, даже грудь не сильно обвисла.

Тянет руку, кладет мне на грудь, сжимает... Я понимаю, что у меня по щеке течет слеза.

— Ублюдок! — Нэт дергается изо всей силы. — Не смей!

— Почему? — удивляется Джон, с ухмылкой, задумчиво окидывает меня взглядом. — Ты просто взял и трахнул мою дочь. А если я сейчас сделаю то же самое с твоей женой?

— Не смей! Я убью тебя!

— Ты угрожаешь королю, — говорит Джон. — Подумай? А то я заменю плаху на четвертование.

— Да мне плевать! Ублюдок! Я убью тебя! С того света достану!

Джон кивает Гордану, тот берет у стола увесистую дубинку, примеряется, подходит к Нэту и резко бьет под дых. Нэт сгибается пополам... как может, как позволяют цепи, пытается вздохнуть, но почти не может, воздуха нет... Но лишь только может дышать, рвется снова...

— Я убью тебя! — хрипит, весь красный от напряжения, цепи трещат...

Гордан бьет его по ногам. Сильно. Нэт разом падает, повиснув на цепях, колени подгибаются. По рукам, от содранных кандалами запястий, течет кровь.

— Тихо! — говорит Джон. — Не перестарайся, Гордан. На казнь он должен выйти на своих ногах.

У меня кружится голова...

И вот тут неожиданно стук в дверь.

— Лорд Макинтайр!

Слуга появляется на пороге.

— Простите, милорд! Ваше Величество... — он замирает.

— Что там? — говорит Гордан. Подвалы это его территория.

— Вам письмо, милорд! Простите, я не знал...

— Давай! — Гордан подходит и письмо забирает. Пробегает глазами. Очень выразительно смотрит на Джона. — Хм... — говорит он.

— Что там? — Джон тоже хочет знать. Раздраженно. Его отвлекли.

— Фергюс пишет, что приедет на днях. Пишет, что хочет поговорить с ней, — кивает на меня.

Фергюс Бейтан, герцог Уолша, дядя Джона по матери. Ему принадлежит южное побережье и контроль едва ли не над всей морской торговлей. А еще золотые шахты. Денег у него втрое больше, чем у короны. Джон предпочитает с ним не связываться, хотя в политику Фергюс не лезет никогда.

А еще... нас с Фергюсом кое-что связывает. Нет, ничего такого, конечно, он едва ли не вдвое старше меня, притом, что и я далеко не девочка. Но кое-что было... Теперь он называет меня дочкой и милой девочкой, так и норовит усадить к себе на колени. Впрочем, не позволяет себе ничего лишнего.

Самое главное, что Фергюс не позволит издеваться надо мной.

Джон смотрит на Гордана, на меня. Тихо ругается.

Гордан ждет.

— Это ты позвал его? — рявкает Джон.

— Что вы, Ваше Величество! — Гордан разводит руками. — Вести быстро разносятся. А у Фергюса всегда были свои источники.

Джон ругается, потом вздыхает.

— Ладно, развяжи ее. Пусть проваливает.

Когда Гордан режет веревки, я едва не падаю к нему на руки, он поддерживает меня.

— Вот видишь? — шепотом говорит он мне на ухо. — Не стоило бояться.

— Твоих рук дело? — так же шепотом говорю я.

— Конечно. Я не позволю причинить тебе боль.

Гордан улыбается. Даже помогает мне влезть в платье, хотя оно испорчено и сползает. А меня до сих пор трясет. Гордан накидывает мне на плечи плащ.

— Все будет хорошо, не бойся.

Оглядываясь на Нэта, я вижу, что он смеется.

Глава 6. Обо всем том, что так не нравится королеве

— Шибел... я, наверно, сейчас очень странный вопрос задам, — облизала губы, собираясь с духом. — Но ты уверена, что у них действительно что-то было?

Королева, тем временем, наливала бренди.

Меня отпустили, проводили наверх, сказали только не уезжать, дожждаться Фергюса и... официальной части. Я дождусь. Надеюсь, пугать меня больше не будут.

Вот только руки трясутся до сих пор. Шибел отпаивает...

Но чем дольше я думаю над этим, тем более странным кажется.

Королева хмурится.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила она.

Ровно то, что говорю.

— Они проснулись в спальне, Шибел. Кстати, в чьей? В спальне Нэта?

— Это гостевая спальня внизу, — она нахмурилась еще больше, не понимая, к чему я клоню. — О чем ты сейчас? Какая разница?

— Они были всю ночь вместе... — я и сама пыталась это осознать. — Это не похоже на насилие. Не так, чтобы Нэт напился до беспамятства и зажал Майрет в кустах. Она не звала на помощь, не сбежала...

— Айлин! — в голосе Шибел ясно сверкнуло предостережение. Еще немного, и она захочет убить меня за такие слова.

— Но неужели ты думаешь, что Майрет пошла на это добровольно? — поспешила я.

— Она была напугана! Она совсем девочка!

Да полно! Когда я была такой девочкой, Кит уже гонял голубей по саду!

— А ты не думаешь, — сказала я осторожно, — что это могло быть подстроено кем-то? Кто-то мог опоить их обоих так, что они не понимали ничего. И не помнят. Что говорит Майрет? Что если кто-то желал подставить Нэта, или подставить твою дочь... Я не знаю, зачем.

У Нэта много врагов.... Это все странно. Но если представить, что они оба сделали это добровольно, это странно еще больше.

— Ты защищаешь его! — ноздри Шибел гневно дрогнули. — Майрет бы никогда не согласилась сама. Он заставил ее, запугал! Я не знаю, что сделал! Но это он что-то сделал с ней!

Шибел всегда недолюбливала Нэта. Не знаю уж, что там было между ними... из того, что я слышала мимоходом, скорее — ничего. Шибел едва ли не единственная женщина, которую Нэт своим вниманием обошел. Но для Нэта она королева и законная жена его друга. А для Шибел, как и для любой женщины, это обидно. Подробностей я никогда не желала знать.

Но обиженная Шибел может быть еще опаснее, чем Джон. Если Джон просто сходу ударит в лоб, в этом они похожи с Нэтом, то Шибел будет тихо мстить исподтишка. Искать любой повод. Лучше не портить отношения с ней.

— Я не защищаю его, Шибел. От Нэта я могу ожидать чего угодно. Но ведь Майрет никак не могла! Ты ведь сама понимаешь... Она бы позвала на помощь, она бы сбежала. Она не из тех, кто не может за себя постоять. Ты ведь ее знаешь. Как же так вышло?

А, между прочим, я помню, как на каком-то балу с Майрет танцевал какой-то красавчик, сын какого-то барона... не важно. Он что-то рассказывал, Майрет весело смеялась. И в какой-то момент красавчик самонадеянно решил, что ему позволено больше. И его рука, словно невзначай, скользнула по спине Майрет и вниз. Майрет что-то сказала ему, он явно не понял. Прямо там, в бальном зале. И тогда Майрет, ни мгновения не сомневаясь, врезала красавчику по морде. Причем не просто пощечина, а разбила губу. Я помню, как он стоял, совершенно обалдело, утирая пальцами кровь...

А Майрет, как ни в чем не бывало, подошла к другому, и так «милорд, мой кавалер плохо танцует, не потанцуете ли вы со мной?»

Ее Нэт этому научил. Майрет и сама была не промах, а с таким учителем и подавно. Насмотревшись на меня, Нэт всех встречных девочек учил бить морду обидчикам. Отвечать сразу, не задумываясь, не страдая от угрызений совести. Забыть о том, что женщина чего-то не должна. Очень радовался, когда видел, что его наука пошла впрок, говорил: «Вот, смотри! Она точно не будет падать в обморок и бояться мужа! Пусть муж ее боится».

Кит с Майрет ровесники, одногодки, а Нэт часто бывал при дворе, и часто брал Кита с собой. Они с Майрет лазили по деревьям, дрались на палках, как на мечях, и кидались грязью. Шибел была в ужасе, пыталась избавить дочь от столь дурного влияния, но как-то не очень выходило. Джону было все равно, его интересовали только сыновья, а девочка, ну, растет и ладно.

Майрет выросла такой красавицей...

И Нэт, конечно, в глазах Шибел... тот Нэт, который всю жизнь учил Майрет плохому, сейчас решил пойти дальше.

И ведь еще вопрос, кто им стелил постель в гостевой спальне?

Шибел поджала губы. Она обидчивая, но далеко не дура.

— Не знаю, — покачала головой. — Но моя девочка пострадала, Айлин. Что с ней теперь будет? Кто-то должен понести за это наказание.

Без сомнений. Нэт должен понести...

Вот только после всего, что было — я уже ни в чем не уверена.

Что если он действительно не виноват? Как это вышло? Если он и правда не помнит... А я не помню, чтобы он напивался так, чтобы совсем не знать, что произошло вчера. И пьяный он тихий, просто засыпает где-то в уголке, его не тянет на подвиги.

Не с Майрет же!

Если они говорили о чем-то с Майрет накануне...

Что могло произойти?

Хуже всего, я отлично понимала, если только сунусь в это, меня саму отправят в подвалы. Меня пугали не зря. И нет, хуже всего то, что Кита могут отправить тоже. Потому что Кит молчать не будет.

Я не должна лезть, по крайней мере, из-за него.

И это сводит с ума.

Я видела Нэта, видела, что они сделали с ним... Он ведь всегда был хорошим парнем. Что бы там ни было, что бы я ни говорила о нем.

За все годы нашего брака он ни разу не обидел меня, по крайней мере, сознательно... то есть, я на него обижалась, и многое не могу простить до сих пор. Но тогда он был совсем мальчишкой, и не понимал, как правильно поступить. Глядя на Кита, я сейчас отлично вижу это.

— Подожди, — вдруг вспомнила я. — А что ты там говорила про Иверача? Почему его нельзя при Джоне упоминать?

Шибел вздрогнула. Глянула на меня испуганно.

— Иверача? — она напряглась, но тут же вспомнила, выдохнула, отмахнулась. — Это старая история. Джон его не любит. Ты не слышала?

Осторожно так, словно прощупывая почву. Шибел тоже что-то недоговаривает.

— О Нивене? — так же осторожно спросила я. Главное не спугнуть.

Я видела, как ее прямо передернуло, но Шибел умела держать себя в руках. Она улыбнулась.

— Ты же понимаешь, Айлин, Кетнах не лучшее место для воспитания детей. Мальчику здесь одиноко. Среди всех этих придворных лицемеров, в роскоши и золоте... Мальчику нужно простой жизни, бегать по полям, купаться...

Она запнулась.

Ее старший сын, Эйрик, утонул в реке. Ему было уже пятнадцать, и после охоты они купались... Не знаю, что тогда пошло не так. Второй сын Шибел умер в три года, заболел и умер, лихорадка сожгла его за два дня. Нивен — третий сын. Был и четвертый, но он прожил всего несколько дней, родился больным, с большой головой, неестественно вывернутыми ножками, постоянно кричал. У Шибел было пятеро детей, осталось двое. Дети — это всегда больной вопрос.

Шибел изо всех сил старалась справиться.

— Нивену одиноко здесь, — сказала она тихо, голос чуть дрогнул. — У него нет братьев. А у Ришerta два младших сына примерно возраста Нивена. Ему будет хорошо там. У Ришerta все сыновья здоровые и сильные, Алан взрослый совсем, самому уже жениться пора... Может быть, и Нивен там вырастет... здоровым...

Губы дрогнули, Шибел отвернулась.

Алану Иверачу, старшему сыну Лотианского герцога, двадцать шесть, да, он крепкий взрослый мужчина, которому самому бы пора заводить детей.

Но ведь Шибел всегда была против подобного. Что же теперь?

— Но ты ведь не хотела отпускать Нивена туда?

— Я и сейчас не хочу! — Шибел всхлипнула. — Это Джон! Он настаивает! Он говорит, Нивена надо держать подальше от меня. Я плохая мать, это из-за меня все... И если Нивен не уедет в Лотиан, с

ним будет то же... — она отвернулась, закрыла глаза ладонью. — Я не могу еще и Нивена потерять.

Плохая мать? Вот сукин сын! Разве можно говорить такое? В другое время, я бы пожаловалась Нэту, и Нэт бы вправил Джоню мозги, он бы не побоялся высказать все, что думает. Но теперь...

Гордан говорил, у Нэта с Джоном в последнее время не все ладно. Что если Нэт и сам пытался вправить, он же был здесь и все видел. А Джон уже не мальчик, чтобы терпеть...

Что там произошло на самом деле?

— И когда Нивен должен уехать?

Шибел покачала головой, словно не знала. Потом вздохнула.

— Его увезут сразу после казни, — сказала чуть нарочито небрежно.

Вот это поворот! Я не ожидала, что так скоро. Но...

— Шибел, а... — мне вдруг такая странная мысль в голову пришла, как бы только сказать об этом? — Скажи, Джон хотел отправить Нивена в Лотиан, так? А Нэт? Он был против?

— При чем здесь Нэт! — Шибел вскрикнула, едва не подскочила на месте. Дернулась. — Я не хочу ничего слышать о нем!

Плеснула себе бренди и выпила разом. У нее руки тряслись.

Это ведь не ненависть, это страх. Шибел чего-то боялась.

— Шибел...

— Нет! — она резко поднялась, отвернулась, отошла в сторону. — Хватит! Я не хочу больше говорить, я устала! У меня был тяжелый день!

Это у меня был тяжелый день! Меня в подвалы завели, раздели, чуть было пытать не начали! Я вообще скоро вдовой стану. И не известно еще, что потом со мной будет. Если уж кому и впадать в истерики, то скорее мне.

Что тут происходит, черт побери!

— Подожди, — сказала я. — Шибел, подожди, прости, я не хотела... Я не знаю, я сама так растеряна... Прости меня... Я ведь всегда была на твоей стороне.

Ах, я так растеряна, что сейчас просто пристукну Шибел на месте. Она явно крутит и что-то скрывает, что-то важное. Я не могу понять.

Шибел остановилась, все еще спиной ко мне.

— Я на твоей стороне, — мягко сказала я, проникновенно, как только могла. — Я тоже мать, я прекрасно понимаю тебя. Как тебе страшно. Если бы что-то угрожало моему сыну, я бы убила на месте, не раздумывая! Шибел... ты ведь хотела поговорить? Когда я шла к Джону, ты ведь сама позвала меня. Тебя ведь беспокоит что-то? Если я могу помочь... только скажи.

Шибел повернулась. Она долго стояла, глядя на меня, прижимая руки к груди, сжимая пальцы.

— Я боюсь, Айлин, — шепнула она. — Но я не могу ничего сказать. Если я буду молчать, то меня, возможно, не тронут. И Нивена не тронут. Они там... сговорились все. Я не знаю, кому верить! Никому. Они все... — Шибел всхлипнула. — Они хотят убить Джона! И меня тоже убьют. Отравить! Ему что-то подмешивают в еду, я уверена! Ты ведь видела, каким он стал?! Теперь я боюсь и его тоже! Он то смеется, то плачет... и вспышки ярости!

Шибел точно боялась, все это было очень правдиво, на самом деле.

Но, может быть, все дело в Джоне? Это всегда было в нем, это болезнь... но раньше едва заметно, а сейчас, с возрастом, все становится только хуже.

Но даже если это так... даже если дело в Джоне изначально, то, может быть, приближенные к нему люди видят перемены и... решили сменить сумасшедшего короля на нового? Пока Джон не стал слишком опасен?

Не нравится мне это.

— Я слышала, как Нэт грозился убить его, — сказала Шибел. — Я сама слышала! И как Нэт орал на него! Ты видела своего мужа в ярости? Он чудовище! Да я бы за милю не подошла. Я за стеной была... и не за одной... слышала просто... и то хотелось в угол забиться. Нэт Джону всю мебель в кабинете переломал, я думала, он действительно убьет! Его когда уводили оттуда... Гордан пытался успокоить. Так Нэт Гордану нос разбил и руку едва не сломал! Я уж не знаю, что там было, но... Прости, я даже рада, что Нэта казнят... После всего. Но я боюсь, на этом не закончится.

Глава 7. О двух предложениях руки и сердца

— Как ты? — Гордан заглянул вечером. — Шибел уже напоила тебя бренди? А я принес пирожки с мясом. Любишь такие?

С мясом не очень, но люблю с луком и шкварками, впрочем, сейчас не важно, я готова съесть все. Меня не то, чтобы под охраной держали, но когда я попыталась выйти, мне намекнули, что лучше бы Вашей Светлости далеко не ходить. А кормить меня здесь тоже никто не спешил.

Благо хоть вещи мои принесли, я смогла переодеться.

— Давай пирожки, — согласилась я.

Гордан зашел, поставил миску на столик, и еще бутылку вина принес. Сам уселся в кресло напротив, глядя на меня.

Я взяла пирожок, попробовала. Сойдет...

— Appetit у тебя не пропал, это хорошо, — улыбнувшись, сказал он.

— Когда я нервничаю, то всегда хочу есть, — сказала я.

— Да? — удивился он. — Не похоже. Такая худая до сих пор.

Я тяжело вздохнула, чуть закатив глаза.

— Потому что до недавнего времени, Гордан, жизнь у меня была легкая и прекрасная. Никаких нервов. И никаких лишних пирожков.

Похоже, бренди все же ударил мне в голову. Но вроде, не слишком.

— Я думал, ты будешь напугана, а ты ничего, держишься.

— Меня столько пугали в детстве, — сказала я, — что теперь долго бояться уже сложно. Значит, ты позвал сюда Фергюса?

Гордан заулыбался, откинулся на спинку кресла.

— Не звал, — сказал он. — Но если надо, то позову.

— Но он приедет?

Гордан пожал плечами.

— Если захочет. Думаю, он все знает, у него действительно свои источники. Письмо я сам написал от его имени. Дал приказ своим, что как только я пошлю за нашатырем, нести письмо мне. Джон знает, что

Фегргюс тебя любит, и предпочитает с дядей не связываться. Я ведь говорил, что смогу защитить тебя.

Обманом.

Наверно, неважно как... если б не Гордан, кто знает, что бы со мной сейчас было. Вышла бы я вообще оттуда живой. Но об этом лучше не думать.

Нэту Гордан не поможет. Даже если это будет в его силах, он не станет. Я видела, с каким удовольствием Гордан бил его. Отлично понимаю, что есть за что, это старые счеты и Гордан возможности не упустит. Хотя бы за разбитый нос и почти сломанную руку...

— Слушай, Гордан... а что такое произошло у Нэта с Джоном? Мне Шибел рассказывала, как Нэт грозился Джона убить, всю мебель у него в кабинете переломал, орал на него так, что тряслись стены?

Гордан удивленно поднял бровь, заинтересованно.

— Шибел сказала, что Нэт орал на Джона?

Вот так поворот, снова! И что не так?

— Этого не было? — спросила я.

— Было, — согласился Гордан, и как-то едва уловимо подобрался, даже чуть вглубь кресла отодвинулся. — Я просто не думал, что Шибел могла слышать это.

А вот сейчас он врет. Кому угодно он может врать, но я вижу.

— Я так поняла, там весь дворец слышал. Нэт рвал и метал как разъяренный дракон. Говорит, он тебе нос сломал, когда ты его оттащить пытался?

— Не сломал, но разбил, да, — Гордан потер переносицу. — Крови много было, весь камзол мне залило, а я только новый, с серебряным шитьем... — он вздохнул, сморщился. — Я не знаю, что у них произошло, Айлин. Я прибежал на крики, но из-за чего у них все это, мне никто не сказал. Джон во всем видит заговор, последнее время у него навязчивая идея. Думаю, дело в этом, они с Нэтом в очередной раз не сошлись во взглядах. А Нэт вспыхивает... ты сама знаешь. Он мне руку вывихнул, до сих пор еще болит, — Гордан вытянул руку передо мной так, словно я могла бы что-то увидеть. — А камзол выбрасывать пришлось, столько крови не отстирать, я кучу денег отдал, а я, знаешь ли, не герцог, чтобы каждый раз новый...

Вздохнул, покачал головой.

Гордан уходит от темы.

Так-так... А ведь выходит, по его словам, что Нэт наорал на короля, мебель поломал, и ему за это ничего не было? Да ладно? Джон, как минимум, вышвырнул бы из дворца и велел бы не возвращаться. И не смог бы Нэт принцесс соблазнять.

Что-то мне подсказывает, не на Джона Нэт орал, там был кто-то еще. Не зря Гордан так удивился. Не хочет говорить.

Но если не Гордан мне расскажет, то кто? Кому я вообще могу верить? Я и Гордану не могу, конечно. Но больше совсем некому.

Ладно... Я взяла еще пирожок.

— Гордан, я слышала, Нивена отправляют в Лотиан? — сказала небрежно.

И Гордан напрягся снова.

— Шибел сказала? — почти зашипел он.

Хм...

— А это секрет?

— Да нет... — Гордан потер ладони, чуть выдвинув вперед нижнюю челюсть, задумчиво. — Я никогда не понимал стремление Шибел отправить сына к Иверачу. На севере, конечно, спокойнее, и, наверно, будет полезней для парня, но...

— Подожди, — сказала я. — Шибел всегда говорила мне, что она против, это Джон настаивал?

Гордан моргнул. Очень долго смотрел на меня, что-то сопоставляя. Потом нахмурился еще больше. Хлопнул ладонями по коленям, поднялся.

— Знаешь, что я скажу тебе, Айлин, не лезь в это дело. Совсем не лезь. Пока я могу защитить тебя, сделать так, чтобы ты в этой истории не пострадала. Чтобы Кит не пострадал. Но если ты будешь задавать слишком много вопросов, я тебе помочь не смогу. Просто не лезь.

А Шибел боится не зря. Там действительно такой клубок, что не распутать.

— Я спрашиваю только тебя, Гордан, — поднялась тоже, глядя ему в глаза. — Тебе-то я могу доверять? У Нэта с Майрет действительно что-то было?

— Было, — холодно сказал Гордан, резко. Таким тоном он, наверно, там у себя в подвалах говорит, я ни разу не слышала. — Сиди здесь, Айлин, никуда не ходи и ни с кем не разговаривай. Для твоей же безопасности. Послезавтра будет суд, ты выступишь и отречешься.

Следующим утром казнь. После этого тебе стоит уехать и вести себя тихо. И сейчас тихо сиди. Я поставлю охрану у дверей.

— Там уже есть охрана.

— Там люди Джона. Я поставлю своих, для надежности. Айлин, пожалуйста, прошу тебя, — его тон стал мягче. — Я всего лишь хочу защитить тебя. Сейчас все так сложно. Тебя просто сомнут и растопчут, если ты сунешься. Не надо. Я переживаю за тебя. Потому что я тебя люблю, — он почти запнулся, кашлянул. Да, я видела, что, по крайней мере это он говорит честно. — Ты очень дорога мне, и я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Помни, что мое предложение все еще в силе. Если ты станешь моей женой, то у меня будет больше возможностей защитить тебя. Одинокой женщине справиться сложнее... Айлин... не смотри на меня так, ты знаешь, что я всегда тебя любил. Траур ты носить не будешь, так что все можно устроить уже к осени...

Он осекся.

Потому что мой взгляд, наверно, очень красноречиво все выразил. Я молчала, но...

Да ты в своем уме, Гордан? Мой муж еще жив, а ты уже строишь планы, как будешь гулять нашу свадьбу?

— Айлин, — Гордан сказал это совсем тихо, примирительно. — Я понимаю, как тебе нелегко сейчас. Я просто хотел, чтобы ты знала, я всегда буду с тобой. Просто знала. Будь осторожна.

Он кивнул мне и направился к двери.

* * *

Следующим вечером приехал Кит.

Кита ко мне пустили.

Я была в ужасе, если честно. Зачем Кит здесь? Мы же договорились! Ему не нужно было приезжать, его никто не звал, он мог бы просто подписать и все, тихо...

Если он здесь, то неизбежно сунет нос. И его убьют.

Это меня еще могут пожалеть, не тронуть, что может слабая женщина? Ну, в самом крайнем случае отправят в монастырь. То с Кита снимут голову. Он взрослый мужчина и наследник

Арранширского герцогства. Да, Нэта пока еще не лишали никаких титулов.

Завтра будет суд, там лишат.

Какие глупости Кит собрался делать?

У меня сердце замирало.

— Кит! Зачем ты здесь?

Он подошел ко мне.

— Мама... как ты?

Ему рассказывали, что меня водили в подвалы? Или нет? Глаза у него взволнованные.

— Со мной все хорошо, — сказала я. — Кит, тебе не стоило приезжать.

Он зубы сжал. Втянул носом воздух так, что ноздри раздулись.

— Я должен поговорить с Майрет, — сказал он.

Вот тут у меня чуть не случился сердечный приступ. Ну, куда же он лезет!

— К ней никого не пускают, и она не хочет ни с кем говорить. У тебя не выйдет.

— Не страшно, — сказал он. — Я знаю, как через крышу залезть. Я поговорю.

Вот тут сердечный приступ у меня, кажется, случился, но я отчего-то осталась жива. Хотя в глазах потемнело разом.

— Даже не вздумай! — только и смогла выдохнуть. — Кит, ты с ума сошел? Если ты полезешь в спальню к принцессе в окно, тебя повесят! После всего, что случилось! Даже не голову срубят, а как голодранца повесят на суку!

— Не волнуйся, я не раз делал это. Меня не заметят.

Беспечный щенок! Я схватила его за плечи, потрянула... попыталась потрянуть. Он такой же здоровенный, как и Нэт, мне не справиться. Что мне сделать? Повиснуть на нем и начать заливаться слезами? Действительно сердечный приступ изобразить?

— Не смей! — у меня даже голос сел, хотела закричать на него, но не смогла. — Кит! Не смей, слышишь! Чего ты добьешься этим?!

Он насупился.

— Я должен знать! — буркнул упрямо. — Должен от нее услышать. Как ты не понимаешь... Я не могу так.

— Но не в окно же лезть!

— Ты сама говоришь, к ней никого не пускают.

Так-так-так... спокойно... Что мне делать с этим?

— Подожди, Кит. Что именно ты рассчитываешь там услышать? Что твой отец напился и изнасиловал ее? Или что Майрет сама его соблазнила? Как ты себе это представляешь?

Лицо Кита пошло красными пятнами. Глаза вспыхнули яростно. Если б не я, а кто-то другой сказал ему такое, он бы убил на месте.

— Я хочу услышать правду!

Он хотел было повернуться, шагнуть к выходу, но я схватила, почти повисла на нем.

— Стой, Кит. Послушай. Я тоже не верю, что твой отец сделал это. Все слишком сложно. Я наслушалась тут такого... всякого... Ты бывал в Кетнахе чаще меня, возможно, ты и сам знаешь, что тут творится. Я почти уверена, что Нэта подставили, не могу только понять как. Но сейчас уже ничего не сделать. Возможно, это даже дело рук Джона, но... Я не знаю, Кит. Знаю только, что если ты сейчас полезешь узнавать, то и нас с тобой тоже убьют. Ты ничем не поможешь отцу, но погибнешь сам. И я тоже. А я очень хочу жить... потому что я тоже ни в чем не виновата. Нэт, по крайней мере, понимал, во что лез, он не мог не понимать. А меня втянули случайно. Джон уже водил меня в подвалы, сказал, что если дернусь только, окажусь там... — у меня губы дрогнули.

Наверно, про подвалы было лишнее, потому что глаза Кита загорелись совсем уж нехорошо. Но иначе не вышло.

— Мама...

Кит смотрел на меня, упрямо сжав зубы. Немного растерянно. Но все равно упрямо.

— Пожалуйста, Кит, — попросила я. — Если не боишься умереть сам, то хоть меня пожалей.

Это не очень честно, но я не знаю, что делать, как остановить его.

Он вдруг что-то вспомнил, сердито засопел, полез в карман.

— У тебя все будет хорошо, не бойся, — он достал и протянул мне письмо, с легким пренебрежением, даже обидой. — Это тебе. Пришло в Ован, но тебя не было, передали мне. От Фергюса Бейтона. Оно и мне и тебе сразу, поэтому я прочитал. Бейтан предлагает свою защиту, так что... — он скрипнул зубами. — Выйдешь за него замуж, как казнят отца. И никто тебя не тронет. А я так не могу.

Сунул мне и выскочил за дверь. Я осталась.

Хотела кинуться за ним, но Кита мне не остановить. Может быть, нужно срочно сообщить Гордану, чтобы поймал и не пустил его никуда, чтобы без глупостей. Но Гордану я не слишком-то доверяю тоже. Я не знаю, как мне быть, хочется орать и рвать на себе волосы.

Я открыла письмо.

Оно действительно Киту: «Дорогой Кристофер!»

Дальше: в эти нелегкие времена и бла-бла-бла... когда ситуация в королевстве так неустойчива... Точно от Фергюса, не от Гордана. Гордан всегда конкретен, у него кровь из глаз польется, такими заворотами писать. Фергюс говорит, что не может приехать сам, здоровье уже не то, и ноги ноют в непогоду....

«Я готов, — пишет он, — предоставить тебе и твоей матери всестороннюю поддержку и защиту». И приглашает «прекраснейшую леди Айлин» к себе в замок, чтобы отдохнуть от забот и скрасить последние годы его тоскливой жизни. И все в таком духе. Нет, никаких прямых предложений Фергюс не делает, но это отчетливо читается за каждым словом. Он хочет, чтобы я приехала и жила с ним, чувствовала себя как хозяйка.

Что ж, жена Фергюса умерла много лет назад, у него не то что внуки, правнуки уже есть. Но если я проявлю чуточку внимания к нему, то легко стану новой герцогиней Уолша. Я ничего не получу, фактически, только защиту, а все права и наследство все равно перейдет к его старшему сыну, Альдмар, по сути, уже давно управляет всем. Меня просто примут в семью.

Бог ты мой...

Я не знала, смеяться мне или плакать.

Плакать скорее. Я не хочу.

Хуже всего то, что все они... да и я тоже, уже списали Нэта со счетов. Он уже мертв. Даже до суда.

Но это не правильно.

Глава 8. О королевском суде и том, что женихов у меня уже три

Я не спала всю ночь.

Каждое мгновение боялась услышать шаги, боялась узнать, что моего сына схватили... или, того хуже, что он убит, пытаюсь залезть в спальню к принцессе. Или он сорвался с крыши. Или пропал, и нигде нет, а на самом деле его тихо утащили в подвалы. Или что-то еще...

Я боялась, не понимала, что думать.

Иногда мне кажется, я давно привыкла к жизни Кита, где война и дуэли, и никогда не знаешь, что ждет завтра. И ведь Кит еще так за девушками не бегает, как отец, ему не достается от строгих отцов и обманутых мужей. Но даже без этого дури через край. Мне не остановить его, никакими разумными доводами не остановить, я пыталась, но если уж что пришло ему в голову... Когда Киту было лет пятнадцать, справиться еще выходило, но теперь — уже нет. Чуть придержать — еще выходит, остановить — нет.

Привыкнуть к этому невозможно, страшно каждый раз.

Всю ночь я ходила от стены к стене, сидела у окна.

Потом, утром за мной пришли, сказали что пора, суд скоро начнется.

Когда я вошла в Большой зал, Кит уже сидел там. Не могу не признать, я выдохнула с облегчением. Он сидел на скамейке, чуть в стороне от других, сцепив пальцы, ссутулившись, глядя в пол, но без цепей и точно не под арестом, он был свободен. И это значит, все хорошо. С остальным мы разберемся после.

Нэта тоже уже привели. Дали помыться и сбрить щетину, но цепи не сняли. Словно опасный преступник. Он стоял посреди зала в кандалах, в окружении четырех гвардейцев. Чтобы пройти к своему месту, мне нужно было пройти мимо него.

Когда я вошла, он обернулся ко мне, улыбнулся, едва заметно, но очень тепло, так, словно просто рад меня видеть. Я... А мне тяжело смотреть было. Я отвела взгляд... попыталась отвести. Но и не смотреть не могла.

У него на висках капельки пота поблескивали. И стоять ему тяжело, после всего, что с ним было, после пыток... удивительно, как он вообще держался на ногах. Здоровье у Нэта всегда было лошадиное, но у всего есть предел. Да и не мальчик уже... Нэт... Когда я проходила мимо, он чуть выпрямился еще, плечи расправил, даже, кажется, втянул живот... думаю, скорее не осознано, просто... Я закусила губу. Не могу я... на него смотреть не могу, сердце разрывается... и вообще...

Тихо прошла на свое место, села рядом с Китом.

— Кит, — тихо спросила я. — Как ты?

Он даже не посмотрел на меня.

— Все нормально, — сказал глухо.

И как-то мне это не понравилось.

— Тебя ведь не поймали? — спросила я шепотом.

Он покачал головой.

— Ты говорил с Майрет? — спросила я снова?

Он как-то шмыгнул носом, совсем отчаянно.

— Говорил.

Сглотнул судорожно, все так же, глядя перед собой и не глядя на меня. Лицо серое совсем, осунувшееся. Я его таким никогда не видела.

Что же она Киту сказала?

— И что?

— Ничего! — зло буркнул Кит. — Не бойся, я все подпишу.

Дернулся было встать, но не встал, только отвернулся. Уйти он не может.

И совершенно точно не станет сейчас говорить. Мне не узнать. Лучше не трогать сейчас, ему и без того нелегко. Не здесь, не в Зале, не при всех... Но какого черта? Что там произошло у них?

Я попытаюсь узнать...

Уже почти все собрались, Гордан стоит за королевским тронном, нет только самого Джона.

Нет Майрет, но она, скорее всего, и не придет.

Мы ждем короля. Он любит, чтобы его ждали, чтобы почувствовали его значимость.

Нэт переступает с ноги на ногу, поводит плечами... спина у него болит, и тяжелые кандалы тянут вниз, но сесть он не может.

Сукин сын ты Джон, даже в такой мелочи...

Мы ждем... Четверть часа уже прошла, как все в сборе. Я бросаю взгляд на Нэта, но он не смотрит на меня, смотрит куда-то за окно... я смотрю тоже, но там ничего нет, только синее ясное небо... ласточки летают... дворец на берегу, и ласточки вьют гнезда под крышей. Нэт стоит, упрямо сжав зубы... смотрит туда.

Эшафот на заднем дворе уже почти построили, сегодня закончат. Весь суд это фарс, представление на публику.

Я закрываю глаза. Помолиться, что ли... но я не знаю о чем. Ничего уже не исправить.

Радостно поет рожок, и открываются двери. Входит Джон, проходит к своему месту, садится. Поворачивается к Гордану.

— Можешь начинать.

Гордан разворачивает бумаги.

— Этард Муррей из Ована, — громко говорит он, и это сразу режет слух. Не «лорд», даже не «сэр», просто Этард. — Вы обвиняетесь в государственной измене, попытке покушения на Его Величество короля Джона, многочисленных угрозах и подстрекательстве к государственному перевороту...

Он говорит что-то еще, я слушаю, но среди всего этого Майрет не упоминается ни разу. С одной стороны понятно, потерянную невинность дочери Джон хочет обойти стороной, с другой стороны... дело ведь не в невинности. Думаю, все заинтересованные лица понимают это.

Нэт слушает, неподвижно глядя в окно.

— Этард из Ована, — говорит Гордан, — вы признаете себя виновным?

Нэт поворачивается, посмотрел на него, на Джона.

— Да, признаю, — говорит спокойно, буднично, словно это ничего не значит.

Джону что-то не нравится, он кривится

— На колени!

Облизав губы, Нэт быстро смотрит на меня, на Кита. И на колени встает. Так же, спокойно.

— Повтори еще раз, — требует Джон.

— Я признаю себя виновным... — медленно говорит Нэт, глядя ему в глаза, — во всем... этом.

Без страха, без сожаления, без капли сарказма, очень ровно.

Джон скрипит зубами.

— В чем признаешь? — спрашивает Джон почти с вызовом.

— Какого черта, Джон? — удивляется Нэт. — Все уже решили.

У Джона раздуваются ноздри, зло, но он молчит, сдерживается. Только один вдох и один выдох.

— Хорошо, — устало говорит он, тихо. — Тогда приговор, Гордан. Давай заканчивать.

Джон... не то, чтобы нервничает, но я вижу, что чувствует он себе не в своей тарелке. Хмурится, чем-то недоволен. Что-то не так? Неужели он вдруг сомневается? Или это изначально была игра, но она зашла слишком далеко?

— Поскольку обвиняемый не отрицает свою вину, — говорит Гордан, — суд так же признает его виновным. Этард из Ована, ваша вина доказана. Вы признаетесь виновным в государственной измене и приговариваетесь к отсечению головы. Приговор будет исполнен завтра на рассвете.

Нэт кивает. Он другого и не ожидал.

— Лорд Кристофер Муррей, — говорит Гордан, — подойдите сюда. В сложившихся обстоятельствах, вы должны принести присягу на верность королю.

Кит вздрагивает. Моргает ошарашено, вытягивает шею, словно не веря тому, что слышит.

Но если Кит «лорд» и если от него требуют присягу, то все, он герцог, с ним ничего не случится. Если только он сам не выкинет никаких глупостей.

Кит смотрит на Гордана, на Джона, потом на отца.

— Давай, Кит, — я толкаю его.

— Я... я не... — Кит пытается мне что-то сказать, запинается.

— Лорд Муррей, — говорит Гордан. — Поторопитесь.

Кит поднимается.

И я прямо вижу, как его трясет. Он идет, больше не глядя по сторонам, только в пол. Подходит к Джону.

Боже мой! Только бы никаких глупостей сейчас! Пожалуйста, Кит! Если он что-то задумал...

— Кит, опустишь на одно колено, — шепотом говорит Гордан, я сию минуту близко, слышу.

Кит покорно опускается, словно деревянный.

— Лорд Кристофер Муррей, — говорит Гордан громко, — клянетесь ли в верности своему королю?

Кит втягивает носом воздух, чуть кашляет.

— Клянусь, — говорит хрипло, я вижу, как кадык дергается.

— Клянетесь ли вы служить верой и правдой, почитать и защищать от любой опасности вашего короля, являться по первому зову, если потребуется.

— Клянусь, — говорит Кит, склоняет голову.

Тишина. Очень долго в зале висит тишина.

Потом Джон кивает.

— Я принимаю вашу клятву, лорд Муррей.

Кит стоит на одном колене, неподвижно, я вижу только, как тяжело дышит.

— Ты можешь идти, Кит, — тихо говорит Гордан.

Кит вздрагивает, смотрит на него. Потом поднимается. Бросает на меня быстрый взгляд, хочет что-то сказать, но не говорит. Просто поворачивается и уходит. Мне очень хочется кинуться за ним, но сейчас нельзя. Я не могу сбежать без разрешения. Да и Кит сейчас не станет ничего слушать.

Ему надо немного времени...

Главное, сейчас он все сделал правильно, ничего... Но ведь что-то не так, однозначно.

Тишина.

Потом Джон поднимается.

— Благодарю вас, господа, — объявляет Гордан, давая понять, что заседание окончено.

Король уходит, а вместе с ним, постепенно, и все остальные.

Уводят Нэта.

Я сижу.

Неужели вот так... и все. Ничего больше не будет? Никто ничего не требует от меня? Никаких отречений, только присяга Кита? По сути, присяга — обычное дело для нового герцога. И Джон... Да что у них происходит там?

А завтра утром Нэта казнят. Наверно, я только сейчас по-настоящему осознала это. Все уже решено и пути назад нет. Я не верю...

— Айлин! — тихо подошел Гордан. — Ты такая бледная, тебе плохо?

Я покачала головой.

— Просто плохо спала.

— Послушай, — Гордан вздохнул, — тебе лучше уехать сегодня, не дожидаясь казни. Джон не будет настаивать. Кит уезжает, мы говорили с ним. Понимаешь... настроение Джона меняются как весенний ветер. Сейчас он так лояльно смотрит на все, но...

— Лояльно? — удивилась я.

— Ты же видела сама. Он всю ночь просидел у Нэта, они о чем-то говорили, я не знаю. Но это сейчас. Сейчас Джон спокоен и едва ли не все готов простить. Но кто знает, что будет завтра? Вдруг ему попадет шлея под хвост, и он устроит тут... Лучше уехать, Айлин, пока все спокойно. Не попадаться на глаза.

— Нэта казнят... — сказала я, вышло почти растерянно, так, словно я не знала.

— Да. Это давно решено, — вздохнул Гордан. — Ты ведь никогда не любила его. А теперь будешь свободна.

Хотелось врезать ему, честное слово.

— Все это вдруг свалилось на меня, — сказала я. — Даже не знаю...

— Кит будет герцогом, у тебя все будет хорошо...

— А что с Китом? — спросила я. — Ты не знаешь, почему он такой? На нем лица нет. Что случилось?

Гордан очень натурально удивился.

— Я думал, ты с ним поговорила, но парню просто все равно тяжело. Не знаю. Он пришел ко мне утром, сказал, что готов все подписать и со всем согласиться.

Наверно, говорить о том, что Кит хотел залезть в окно к принцессе, будет лишним. Не стоит.

— Я поговорю с ним... потом, — сказала я.

— Да, — согласился Гордан. — Ты иди... отдохни немного, и езжай домой. Хорошо?

Я кивнула. Но не уверена, что смогу уехать сейчас.

Посидела еще, пытаюсь уложить все в голове, понять, как поступить теперь... Уже собиралась идти к себе, как вдруг — осторожные тихие шаги. И он подсаживается рядом...

Твою мать! Вот тебя-то я совсем не ждала.

Патрик.

— Айлин! — он заискивающе улыбался. — Все это так ужасно.

Хотелось рявкнуть: «Патрик, пошел вон! Не до тебя!»

— Ужасно, — согласилась я.

— Но ведь ты будешь свободна теперь, — Патрик осторожно улыбнулся. — И траур, я слышал, тебе не нужно носить. Ты останешься такой молодой и прекрасной вдовой и... сохранишь все, даже земли...

Он взял меня за руку, так нежно, преданно заглядывая в глаза.

Тебе нужны деньги, Патрик? Признаться, такая циничность бодрит.

— Арраншир принадлежит Киту, — сказала я.

— У тебя есть Дайтон, — пожал плечами он. — У тебя есть неплохое наследство от отца, свои земли. Зачем нам Арраншир? Мы можем и так прекрасно жить... Мы могли бы поехать к морю, тебе нужно развеяться.

«Мы»? О! Это не просто бодрит, это... Потрясающей незамутненности мальчик. И он действительно это всерьез?

И так хочется его грубо послать.

Но я вдруг подумала, что кто знает, Патрик может мне пригодиться. Мало ли, придется найти причину, по которой я не могу принять предложения Гордана...

— О, Айлин... — он пододвинулся ближе. — Я понимаю, как тебя тяжело сейчас. Все это так ужасно... Но всегда буду рядом, всегда готов утешить тебя!

Ужасно. Ты повторяешься Патрик.

— И как же ты готов утешить?

— Как пожелаешь! — совершенно искренне заулыбался он. — Прости, я не должен этого говорить, но я не могу сдержаться. Я так счастлив, Айлин! Теперь мы можем быть вместе! И ничто не может нам помешать.

— Вместе? — с подозрением спросила я. И ты туда же?

— Айлин! — и прыгнул со скамейки, встал на колени. — Я люблю тебя! И я всегда готов любить! Я даже готов жениться на тебе! Хоть прямо завтра! Ты ведь станешь моей женой?

Вот тут я охренела окончательно.

Настолько, что даже не могла злиться, это слишком дико и даже смешно.

— «Даже готов жениться», Патрик, звучит так себе, — сказала я. И даже Гордан был романтичнее.

Патрик смутился.

— Прости, я... Не то хотел... Но ты ведь выйдешь за меня? Айлин, в твои годы...

Да это хамство чистой воды!

— В мои годы? — я поднялась на ноги. — А ты знаешь, Патрик, что ты третий за последние сутки? И, полагаю, не последний. У меня уже есть предложения получше, — вздохнула, глядя в его растерянные голубые глазки. — Пошел в задницу.

Просто повернулась и ушла.

Надо найти Кита.

Глава 9. О чужих играх и несказанных словах

Кита я поймала во дворе, он уже почти собрался садиться на лошадь.

— Кит! Что происходит, объясни мне?

Видела, как ему хотелось сбежать, но он остался, насупился, повернулся ко мне.

— Не бойся, — сказал он. — Сейчас я еду домой. Я... — он облизал губы. — Макинтайр прав, тебе не стоит вмешиваться.

— Гордан? Ты говорил с ним?

— Говорил. Мама, я по-прежнему не доверяю ему ни на грош. Но тут он прав. Тебе не стоит...

Кит сжал зубы.

— Что он сказал?

— Не важно, — Кит мотнул головой. — Король отправляет меня в Эларсу, я должен ехать завтра, послезавтра в крайнем случае. Это приказ, и не подчиниться сейчас я никак не могу. Так что не волнуйся, я никуда не влезу.

Кита вывели из игры? Но ведь есть что-то еще. Кит совсем взводе.

— А Майрет? Ты ведь говорил с ней? Она сказала, что произошло?

— Сказала, — лицо Кита нехорошо потемнело. — Ты хочешь знать, да? — почти ярость полыхнула в его словах. Усталость от всего этого, отчаянье и ярость. — Она сама сделала это! Ее тоже прижали, конечно, но это все равно был ее выбор. Сама, понимаешь! — он почти кричал, шепотом, но кричал, у него дрожал голос. — Она пошла к нему, сама его привела...

Кит зажмурился.

Майрет сама подставила Нэта?

— Но ведь ничего не было? — спросила я.

— Было! — глухо рявкнул Кит. — Ты хотела знать... Она позвала, и он пошел с ней!

Зубы закрипели аж до хруста, Кит отвернулся, дернулся прочь, пошел...

— Кит, подожди!

Я не могу понять...

— Я не знаю, — бросил Кит отчаянно. — Я уже ничего не понимаю, мама. Мне нужно подумать. Не трогай меня...

Вскочил на лошадь.

Кит в ужасе, в растерянности, все это как предательство, любимая девушка отказалась от него сама, и отец не оправдал доверия... Вот почему только я вижу в этом лишь то, как мастерски Кита вывели из игры? Остальное... не знаю...

Сейчас Кит в растерянности, а завтра уедет в Эларсу и никому не станет мешать. Это хорошо и для него тоже, так безопаснее. Но его убрали.

Я могу понять Майрет. Ей тоже могли угрожать... Хотели убрать Нэта? Или тут что-то еще. Но скорее всего, в этой ситуации, ее заставили. Угрожали ее жизни, жизни Нивена, жизни Кита в конце концов. Уж точно не для развлечения она пошла на такое. Не Майрет... Возможно, на ее месте я поступила бы так же.

Если против Джона действительно заговор, если Нивена хотят забрать, то Нэт, скорее всего, очень мешал им.

Как оправдать Нэта я не знаю. Даже если его хотели подставить, он должен был понимать... Возможности провести ночь с девушкой, тем более, если она зовет сама, он бы, конечно, никогда не упустил. Но вот это все слишком, Нэт не идиот... И что-то не вяжется. Я пока не знаю что.

По крайней мере, Кит уедет.

* * *

Меня настойчиво пытались выставить вон, до казни.

Так настойчиво, что я твердо решила остаться.

Да и просто уехать не могла. Мне все казалось — уехать, значит оставить Нэта одного. Я ничем не могу помочь, и он, наверно, сам виноват... но уехать будет неправильно. Если я уеду — потом буду жалеть.

Не знала, что делать. Да, мне нужно подумать тоже.

Благо, силой меня не выставляли, просто советовали. Вещи даже пытались собрать, но под руки не выводили.

Я не спала и эту ночь тоже. Все думала... вспоминала, как мы жили с Нэтом... как же вышло это все...

В какой-то момент, ночью, даже подумала, что возможно Джон прав. Уделяй я хоть немного больше внимания Нэту, такого бы не случилось. Полюбить, конечно, насильно не вышло бы, но хоть... что-то...

Я знаю, что все это пустые разговоры, было как было, и теперь уже не изменить ничего.

Я пыталась быть хорошей женой. Но не умела. Меня учили совсем не так.

В самом начале я боялась его, а он, как это ни смешно, боялся меня. Не понимал.

Наша первая ночь...

Я тогда все же заснула на рассвете. А когда проснулась, моего мужа в спальне не было.

Я не понимала, что мне делать. Пыталась притвориться спящей, дожидаться, пока он вернется. Я не могла представить, что буду делать, если кто-то придет и спросит: где мой муж? Я ведь не знаю. Что мне сказать? Он ушел, потому что я вела себя недостойно? Как? Я пряталась под одеяло. Все ногти изгрызла. До обеда.

А в обед заглянула горничная, сказала, что «Надо одеваться, мидели. Вас ждут за столом». Я думала — умру от стыда. Но не умерла, конечно. Оделась, спустилась вниз. Оказалось, что Нэт уже сидит там.

Он улыбнулся мне, поднялся, подал руку, как ни в чем не бывало. Спросил, как я спала, все ли хорошо. Что-то еще спрашивал. Я отвечала тихо, покорно, как меня учили. «Да, милорд. Благодарю вас, милорд. Как пожелаете, милорд». Сейчас понимаю, что у него зубы сводило от таких ответов. В какой-то момент он запнулся и замолчал. И больше не говорил ничего. А потом, после обеда, собрался и уехал в Кетнах. На неделю. Сказал, у него дела. Всю эту неделю я не решалась из своей комнаты выходить. Не знала, как вести себя, в чем я виновата. Да, чувствовала, что именно я виновата во всем, как всегда была виновата моя мать.

Зато его мать была совсем другой. Если б не Беатрис Муррей, не знаю, выжила бы я вообще. Это она меня всему научила, и, как ни странно, заигрывать с мужчинами тоже. Это она сказала: «Роди ему сына, и живи, как хочешь». Она знала, о чем говорит, они с мужем жили примерно так же, как и мы с Нэтом сейчас. И Беатрис ни о чем не жалела...

Она приходила ко мне по утрам, мы пили чай, говорили. Она не настаивала ни на чем, ни в чем не пыталась меня убедить, не пыталась учить меня, и уж тем более осуждать. Мы просто говорили о разном, о погоде, цветах в саду, книгах. Так, словно подруги. Я смущалась вначале, потом привыкла.

Беатрис всегда была женщиной широких взглядов.

И сейчас, после смерти мужа, несмотря на почтенный возраст, она нашла себе молодого любовника и уехала с ним в Альду, а материк. Думаю, она вполне счастлива. Я знаю, что в ее браке никогда не было любви, но также знаю, что они были хорошими друзьями, Беатрис горевала по мужу, но это не помешало ей жить дальше.

Думаю, у меня сейчас так не выйдет. Сэмюэль Муррей умер от старости, в своей постели, ему было за восемьдесят, он многое в жизни повидал. Беатрис была моложе мужа на двадцать лет, это был первый и единственный брак Сэмюэля. Я долго не могла понять, как же так, ведь когда Нэт родился, его отцу было примерно столько же, сколько Нэту сейчас. Но потом все встало на свои места.

Сэмюэль Муррей предпочитал мальчиков.

Он был вторым сыном, не наследником, и его вкусы, по большому счету, мало кого заботили.

Но так вышло, у старшего брата родилось пять дочерей и ни одного сына. А потом, так вышло снова, что старший брат умер. И Сэмюэль, в свои почти сорок, внезапно оказался Арранширским герцогом, и надо было думать, кому потом это герцогство передать.

Встал вопрос о женитьбе. Сэмюэль решался долго, но потом нашел девушку, которая готова была мириться с его вкусами и родить ему мальчика. Да, он договорился с Беатрис обо всем заранее, все честно, ему это тоже далось нелегко. Беатрис говорила, что он очень волновался, что придется... хм, приложить много сил, но она забеременела со второго раза, ко всеобщей радости. А потом, Сэмюэль сказал ей, что отлично понимает: молодая женщина, хочется любви и

ласки, которой он не может дать, поэтому, если Беатрис будет вести себя осторожно, он готов даже помогать ей. Сам Сэмюэль вести себя осторожно отлично умел.

За пределами супружеской спальни он был отличным мужем. Я помню, как они сидели зимними вечерами у камина, говорили, смеялись. Помню, как вместе ездили на прогулки. Наверно, как брат с сестрой... у каждого из которых была своя личная жизнь.

Нет, конечно, никакой идиллии там не было. Я видела, как они спорили, ругались, орали друг на друга, было разное и не всегда гладко. Бывало хорошо, бывало плохо. Признаться, когда я впервые увидела, как Беатрис, в запале очередной ссоры, кидается в мужа посудой, я была в шоке. Я не могла представить, чтобы моя мать не то чтобы голос повесить, а просто не согласиться бы попыталась. Это дико. Немыслимо. Недостойно. Я была уверена, что приличная женщина бы никогда не посмела так. Но Беатрис? Приличная ли женщина герцогиня Беатрис Муррей?

А ведь Нэт ждал от меня того же. Он просто привык, что все происходит именно так.

У Нэта было множество женщин до меня. Был опыт.

Но, оглядываясь назад, мне иногда кажется, что то невероятное рвение, с которым он покорял сердца всех встречных девушек, было попыткой всем, да и себе самому, доказать, что он не такой, как отец. Он был похож на Сэмюэля один в один, только рыжий — в мать. Возможно, кто-то в юности говорил ему, возможно какие-то выводы сделал он сам... Но Нэт пытался доказать, что предпочитает девушек. И пользовался успехом. Такой здоровенный лось, не то чтобы красавец, но очень обаятельный, и темперамент — просто огонь... Да, темпераментом — в мать тоже.

Он не привык, что ему отказывают, не привык давить. И если вдруг девушка не желала его, он просто поворачивался и шел дальше, за следующим поворотом ждали новые.

Что делать со мной — Нэт не понимал. Моя подчеркнутая отстраненность пугала его, он пытался сбежать, но совсем сбежать не мог, приходилось возвращаться, и это сводило его с ума.

Наша первая ночь, когда наконец случилось хоть что-то в постели — почти через месяц после свадьбы. И то, полагаю, его прижала Беатрис, сказала, что хватит бегать от жены, она страдает.

Он притащил в спальню бочку вина. Реально бочку. Поставил на стол.

— Давай, напьемся, что ли? — сказал Нэт. — Может, так у нас лучше выйдет.

— Я настолько противна вам, милорд?

О, я была зла на него, обижена. Он месяц от меня бегал!

Да, ему не понравились мои слова, но он сдержался.

— Давай договоримся, — сказал он. — Ты не будешь говорить мне «милорд», хотя бы в спальне.

— Как мне называть вас, милорд? — спросила я, не поднимая глаз.

Меня учили — жена должна быть покорна и почтительна, но вот сейчас все вместе не получалось.

— Можешь называть меня Нэт, — сказал он. — И говори мне «ты». И даже «убери свои лапы, придурок», если что-то не тебе не понравится.

Он попытался улыбнуться, через силу. Но это было лишнее.

Спорить с мужем недопустимо.

Но и говорить подобное я не могла, это недопустимо тоже.

— Как будет угодно, — сказала я тихо.

— Да ты издеваешься?! — его передернуло так явно, ощутимо.

Я видела, у него там вскипало, он пытался держать себя в руках, но это распирало его.

Мой муж мной недоволен.

И мне стало по-настоящему страшно. Я отлично видела, что бывает после таких вспышек, видела синяки на лице матери, видела выломанную дверь, когда она в панике попыталась запереться, а отец выломал... помнила, как она кричала...

Я только сжалась.

— Простите, милорд, — уже жалела, что вообще раскрыла рот, мне хотелось спрятаться от него, провалиться сквозь землю.

Смотреть на него я не могла. Слышала только, как он тяжело шумно дышит. Понимала, что он почти в ярости, но...

Нэт взял кружки, налил. Да, он не бокалы, он прямо кружки принес, большие. Налил мне полную.

— Пей, — сказал строго.

Я взяла, отпила немного.

— Пей все, — сказал он.

Это было непросто. Кружка большая, а я не привыкла столько пить. Я всего чуть-чуть... а тут. Я пыталась, пила, почти давилась. Нэт сидел и смотрел тогда, очень хмуро.

Я так старалась, что даже закашляла, у меня из носа брызнуло это вино. Это было ужасно. Но понимала, что мой муж смотрел и ждал, я попыталась снова, даже сквозь кашель.

— Да подожди ты, — Нэт остановил, взял меня за руку. — Отдышись. Я хотел, чтобы ты немного успокоилась, расслабилась, а не... Прости. Айлин, я понимаю, что ты боишься меня. Но не нужно. Я не сделаю тебе ничего плохого, я не обижу... Не сделаю ничего, чего бы ты не хотела сама. Не буду настаивать. Если хочешь, я сейчас просто уйду, ничего не будет. Может быть, тебе нужно ко мне привыкнуть. Хочешь, завтра, для начала, мы пойдем погулять? Я сам покажу тебе замок и окрестности?

— Ваша мать, милорд, уже показала мне все.

Он нахмурился.

— Хочешь, поедem кататься верхом? Ты ведь умеешь сидеть в седле?

— Да. Но не очень хорошо. Если вам будет угодно.

Он вздохнул.

— Не нужно соглашаться на все. Скажи, как бы тебе самой хотелось.

— Я... не знаю...

Я не знала на самом деле. Меня смущало все это. Меня не учили думать, что хочу я, меня учили делать то, что от меня требуется. Делать как надо. Никаких личных желаний, это неприлично.

— А хочешь, поедem сейчас на Западную башню? — предложил он. — Солнце садится, оттуда невероятные закаты! Если стоять на самом верху, перед тобой река и вся долина Ована и лес вдаль...

Так воодушевленно. И умолк, поджал губы, глядя на меня.

— Не хочешь? — спросил тихо.

— Если пожелаете...

Он провел ладонью по лицу, потер с усилием.

— Пей, — сказал устало. — Выпьешь, я еще налью.

Я пила. Медленно в этот раз, осторожно, не торопясь, стараясь не подавиться снова. Эту кружку, потом еще одну. Нэт терпеливо ждал.

— Посмотри на меня, — попросил он, когда я закончила. — Просто посмотри на меня. Я знаю... моя мать говорила, что ты очень переживаешь, что у нас с тобой до сих пор ничего не было. Мы можем подождать... я не знаю, чего, но вдруг что-то изменится... Но если ты хочешь... — он сглотнул, вздохнул. — Скажи, мне сейчас уйти или остаться?

У меня даже сердце замерло. Страшно. Я должна что-то сказать?

— Остаться, — сказала я шепотом. Хотя в глаза ему все равно смотреть страшно.

— Ты уверена?

Мне все силы пришлось собрать.

— Да, — сказала я. — Мы ведь женаты, и это должно случиться рано или поздно. Лучше сейчас. Сделать это, и уже не бояться.

Он усмехнулся, почти отчаянно.

— Хочешь еще вина? — предложил тихо.

— Нет, у меня и так голова кружится.

— Хорошо... — какое-то время он сидел тихо и неподвижно, я слышала только его дыхание, не решалась посмотреть. — Встань, — сказал он. — Дай мне руку.

Я встала, но руку... Он потянулся, взял меня за руку сам.

— Ой, какие у тебя пальцы холодные... — и чуть сжал мою ладонь в своих, поднес к губам, подышал немного, пытаюсь согреть.

Я замерла окончательно. Это было так неожиданно, непосредственно, что я не понимала, как реагировать. У меня губы дрогнули. И тут Нэт осознал, что делает, и что я не из тех девушек, с кем он привык так...

— Прости, — сказал тихо, почти отпустил, но потом передумал. — Подожди, не бойся, я... Я понимаю, что ты очень волнуешься. Но я тоже волнуюсь. Вот... — он все еще держал меня за руку, и вдруг приложил мою ладонь к своей груди. — Я тоже волнуюсь, — сказал он. — Сердце колотится.

Я чувствовала да, как колотится его сердце. Еще быстрее, чем мое. А еще я понимала, что впервые стою вот так, дотрагиваясь до него. Его дыхание под моими пальцами, вдох-выдох. И легкая нервная дрожь, сквозь всю одежду я чувствую...

Он смотрит на меня. Закусив губу, замерев, ожидая чего-то.

А я... ничего не знаю. Не знаю даже, что сказать.

Понимаю только, как щеки начинают нестерпимо гореть.

— Айлин, — тихо, немного глухо сказал он, шагнул ближе так, что теперь я чувствовала его дыхание на своем лбу. — Все хорошо. Я не сделаю тебе ничего плохого. Ты мне очень нравишься, честно. Ты красивая и... Когда я в первый раз увидел тебя, ты стояла у окна, с цветами... ты поправляла в вазе цветы, и солнце так... — он судорожно вздохнул. — Не важно. Я хочу сказать, что ты нравишься мне, и очень надеюсь, когда-нибудь у нас с тобой все будет хорошо. Ты перестанешь меня бояться. Меня не нужно бояться, правда. Я понимаю, что тебе нелегко. Я сам сейчас не знаю, что мне делать, как вести себя с тобой. Очень надеюсь, мы как-нибудь разберемся и... — он запнулся. — Может быть, и правильно не тянуть, и сейчас... И ты поймешь, что ничего страшного нет.

Он замолчал.

Потом наклонился ко мне, осторожно коснулся моего лба губами. Совсем осторожно. Я стояла замерев, не понимая, как себя вести и что сейчас от меня требуется. Нет, я понимала в целом, что делаю люди в постели, и даже видела однажды, как горничная обнималась с лакеем за лестницей, и как она стонала, ей точно нравилось... но я... я ведь не горничная. Моей матери точно не приходилось делать ничего. Если отец хотел, он просто приходил и все брал сам, не интересуясь, хочет моя мать или не хочет.

А Нэт явно ждал чего-то. Я не понимала.

Он попытался поцеловать меня в губы, но тут я замерла еще больше. Потому что совсем не понимала, как целоваться... и можно ли мне, ведь я леди... и... Мне было неловко. Единственное, о чем я думала, так это о том, как бы поскорее все это закончилось. К чему все эти странные действия и слова, когда можно просто...

Нэт понял.

Он положил ладони на мою талию. Потом развернул меня к себе спиной, принялся расшнуровывать мое платье. По тому, как он делал это, было отлично понятно, что делал не в первый раз, у него опыт.

Он снял мое платье, нижнюю юбку. Я думала, он и сорочку мою попытается снять, но он принялся раздеваться сам. Серdito, сосредоточенно сопя. Сапоги бросил в сторону...

Без одежды он казался еще больше. Такие широкие плечи, крепкие руки... У меня в ушах шумело от всего этого, от выпитого

вина. И все равно, кроме жуткой неловкости я не чувствовала ничего.

Он снял с меня сорочку, повел на кровать, уложил.

Он честно очень старался быть нежным, пытался поцеловать меня, погладить по волосам, сделать хоть что-то, что не напугает меня и может понравиться. Но от любого его прикосновения меня била нервная дрожь. Я лежала зажмурившись. Неловко, неудобно, странно... немного больно... мне нужно что-то делать или нет?

Не понимаю, как Нэт не сломался тогда и не сбежал.

Но после той, первой ночи, я забеременела и родила Кита. Вот так сразу.

Нэт не сбежал. Остался со мной до утра.

Я помню, как проснулась, поняла, что он на меня смотрит.

Внимательно так смотрит, чуть улыбается.

А я лежу и смотрю на него. У него широкий свежий шрам под ключицей, он недавно вернулся из похода с Джоном, был ранен... У него зеленые глаза, веснушки, брови совсем светлые... и видя, что я рассматриваю его, он улыбается так тепло.

— С добрым утром, — сказал он. — Ну, как ты?

— С добрым утром, милорд... все хорошо.

Я не могла. Все, что я должна делать и говорить, слишком глубоко во мне сидело, от этого не избавиться так просто.

Нэт вздрогнул.

— Айлин... давай не будем, ладно.

И вот он уже недоволен — я чувствовала по голосу. И мне было не по себе. Все воспоминания прошлой ночи навалились разом. Я понимала, что мой муж ожидал от меня чего-то другого, я должна была вести себя как-то не так... И теперь он недоволен.

Мой муж... ему было-то едва двадцать лет.

— Простите, милорд... — шепнула я.

Он зажмурился.

И как-то вдруг резко сел. Потом спрыгнул с постели. Подошел к столику, взял вчерашнюю кружку. Он вчера заставил выпить меня, но не пил сам. Теперь вял и выпил. Потом налил и выпил еще.

— Ну вот, — сказал, почти неестественно бодро. — Теперь законность нашего брака не будет вызывать сомнений. Все как надо.

Принялся одеваться.

Глава 10. О том, как тяжело прощаться

Плаха. Эшафот.

Все уже собрались. Мелкий дождик моросит.

Я стою в верхней галерее, подальше, выглядываю осторожно. Вниз, во двор, меня не пустили, сказали, что не стоит мне на это смотреть. Но не смотреть я не могу. Если не увижу, потом не смогу поверить, что он мертв, Нэт всегда останется живым для меня. И как мне тогда жить дальше?

Тем более, что мне казали — не отдадут тело. Изменника нужно похоронить без почестей, просто закопать за оградой, никакого семейного склепа быть не может. От меня не требовали отречься от живого Этарда, но от мертвого отречься придется.

Это нехорошо. Но что делать с этим я пока не знаю. Возможно, потом, спустя время мне тело покажут и отдадут...

Дождик моросит. И от сырости пробирает ознобом.

Я стою за колонной галереи...

Палач уже достал и проверил топор.

Нэта ведут...

Утром приходил Гордан, такой злой, весь нервный, очень настойчиво советовал мне уезжать. Говорил, что это для моего же блага, что Джон не в себе. Что если Джон увидит меня, то может что-то там такое нехорошее захотеть.

Я послала Гордана ко всем чертям. Сказала, что Кит уехал, а я уже не боюсь. Что все уже сказано. Я имею право увидеть смерть мужа. Он не может меня прогнать. Если будет приказ Джона уехать — я уеду, а Гордану подчиняться не обязана.

После Гордана приходили гвардейцы. Думаю, Гордан послал их. Но я от них сбежала.

Когда меня попытались схватить, я врезала одному... точно не могу сказать куда, но куда-то врезала, локтем, куда вышло. На самом деле, Нэт учил бить в солнечное сплетение, но без опыта я — куда уж попала. Нэт когда-то учил меня драться. Говорил, что если у девушки богатая личная жизнь, то кто-то может подумать, что она хочет совсем

не того, чего хочет на самом деле. И надо убедительно ответить. Можно прямо по яйцам, чтобы совсем убедительно.

Я врезала, а потом наорала на них, что как они смеют прикасаться к герцогине?! Да я пожалуюсь Макинтайру, я пожалуюсь королю! Да их повесят за то, что они пытаются лапать меня. Да как они смеют?! В общем, дальше парни ловили меня без особого рвения, и я от них сбежала.

И вот, я здесь.

Нэта ведут через двор. Он идет спокойно, ровно, с прямой спиной. Если бы не цепи, можно было бы подумать, что просто вышел по делам.

Поднимается на помост.

На последней ступеньке его толкают в спину, он едва не спотыкается, но удается удержаться на ногах.

Джон смотрит на него. Гордан у Джона за спиной — смотрит тоже.

Гвардейцы с мушкетами стоят вытянувшись, глядя вперед.

Народу собралось не так уж много, я даже толком никого не узнаю. То ли Гордан всех разогнал, то ли дождик, то ли... не знаю что.

— Этард из Ована, — говорит Гордан, я плохо вижу его лицо, слишком далеко, но голос у него злой, — вы приговорены к отсечению головы. Приговор будет приведен в исполнение сейчас. Но перед казнью, по милости короля, с вас будут сняты кандалы, а так же будет надет мешок на голову, чтобы вы не видели когда, опустится топор.

— Что? — удивляется Нэт. — Какого черта?

Очень искренне удивляется, и я удивляюсь тоже. Я слышала о таком, слышала, что так иногда поступали с предателями, завязывали глаза, чтобы они не видели момент смерти, не были готовы, как не были готовы те, кого эти люди предали. Но поступить так с Нэтом?

— А так же, — говорит Гордан, — милостью короля вам дарована возможность отпущения грехов. Отец Бенедикт готов выслушать вас.

— Сейчас?

— После того, как тебе отрубят голову, говорить будет сложновато, — усмехается Джон, как-то не хорошо так усмехается.

Что у них за новые игры?

Нэт смотрит на него.

— Какого черта... — он к такому тоже не готов.

Подходит кузнец, сбивает с него кандалы. Нэт с удивлением и наслаждением почти трет запястья, поводит плечами, расправляя.

— Не вздумай бежать, — говорит Гордан, кивает на гвардейцев. Нэта пристрелят.

На краю помоста высокая ширма, рядом четыре здоровенных крепких монаха в бурых одинаковых рясах, в накинутых капюшонах. Один из них, очевидно, отец Бенедикт. Не то, чтобы это как-то особенно странно само по себе... но почему здесь? Священника обычно приглашают в камеру, и он говорит с заключенным до того, как его выведут на казнь.

Не успели?

Нэта подталкивают к ширме, он послушно идет. Разговор со священником требует уединения, все это понятно... И странно в то же время.

Я не вижу, что происходит там, за ширмой, видимо молятся. Нэт никогда не был особенно религиозным, но перед смертью — кто знает. Долго... У Нэта, очевидно, много грехов. Есть, что рассказать.

Потом выходит священник в капюшоне. Потом Нэт. Я почти не вижу его, на него сразу надевают мешок, завязывают, ведут к плахе под руки.

Что же мне так не дает покоя? Я смотрю и не могу понять.

Нэт сутулится. Он идет, вернее, его ведут, сам он не видит, и я даже отсюда вижу, как ему страшно. Мелкая дрожь в руках, опущенные плечи.

Да черт возьми...

Я схожу с ума, наверное?

Его подводят к плахе, заставляют встать на колени, кладут голову... Он обхватывает колоду руками, почти судорожно... я смотрю на его руки... далеко, конечно, не разглядеть, но...

Палач заносит топор.

Удар.

И голова падает в корзину. Все заливают кровью.

Я стою неподвижно, и не могу поверить.

Гордан, сукин сын. Джон... Так вот что. Но требовать объяснений сейчас — будет неразумно, опасно даже.

Сейчас лучше тихо-тихо уехать, сделать вид, что я не видела ничего. И тихо ждать.

Да, тело мне не отдадут, конечно.
Но все увидели, что Этард Муррей мертв.

Глава 11. О пустом доме и полной голове сомнений

В замке Ована было пусто. Кит уехал утром, не дожидаясь никого. А я приехала домой только к вечеру.

В растрепанных чувствах, сама уже не понимая — видела я что-то или нет. Чем дольше я думала, тем больше мне казалось — что нет, померещилось все. Далеко, не разобрать. Я просто придумала себе, не хотела верить. Нэт мертв.

Мне нужно было остаться и хоть что-то узнать.

Но уже не было сил.

Все это — словно пыльным мешком оглушило.

Две бессонные ночи, и до этого сплошные переживания, как только узнала, как только Нэт прискакал ко мне.

После казни я вдруг поняла, что ноги не идут. Просто стояла там, на галерее и понимала, что не могу идти. Не могу и все. Кое-как добралась до своей кареты. Упала внутрь. Заснула по дороге. Проснулась уже недалеко от Ована с гудящей головой и затекшей шеей. Все это слишком для меня.

Что я видела сегодня? Что это значит? Почему?

Нет, сегодня не было сил думать.

Я уснула, проспала до обеда.

А когда проснулась, не могла поверить еще больше. Да нет же, что можно увидеть с галереи под дождем. Да, все это странно, но это было странно с самого начала. При дворе свои игры и так было всегда. Нэт умел играть, а меня это мало интересовало.

И все же, надо поговорить с Горданом. Осторожно поговорить. Если я теперь знаю то, чего не должна знать, то это может быть опасно. Но ведь Гордана я могу не бояться? Лично я. Нет, о доверии речь не идет, конечно, но Гордан не сделает мне ничего плохого.

Или ставки слишком высоки?

Если Гордан знал заранее, то почему предлагал жениться? Он ведь честно предлагал это. Он ведь говорил именно о законном браке, а не том, как бы приятно провести время.

Гордан не знал? Все это придумали почти на ходу в последнюю ночь? Поэтому он с утра был такой злой? Без Гордана все это не проверить, но не сомневаюсь, что Гордан желал бы Нэту смерти... тем более, что это ломало его планы.

И Нэт не знал. Я видела, он был удивлен таким поворотом. Не понимал, что происходит. Он шел туда, будучи уверенным, что его казнят.

...или я ошибаюсь?

Весь день я проходила со звенящей головой, полной мечущихся в безумном хороводе мыслей.

А на следующий день, к вечеру, приехал Гордан.

Только увидев его, я поняла, что все мои сомнения не напрасны. Гордан напряжен, даже насторожен, аж искрит.

Он знает, наверняка, что я видела казнь, и хочет знать теперь, что именно я видела.

Одно ведь дело разыграть такое представление перед чужими, которым все равно, и другое — перед женой, которая знает много лет...

Сказать ему о своих сомнениях честно? Или сделать вид, что ничего не знаю?

Я подумала, что лучше бы сначала узнать, что скажет сам Гордан.

— Я смотрю, траур ты не носишь? — фыркнул он сходу, разглядывая меня.

Да, на мне бледно-голубое домашнее платье, я всегда его любила.

— Ты ведь сам говорил, что от траура стоит отказаться, — удивилась я. — К тому же, уж будем честны, печаль моя не настолько сильна, чтобы еще больше мучиться в некрасивых платьях. Черный меня старит.

— Ох, Айлин... — Гордан вздохнул. — Тебе идет все. Рад, что ты в добром расположении духа.

— Давай будем честными, Гордан. Смерть Нэта ничего в моей жизни не изменила, я виделась-то с ним пару раз в год. Конечно, очень больно было видеть все это, сложно поверить, и он ведь неплохой человек в целом, но... Только и всего.

И это, по большому счету, правда. Если Кит герцог, то для меня не изменилось ровным счетом ничего.

Гордан криво усмехнулся, скорее каким-то своим мыслям, покачал головой.

— Угостишь меня чаем?

— Конечно, — сказала я. — Идем. На обед ты опоздал, но сейчас велю, чтобы пораньше подавали ужин. Ты ведь с дроги.

— Не стоит, — сказал Гордан. — Я ненадолго. Я просто хотел проведать тебя, посмотреть как ты держишься. Но от чая не откажусь.

Потом мы пили чай с пирожками. Гордан сидел прямо и напряженно, и как-то особенно разглядывал меня.

А я не могла отделаться от мысли, что он приехал узнать, что я видела.

— Ты ведь уехала после казни? — спросил он, деликатно отпив из чашечки пару глотков.

— Да, — сказала я. — Должна была увидеть... Не знаю, Гордан, все это... Наверно, я действительно зря осталась, потому что досмотреть не смогла. Я видела, как его вывели, как говорили там что-то. Потом у меня так дико начала кружиться голова, я вообще не выношу крови. Думала, упаду в обморок прямо на месте, еле до кареты дошла.

Он чуть нахмурился, присматриваясь.

— Не досмотрела?

— Ты так спрашиваешь, словно там что-то необычное произошло. Я видела, как голова упала в корзину.

— Да... — сказал Гордан. — Я понимаю, как тебе было нелегко. Я сразу говорил тебе, что не стоит. Смерть — неприятное зрелище. Не для женских глаз, — он вздохнул, потер ладонью колено. — Что будешь делать теперь?

Интересный вопрос.

Ничего нового, наверно. Что мне нужно делать?

Гордан предлагал жениться. Что если напомнить ему? Посмотреть, что он скажет. Только напомнить осторожно.

— Не знаю, — сказала я, горестно вздохнула, поправила выбившуюся прядь у лица. — Теперь я вдова.

И так посмотрела на него, выжидающе.

Гордан чуть нервно улыбнулся и даже чуть грудь вперед выпятил. Однако...

— Я так понимаю, ты готова согласиться на мое предложение? — сказал он. Очень довольный сказал. — Если да, Айлин, то мы могли бы объявить уже сейчас и начать подготовку.

Так, подожди, Гордан... Ты ведь не можешь не знать, что там казнили не Нэта? А если Нэт вернется и потребует меня назад? Зачем тебе это? Зачем подставляться?

Или это блеф?

Надо бы дожать его до конца.

— Думаю, готова, — сказала я. — Но я не хотела бы так торопиться. Пойми меня правильно, я была замужем столько лет, и теперь вдруг свободна... это так странно. Дай мне выдохнуть...

— Теперь у тебя есть выбор? — Гордану выбор не понравился. — Я ждал этого столько лет, Айлин, что теперь мне тяжело смотреть, как всякие Глоссери пытаются увести тебя.

Это я как раз понимаю отлично, Гордан страшный собственник. Он бы точно измены терпеть не стал. Но если он действительно хочет на мне жениться, то как же Нэт? Они его послали куда-то так, что он точно не вернется? Я чего-то не знаю? Или мне действительно все привиделось, и Нэт мертв? Или Гордан сейчас точно так же прощупывает почву, как и я?

— Да брось, Гордан, — улыбнулась я, протянула ему мисочку с шоколадным печеньем. — Патрик милый мальчик и удивительно хорош в постели, не могу не признать, — на этих словах Гордана перекосило. — Но в качестве мужа... Это глупо. Что мне делать с ним?

— Муж отдельно, значит, развлечения отдельно? — буркнул Гордан. — Ты ведь так привыкла жить?

Да твою ж мать!

— А ты не находишь, Гордан, — сказала я строго, — что ревновать меня пока рано. Я пока ничего тебе не должна, — решительно поставила свою чашечку на стол, давая понять, что еще одно слово, и вечер закончен. — От хорошего мужа ни одна жена бегать не будет. Я уже набегалась. Ты даже не представляешь, как я устала от всего этого, я тоже не девочка. Но если ты будешь ревновать меня к каждому проходящему мимо мужчине, у нас с тобой ничего не выйдет.

Гордан подобрался, долго молчал.

— Прости, — сказал, наконец. — Я не хотел. Я все понимаю. Не хочу давить на тебя. Но пойми, я так долго ждал...

— Понимаю, — сказала я. — Именно поэтому предупреждаю сразу.

— Да... Ладно... — он даже поднялся на ноги. — Айлин, в эту субботу Коулз устраивает охоту на лис. Тебя будет рад видеть тоже, я говорил с ним, и... я буду там. Давай поедem, развеeмся?

Глава 12. Об охоте на лис и лопнувших рессорах

Я поехала. По большей части даже — посмотреть, что задумал Гордан. Он ведь не просто так меня позвал, что-то не чисто там... Или я уже тоже, как Джон, уже вижу заговор за каждым кустом?

Ему нужно, чтобы я поехала с ним, или наоборот, чтобы меня какое-то время не было в Оване. Если Нэт жив, то он может вернуться домой... или тут другое? Я никогда не пойму сама всех этих планов. Но вот тут — решила подыграть. Да, посмотрим, что будет. Упираюсь особого смысла нет, я сама не знаю, как правильно, и если начну упираться, на меня начнут давить... лучше не будет.

Мое появление произвело впечатление. Меня не ждали. Вернее, ждали, но далеко не все. Фелиция Коулз аж позеленела, увидев меня, что-то страшное зашипела мужу. Майкл забыл ее предупредить. Ну, как забыл? Счел за благо умолчать, должно быть. Женщины из приличного общества не любили меня, и это взаимно. Но я герцогиня, и отмахнуться от меня не выйдет, им приходится только брезгливо поджимать губы.

— Рад видеть вас, Ваша Светлость! — Майкл старательно улыбался мне.

Фелиция, за его плечом, пыталась испепелить меня взглядом, вот только огня ей не хватало... старая курица.

— Благодарю, Майкл, — я мило улыбнулась, подавая ему руку, он склонился, коснулся губами. — Прогулка на свежем воздухе — именно то, что мне нужно сейчас, чтобы успокоить нервы.

— У вас очень крепкие нервы, Ваша Светлость, — фыркнула Фелиция.

— Безусловно, — согласилась я.

— Ваш муж умер, а вы находите в себе силы... развлекаться. Вы сильная женщина. — Фелиция смотрела на меня с улыбкой голодной гиены.

Я тоже умею так улыбаться, и даже лучше. Особенно, если улыбаться в сторону встречающих меня мужчин. Мужчины обычно — за меня.

— Вы, наверно, не все понимаете правильно, — сказала я так сладко, как только могла, наблюдая, как у Фелиции начинает дергаться глаз. — Мой муж не умер, его казнили за измену. Я, безусловно, могу скорбеть о том, какой скотиной он был, но вовсе не о его смерти. Джон считает траур по нему неуместным, и тут я с ним совершенно согласна.

На «Джон считает» надавила особо. Майкл Коулз мелкий барон, несмотря на всю роскошь его имения, никаких особых достоинств. Когда они с Фелицией бывают при дворе, но все, что им доступно — кланяться издалека Его Величеству, выражая почтение, а в самых торжественных случаях кланяться, стоя вблизи. Для меня Джон всегда был другом моего мужа. Даже если покойного сейчас, все равно. Я помню Джона мальчишкой и принцем, я, в конце концов, ела с ним черешню из одной мисочки, сидя на крыльце охотничьего домика, кидаясь косточками кто дальше... дальше всех выходило у Нэта... страшно давно.

У Фелиции дергается верхняя губа.

Я улыбаюсь. Как раз и Гордан подходит, он давно смотрит на меня.

А Гордан сегодня приоделся особо, словно не на охоту, а на парад. — Рад, что ты приехала, дорогая!

И руку мне подставил, словно я приехала лично к нему.

Ладно, я его под руку взяла. Ты будешь так открыто ухаживать за мной, Гордан? Ты точно моего мужа не ждешь?

Это было странно... настолько, что я почти готова засомневаться.

Настолько странно, что где-то внутри начинает ворочаться тревога. И очень хочется эту тревогу хоть чем-нибудь заглушить. Что за...

Ну, в самом деле, что за дело мне до Этарда? Пару раз за год я видела мельком, и видеть чаще не было никакого желания. Так что же теперь? Только из-за того, что случившееся с ним несправедливо? А если Майрет сказала Кит правду, и у них с Нэтом действительно было... ну, кто знает? Тогда справедливо, и более чем. Я отлично знаю его привычки.

Но тоска и тревога внутри ворочаются все равно.

И хочется сделать хоть что-то... Не знаю... Предложить Гордану объявить о помолвке прямо сейчас? Моей репутации уже ничего не

страшно, а Гордан вряд ли станет это делать, зная, что Нэт жив. Одно дело лично мне рассказывать, другое дело — для всех. Потом придется отказываться от своих слов, а отказываться Гордан не любит. Признавать поражение.

Но это как-то слишком. Вдруг он согласится? А я не хочу. Чем дальше, тем больше я понимаю, что не хочу иметь с Горданом ничего общего, я ему не верю. Я не знаю, кому могу верить вообще.

Оглядываюсь.

И взгляд привычно цепляет одного, неизвестного мне мужчину. Отчасти похож на Майкла, те же глаза, те же скулы... Харольд? Хенрих? Как его зовут, я точно не помню. Как-то на «Х». Знаю только, что его помотало по свету, дома он почти не бывал. Симпатичный. Немного моложе меня, пожалуй, но точно не мальчик, высокий, крепкий, военная выправка чувствуется... Стоит чуть-чуть в стороне. И он ведь не втянут в эти игры?

Что ж, я улыбнулась ему.

— Гордан, а я, кажется, не всех здесь знаю. Ты не представишь?

Как можно более небрежно, но Гордан аж вытянулся, что-то недовольно буркнул, даже попытался меня утащить.

А этот Хальдор уже решительно шел к нам, видя мою многообещающую улыбку.

— Ваша Светлость, разрешите представить вам моего троюродного брата, — влез Майкл. — Это Хальдор Коулз, он совсем недавно из Рикаты.

Хальдор, значит.

Он смотрел на меня, чуть склонив голову, приветствуя. Загорелый, волосы выгоревшие, много времени проводит под солнцем.

— Для меня честь, Ваша Светлость.

Глаза синие, очень внимательные, разглядывают меня с легкой усмешкой, и эта же усмешка притаилась где-то в уголках губ... понимающая такая. Но это не пренебрежение, это именно понимание и взаимный интерес.

Я невольно глянула на его руки — кольца нет. Он либо не женат, либо вдовец...

Когда он ловит мой взгляд, его усмешка становится чуть более явной.

Не богат, своей земли, скорее всего, нет, но есть неплохое жалование на королевской службе. Хорош...

Все это привычно ловит глаз, я всегда оцениваю новых мужчин, попадающих в поле зрения. И вдруг ловлю себя на том, что невольно начинаю сравнивать его с Нэтом. Он чем-то неуловимо похож... Какого черта?

— Рада знакомству, милорд, — я кивнула ему. — Я слышала, у вас насыщенная жизнь? Вы приехали по делам.

— Именно так, Ваша Светлость. Я живу как перекасти-поле, то здесь, то там. Зато всегда есть множество историй, которые можно рассказывать вечерами в приятной компании.

Его глаза сверкнули. И, черт возьми, это почти намек... Он мне расскажет. Стоит только ответить, и новое приключение обеспечено. Вот только я внезапно не хочу... не сейчас точно.

— Обязательно расскажите нам всем за ужином, — сказала я. — Гордан, идем в дом, я устала с дороги.

Гордан не отходил от меня весь вечер до ужина, и на ужине тоже сидел рядом. И Хальдора этого старательно не подпускал, но тот и не особо рвался.

А Гордан даже попытался проводить меня в спальню, когда все расходились. Все время пытаюсь взять под руку, а то и приобнять, пока никто не смотрит. Откуда внезапно такая прыть?

Вот только я остановилась в коридоре, за несколько дверей.

— Что ж, до завтра, — сказала я, старательно делая вид, что не замечаю его планов.

Его это удивило.

— А разве ты не хочешь посидеть еще немного... вдвоем.

— Я что-то очень устала, Гордан, — улыбнулась, погладила его по плечу. — У меня голова болит, а завтра такой активный день, охота. Мне пора спать.

Он нахмурился, жесткая складка между бровями.

— Вот только не говори, что до свадьбы у нас ничего не будет. Не надо строить из себя невинную девочку. Я устал ждать, Айлин.

Вот теперь удивилась уже я. И мне не понравилось.

— А зачем ты столько ждал, Гордан? Я понимаю, что ты, вероятно, не хотел изменять жене, но она умерла больше трех лет

назад. Ты ведь знал, что у нас с Нэтом договоренность не лезть в личную жизнь друг друга. Почему ты не пришел ко мне раньше?

У него крылья носа дернулись, нехорошо так.

— Потому что мне не нужно развлечений на одну ночь. И я не готов делить тебя с кем-то еще, даже с твоим мужем, с которым у тебя ничего толком не было. Я не хочу прятаться за кустами, я хочу, чтобы ты была моей открыто.

Он шагнул ко мне, попытался даже схватить за плечи, но я увернулась, попятилась. Так... что-то мне это не нравится. Совсем. Такой тихий обычно Гордан меня пугает, и я понимаю, что это всегда было в нем, ничего нового, просто он действительно ждал момента. Дело не в любви, а в желании обладать. Да, он собственник.

Убегать от него — не вариант.

— Так, Гордан, — строго сказала я, — если ты сейчас попытаешься до меня дотронуться, я начну кричать. Я умею кричать громко, ты знаешь. Плевать, что обо мне подумают, но и тебе придется отвечать тоже.

— Какого черта? — возмутился он. — Ты ведь сама...

— Эй! — голос из-за открывшейся двери. — Леди, у вас ведь все хорошо?

Этот Хальдор Коулз смотрит на нас. Он ушел чуть раньше, и, вероятно, здесь его комната, он собирался спать. Без камзола, только сорочка, манжеты расстегнуты. Он стоит в дверях и смотрит на нас.

А я, чуть приподняв бровь, вопросительно, на Гордана.

— У нас ведь все хорошо? — тихо, но с нажимом говорю ему я.

И Гордан сжимает зубы, делает шаг назад.

— Все хорошо, милорд, — громко сказала я. — Мы с лордом Макинтайром просто разговариваем, мы старые друзья. Все нормально. Он уже уходит.

— Айлин, не стоит так... — буркнул Гордан.

— Гордан, иди! — сказала я. — Хватит!

Гордан стоял, как-то недовольно и зло глядя на Хальдора. Ревнует? Не нравится, что кто-то решил ему помешать? Еще бы тут не ревновать. У Хальдора и воротничок расстегнут... ну, как воротничок, рубашка прямо до пупка... Но он не спеша застегивает, идет к нам.

— Если Вашей Светлости будет угодно, — улыбаясь мне, говорит Хальдор, — я мог бы проводить вас до вашей комнаты, до дверей... —

и улыбается еще шире, с пониманием ситуации, почти весело, до дверей, да, на большее он пока не претендует. — Я отлично знаю дом, готов показать.

Он делает жест, приглашая.

Так...

— Благодарю, милорд, — согласилась я.

— Нет, Айлин! — Гордан попытался остановить меня.

Да ты совсем обнаглел? Ты еще возражать будешь, Гордан? Но Гордан как-то странно поглядывал на Хальдора, тот ему явно не нравился. А Хальдор был абсолютно спокоен. И как-то все это внезапно не очень нравится мне. Странно...

Ладно, к черту...

— Хальдор, проводите меня, — сказала я. Присматриваясь.

Это у меня от Джона такая паранойя? Или просто время такое, беспокойное?

Именно сейчас откуда-то вылез этот Хальдор и тут же, сходу, старательно строит мне глазки. Я, конечно, знаю, что нравлюсь мужчинам, но не до такой же степени. И самое главное, я ведь видела его раньше, где-то при дворе. Мельком, но видела... и кто-то говорил мне о нем. Вот только кто и что говорил, я не помню.

Мы идем... Да здесь и идти-то недалеко, только до конца коридора.

— До дверей, — говорю я.

Хальдор улыбается.

— Безусловно, — мягко говорит он, голос у него такой завораживающий. — Одинокой женщине нелегко, каждый так и норовит составить компанию?

— Уверена, я с этим справлюсь.

— Вы сильная женщина, Ваша Светлость, но...

— Айлин, — говорю я. Как бы там ни было, но когда мне говорят «Ваша Светлость» в темном коридоре у дверей спальни, это отдает фарсом, я не люблю.

— Вы сильная женщина, Айлин, — легко соглашается он. — Такие удары судьбы не сгибают вас. Или вы действительно не слишком сожалеете о смерти мужа?

И смотрит на меня с интересом.

— Наш брак был чистой формальностью, — говорю я. — Смерть Этарда ничего для меня не изменила.

— Как удивительно, — Хальдор поживает плечами, и смотрит на меня, чуть склонив голову на бок. — Этард Муррей всегда так нравился женщинам, а вот собственной жене понравиться не смог.

Едва уловимый подвох в голосе.

— Все эти женщины просто не жили с ним под одной крышей и не знали с той стороны, с которой знала я... — и вдруг стало интересно... — А что вы сами знаете о моем покойном муже, Хальдор?

— Хм... — говорит он. — Арранширский герцог, один из самых крупных землевладельцев, правая рука короля. Человек очень влиятельный и властный. Выигрывал едва ли не все сражения, которыми командовал. Последнее время, насколько я знаю, именно он занимался больше частью государственных дел. Если не всеми. Так что там вышло? Ему захотелось большего? Зачем быть правой рукой, если можно быть всем?

Что у них там за игры были? Самой бы понять. Я два дня пробыла во дворце и то начала трещать голова. Вот что-то я не очень готова к подобным разговорам у дверей спальни.

— Меня он в свои планы не посвящал.

Хальдор фыркает и виновато улыбается.

— Простите, — говорит он. — Теперь все это в прошлом. Теперь для вас, очевидно, начнется новая жизнь?

Что-то не нравится мне это. Не могу понять что... словно мелкий камешек в туфле — мешает расслабиться.

Я где-то видела его, давно...

— Очевидно, — говорю я. — Мне еще стоит привыкнуть к этому. А что привело вас домой? Государственные дела?

— Наоборот. Я закончил дела и решил проведать родных, — и улыбается так честно.

Эта улыбка его...

Я...

И вдруг словно вспышка...

— Вы ведь служите королю? — говорю я. Не стоило так прямо, но так вышло.

— Как же иначе? — он все еще улыбается, но в его улыбке что-то меняется неуловимо. Он тоже чувствует в моих словах подвох.

Иначе — легко.

Но у меня так ясно перед глазами встает... Лет десять назад... я иду к Шибел, а он выходит из ее покоев. Да, это ведь был он... Или нет? Слишком давно. Совсем мальчишка тогда, такой пастушок, золотые кудри... Улыбка только — вот ровно та же.

— Конечно, — говорю я, старательно улыбаюсь в ответ. — Вы обещали истории о своих странствиях. Расскажите завтра? А сейчас я правда очень устала, Хальдор. Благодарю за то, что проводили меня.

* * *

Рассказать Гордану? Я мучилась этим весь следующий день. Ни о какой охоте не думала, только об этом кудрявом пастушке. Не верю я, что он здесь случайно. Не доверяю. Но и Гордану я не доверяю тоже. Вопрос — кому больше... Был бы Нэт, я могла бы Нэту рассказать. Да, между нами никакой любви, но он всегда был готов меня выслушать.

Что же делать? Или ничего? От меня пока ничего особенного не хотят.

Да и что мои воспоминания могут значить? Даже если это был он, даже если тогда у него было какое-то дело к королеве, то что с того?

Я тоже во всем теперь вижу заговор?

Успокоиться и не лезть.

Весь день я старательно была в обществе, поближе к Майклу и остальным, не оставаясь ни с Горданом, ни с Хальдором наедине. На всякий случай. Видела, как у Фелиции мигрень начинается от того, что я кручусь рядом. Что ж, дорогая, извини, но сейчас мне так спокойнее.

И все же, вечером не выдержала, оттащила Гордана в сторону.

— Что ты знаешь о Хальдоре Коулзе? — сразу в лоб спросила я.

Гордан озадаченно моргнул, потом помрачнел.

— Та-ак, Айлин... Я знаю, ты не очень-то готова слушать меня. Но Фергюс присылал тебе письмо, приглашал к себе. Поезжай к нему. Замуж только за него выходить не надо, — он невесело усмехнулся. — Но не думаю, что Фергюс будет настаивать. Зато сможет защитить тебя.

— От чего? — спросила я.

— В первую очередь от самой себя, — вздохнул Гордан. — Прошу тебя, не лезь в это дело. Совсем не лезь. Отойди в сторону, езжай куда-нибудь на море, отдыхать.

— Все так серьезно?

Гордан кивнул. Что-то едва уловимо изменилось в его лице, стало жестче.

— Давай будем смотреть правде в глаза, — сказал он. — Если избавились от Нэта, избавиться от тебя будет совсем не сложно. Я очень боюсь за тебя.

* * *

Следующим утром оказалось, что Гордан на рассвете уехал. Какие-то срочные дела вызвали его в Кетнах. Мне тоже было пора. Я, конечно, в такую рань не встаю...

Но когда собралась ехать я, внезапно оказалось, что у моей кареты лопнула рессора. Почти на моих глазах, карету вывозили во двор и... р-раз! Что-то треснуло, перекосило.

Я стояла и не понимала, что мне делать. Конечно, такое случается, все можно починить, но нужно время. А сидеть здесь у меня нет никакого желания.

Не знаю, как бы все закончилось, но Майкл предложил помощь.

— Вы можете взять мою карету, Ваша Светлость, — предложил он. — И спокойно вернуться домой. А мы пока починим вашу, у меня хорошие мастера, это не сложно. А как только все будет готово, придем к вам, и заберем свою. Не волнуйтесь, я буду только рад помочь.

Мне это не нравилось. Такое случается, конечно, все случается... Но вот именно сейчас — это вряд ли случайность. Кто-то хочет, чтобы я задержалась здесь? Или наоборот, чтобы ехала на чужой карете? Моя приметная, с гербом... но не представляю, зачем это может понадобиться. А вот задержать меня — представляю. Я даже почти уверена, что в мое отсутствие люди Гордана, возможно, перерыли весь замок. Или не Гордана, кого-то еще. И я никак не могу защитить Ован, мне бы себя защитить. Мне страшно, и, думаю, Гордан прав, лучше

держаться подальше, уехать к Фергюсу. Но и совсем уж прятаться, поджав хвост, смирившись с судьбой — я не готова.

Пожалела, что не взяла с собой охраны побольше, вообще не взяла, только двое. У Майкла попросить? И снова вопрос — насколько я доверяю самому Майклу.

Я поеду домой. Не буду торопиться с выездом, остановлюсь вечером в Кинсе, и буду дома не сегодня к ночи, а завтра к обеду. Если кто-то опасается моего возвращения — то у него будет шанс тихо убраться из Ована.

Мне все это не нравится, но я просто не знаю, как быть.

Глава 13. О том, как опасно путешествовать одной через лес

Я была уверена, что поступаю правильно.

Особенно в Кинсе, когда остановившись в трактире, услышала новость, что на днях в Оване был пожар. О том, насколько все погорело — мнения расходились, одни, качая головой, уверяли, что погорело решительно все, другие — что ничего там страшного, все удалось быстро потушить.

А я внезапно подумала, что останься я в Оване, сейчас те же люди могли бы рассказывать, что такая трагедия, герцогиня-то тоже погибла при пожаре, какой-нибудь горячей балкой ее там придавило, дверь заклинило, или просто — напилась герцогиня с горя и не заметила, как задохнулась в дыму.

Возможно, вся эта история с пожаром — дело рук Гордана. У него свои интересы. Но не могу не признать, что меня он бережет.

И нужно признать так же, что у меня теперь есть куча врагов.

Вернее, не врагов даже, но людей, которых мне стоит опасаться. Которые могут желать мне зла, при которых опасно говорить лишнее.

Привычная жизнь закончилась.

Эти люди — враги моего мужа. Но я так мало общалась с ним, что даже не знаю — кто они. Не знаю, кого стоит бояться в первую очередь. Чего они добиваются даже — не знаю.

Более того, я и о муже своем толком не знаю ничего.

Не знаю где он сейчас, и что планирует делать дальше. Жив ли он еще? Свободен ли? Собирается ли вернуться или теперь тихо заляжет на дно. Увижу ли я его снова хоть когда-нибудь.

Но главное, я совсем не знаю, что он за человек.

Я не знаю даже о том, о чем, казалось, знаю отлично...

Совсем недавно я полезла разбирать старые вещи. По большей части разбирала горничная, конечно, но я присматривала, говорила, что стоит оставить, что отдать, а что совсем безнадежно и надо выкинуть.

В глубине одного шкафа, в ящике, я нашла старые три чулка. Два дорогих, шелковых, и один шерстяной попроще. И даже сердце

зацемило... не пойму, как не выбросила, не сожгла это еще много лет назад. Отлично помню, как эти чулки Нэт принес и бросил мне в лицо, крикнув что-то о том, что он устал от добропорядочной жизни, и если мне все равно, то он будет развлекаться.

Три чулка трех разных женщин. Из Кетнаха.

Он уехал туда на неделю, после нашей очередной ссоры, как раз где-то конец третьего года брака. Тогда я уже не боялась его, но все равно не очень понимала, как себя вести, держалась вежливо и отстраненно. В Нэте всегда полыхал огонь, а я была такой ледяной девой... Не умела... Совсем не умела даже представить, что мне может быть с мужчиной хорошо.

Я понимала, что Нэт, в целом, хороший человек, но ответить на его огонь, вспыхнуть самой — не выходило. А вдруг я что-то сделаю не так? Вдруг ему не понравится? Чего хочу я сама? Не нужно у меня спрашивать, я хочу лишь быть хорошей женой. Тихо, молча... Да, мы спали вместе, но никакой радости нам обоим это не доставляло. Не часто... То есть спали мы в одной кровати, но никакой близости не было, по пальцам можно пересчитать, сколько раз у нас с Нэтом эта близость была за всю нашу жизнь... Он отлично видел, что его ласки смущают меня, и сам все чаще старался избегать.

Мы так и поругались — в постели. Вернее, Нэт просто не выдержал.

Он обнимал меня, а я только лежала и ждала, когда все это закончится. Нет, мне вовсе не было противно, и неприятно не было. Наверно, даже, отчасти, все это нравилось мне. По крайней мере, нравилось чувствовать, что все правильно и мой муж сейчас со мной... Отстраненно.

И где-то сорвалось. Он сел тогда на постели. Злой. «Что я делаю не так, Айлин? Скажи мне, что делать, и я все сделаю! Но вот так — я больше не могу». «Все хорошо», — попыталась я. И даже: «Мне все очень нравится». «Как нравится, если ты лежишь, словно бревно, хорошо еще глаза не зажмуриваешь и не трясешься так, как раньше, когда я дотрагиваюсь до тебя. Я делаю все не так? Ты не хочешь? Я... не буду больше мучить тебя. Я так не могу. Но не думай, что до конца жизни буду хранить верность жене, которая меня не любит».

Честно говоря, я была уверена, он изменял мне уже тогда. До того раза. Я видела, как он улыбался женщинам, как легко говорил с ними,

как они улыбались ему в ответ. Мне сказали потом, что до того дня — ни разу, вся его болтовня и улыбки — ни в счет. Он пытался быть правильным, пытался что-то изменить.

Тогда он оделся и прямо посреди ночи уехал.

Вернулся через неделю, такой весь слегка растрепанный, слегка пьяный, дико пахнувший чужими духами. Подошел и швырнул мне три чулка. Сказал: «Вот! Если не нужен тебе, я найду других!»

Ушел вниз, и больше суток сидел в гостиной у камина. Вечер, ночь, день, и следующую ночь тоже. Ждал. А я была в таком ужасе, что боялась выходить. Плакала, не понимала, что происходит, что мне делать с этим теперь? Я была раздавлена. Он сидел там, а я не выходила.

Потом он уехал, и месяца три я совсем не видела его... Зато много слышала потом о его подвигах, о том, как он меняет женщин одну за другой. Готова была умереть со стыда. Мне казалось, теперь все будут показывать на меня пальцами, будут презирать, поймут, что со мной все не так, раз Нэт... Мне понадобилось все мое мужество, чтобы выйти из дома.

Потом как-то привыкла.

Но те три чулка... Когда я нашла их спустя двадцать лет, то поняла, что они новые. Их никто никогда не надевал. Вернее, новые шелковые, а шерстяной не раз аккуратно стирал и штопан. Но, готова поклясться, его тоже, как и два других, он не снимал с женщины вместе с одеждой. Ему эти чулки отдали. Даже неважно кто. Он не изменял мне в тот раз. Это была последняя попытка сделать хоть что-то, хоть какие-то чувства во мне пробудить, пусть даже злость и ревность. Он сутки тогда просидел у камина, в надежде, что я выйду поговорить. Но я не вышла.

Признаться, теперь я на многое взглянула иначе.

* * *

Из Кинса мы выехали ближе к полудню. Я плохо спала ночью, но под утро заснула и долго проспала. Выехали не спеша, почти уже вышли на главную дорогу, тут нужно было немного проехать через лес...

Я слышала, что в здешних местах беспокойно, но мою карету с гербом всегда было видно сразу, никто не трогал, связываться лично с герцогом никаким разбойникам не хотелось, куда проще ловить рыбку помельче, безопаснее.

И вот сейчас в экипаже Майкла...

Честно говоря, я настолько не привыкла, что даже не ожидала.

И когда лошади остановились, я особого значения не придавала, мало ли что.

Но потом услышала голос моего кучера.

— Что вам надо? — крикнул он, очень встревожено.

И я тоже разом напряглась. Выглянула в окошко, осторожно, не показываясь на глаза.

Там, впереди на дороге стояли вооруженные люди. Двое верхом, еще трое так. Пока выглядывала, поняла, что сзади за каретой на дорогу выходят еще. И... много...

— Оружие и все деньги из карманов оставляете здесь, — крикнул один из тех, что верхом и впереди. — Если все сделаете тихо, я позволю вам уйти. Если нет, то умрете.

Разбойники... У меня сердце замерло. Вот только этого сейчас не хватало.

— А... госпожа? — попытался было мой кучер.

— Все господа останутся здесь! — велел человек впереди. — Мы сами с ними поговорим.

Тишина. Потом я слышу, как сидящие на козлах спрыгивают. Уходят. Они бросают меня? Или не все? Я слышу, как кто-то со звоном достает оружие, но тут же — свист стрелы и грохот падающего тела, отчаянный стон.

— Кто-то еще не желает уходить? — спрашивает разбойник.

Они убьют меня?

Все это подстроено? Что же мне делать?

Тихо, главное раньше времени не паниковать.

Я слышу, как кто-то подходит сзади, распахивается дверь.

— На выход! — говорит он.

И голос его... мне кажется уже — я схожу с ума. Точно схожу. Он заглядывает в карету... Здоровенный такой бугай, половина лица закрыта платком, я вижу только глаза.

Но не понять невозможно.

— Твою ж мать... — говорит шепотом, очевидно, меня увидеть он ожидал не больше, чем я его. — Какого ж...

— Нэт... — так же шепотом говорю я.

— Бен, — говорит он. — Я Бен. Тихо. Я объясню.

Глава 14. О том, что разбойники не так страшны, как честные лорды

— Подожди, — тихо говорит Нэт, и по его голосу ясно, что все пошло не по плану. — Не высовывайся.

Еще мгновение смотрит на меня, пытаюсь что-то решить, я вижу, как сжимает рукоять палаша. Потом стаскивает платок с лица, поворачивается к разбойникам.

— Это не та карета! — говорит громко. — Здесь женщина.

— Да мне плевать, кто там! — отвечают ему. — Мне сказали — встретить карету и убить того, кто едет в ней! Давай, Бен, тащи ее сюда.

Вот тут мне стало совсем страшно.

— А ты знаешь, кто она? — спокойно говорит Нэт. — Арранширская герцогиня, из Ована. Думаешь, разумно будет ее убить?

— Откуда ты знаешь, кто она?

— Я служил ее мужу, — говорит Нэт. — Запомнил.

Тихо. Какое-то время тихо, они раздумывают там.

— Не бойся, — говорит мне Нэт шепотом.

Голос ровный, но я вижу, как сжимаются его пальцы, он готов драться. Очень надеюсь, что не понадобится.

— Я слышал, — говорит тот разбойник Нэту, — ее мужа казнили за измену, ее сына нет в Оване. Ее никто не хватится.

— Ты дурак, Мартин? — очень искренне удивляется Нэт. — Сколько тебе заплатили? Она герцогиня. Если продать ее, за нее заплатят вдесятеро!

— Я уже получил деньги.

— И ты всегда так несказанно честен? Ты уверен, что деньги получил именно за нее? Тебе называли имя?

— Мне описали карету. И все совпало.

— Это карета Коулза, — шепотом говорю я. — У моей лопнула рессора.

Нэт морщится.

— Это карета Коулза, — громко говорит он. — Ей одолжили. Так ты уверен?

Я почти слышу, как этот Мартин тяжело вздыхает. Нет, он не так уж уверен.

— И кто за нее заплатит?

Я вздохнула тоже. Но что тут сказать? Мой муж убит, сын слишком далеко... Не Гордан же. Это было бы странно — требовать деньги с лорда-дознателя.

— Фергюс! — быстро говорю я. — Он звал меня к себе, и даже звал замуж.

— Вот старый кабель! — удивляется Нэт. И все же. — Она говорит, Фергюс Бейтан! Она как раз собиралась к нему, он ждет ее.

— Бейтан? — в голосе разбойника Мартина сомнение. — Бейтан далеко, в Уолше.

— Ты куда-то торопишься? Напиши ему.

— Эх, напиши... — я слышу насмешку. — Где гарантии, что получу хоть что-то?

— Какие в нашей жизни вообще гарантии? Ты не готов рискнуть за деньги?

— А ты мои деньги не считай! — рявкает Мартин.

— Так я свои! — Нэт пожимает плечами. — Парни, он с вами не делится? За нее можно получить столько, что каждому до Рождества гулять хватит, и на выпивку, и на баб!

— Заткнись, твою мать!

Мартину не нравится.

— Так как, парни? — спрашивает Нэт.

Я слышу ропот, какие-то разговоры, но толком не слышу, что...

— Ладно! — говорит Мартин. — Прирезать мы всегда успеем! Попробуем, как ты говоришь... Давай ее сюда. Возьмем с собой.

Нэт хмуро сжимает зубы. Оглядывается. Потом протягивает мне руку.

— Давай. Не отходи от меня ни на шаг.

Я вижу, он все еще не уверен, что удалось договориться.

Осторожно выглядываю. Он помогает мне спрыгнуть на землю, стоя как можно ближе, прикрывая собой. И не зря. Стоит сделать шаг и...

Я даже не поняла, что произошло. Только Нэт подхватил меня, бросил на землю, почти под карету, накрывая собой, резко, я больно ударилась о порожек плечом. И тут же свист у самого уха и глухой

удар. И лошади ржут, дергаются, удивительно, как тяжелая карета не наезжает на нас, но Нэт уже дергает меня в сторону.

— Не вставай, — говорит шепотом. И тут же громко. — Эй, Мартин! Какого черта?

— Не стрелять! — командует Мартин. — А у тебя отличная реакция, я смотрю!

— Я шкурой чую, когда стреляют в меня.

— Не в тебя.

— Да? — удивляется Нэт, поднимается, трет плечо. — А прилетело в меня.

Трет, но на ладони у него крови нет, только куртка порвана. Стрела торчит рядом, в земле. Успел.

Только что меня чуть не убили. И Нэта...

— Это Дин, — говорит Мартин. — Ты же знаешь, как он горяч, и любит доводить дело до конца.

— Я ему сейчас доведу! — огрызается Нэт. — А ты, сосунок, убери лук, или я засуну его тебе в задницу!

— Не командуй! — говорит Мартин.

— Прости, привычка, — Нэт без капли сожаления пожимает плечами.

— Дин, убери! — говорит Мартин. — Я же велел не стрелять, ты не понял?

Нэт протягивает мне руку снова.

— Жива? Ничего тебе не сломал?

Я только мотаю головой, у меня сейчас слов совсем нет, и сил говорить тоже. Надо хоть чуть-чуть выдохнуть. Кое-как поднимаюсь, ноги плохо держат, подгибаются.

— Тихо, стой, — Нэт подхватывает меня, держит, пока я пытаюсь в себя прийти. И вдох-выдох. — Идти сможешь сейчас?

— Смогу, — говорю я.

Куда мне деваться? Впрочем, я даже не сомневаюсь, что если не смогу — он меня понесет.

Мартин подходит к нам, окидывает меня критическим взглядом.

— Так кто вы, леди? — говорит он.

— Айлин Муррей, — говорю я, голос даже почти не дрожит. Очень стараюсь стоять сама, не держаться за Нэта, как бы ни хотелось. Но с ним спокойнее.

— Вы его знаете? — он кивает на Нэта.

Я облизываю губы, неуверенно. Он сказал, что служил моему мужу.

— Я видела его. Когда Этард вернулся и Джахры, с ним пришли люди. И, кажется... он тоже...

Главное — врать уверенно. Нэт кивает.

— Хм, — говорит Мартин, трет подбородок, задумчиво разглядывая меня. — Так говорите, Бейтан за вас заплатит?

По тому, как он разговаривает, по тому, как держится, по осанке, как придерживает ладонью ножны у бедра, я могу сказать — Мартин рыцарь, дворянин. Не знаю уж, каким образом оказался здесь, но у всех свои причины...

— Фергюс не оставит меня в беде, — говорю я. — Он заплатит. Я могу поручиться за это.

— Поручиться! — Мартин фыркает. — А кто может заплатить за вас еще?

Много ли у меня друзей?

— Макинтайр, — говорю я. — Но вряд ли такой вариант вам понравится.

— Да уж! Интересные у вас друзья, леди, — он бросает взгляд на Нэта. — Ладно. Идем, там разберемся. Парни, заберите лошадей!

Мартин запрыгивает на лошадь, мы идем за ним. Я пытаюсь справиться с юбками, во всем этом по лесу так неудобно. Нэт хмуро идет рядом, поглядывая то на меня, то под ноги.

— Что тут происходит? — шепотом говорю я.

Он шумно втягивает носом воздух.

— Долго объяснять, — говорит еще тише. — Не спрашивай пока. Они не знают, кто я, и не нужно, чтобы знали.

— А что ты сам делаешь здесь?

Нэт оближивает губы, оглядывается на идущих рядом людей.

— Потом. Я все объясню.

* * *

У них целая деревня в лесу. Невысокие, грубо, но крепко сколоченные домики, крытые дерном крыши. Вольная жизнь, никому

не нужно платить. Не только мужчины, но женщины и даже дети, всего человек пятьдесят, наверно.

Не успели мы подойти, Нэту на шею бросилась какая-то баба. Вот ведь, человек время не теряет, даже здесь бабу нашел! Да, Нэт всегда был таким, но отчего-то именно сейчас меня это задело. Поначалу — задело. И даже не сама баба, как факт, сколько их было! А... даже не знаю. То, с какой радостью она к нему бросилась, словно не видела год. А еще то, как одним махом успела его пять раз обнять и десять поцеловать. И ладно бы симпатичная молодая девчонка, так нет, обычная деревенская бабища с необъятной грудью, ненамного уж моложе меня.

Что он нашел в ней?

Но я видела сама. Если отбросить обиды и быть честной с самой собой. Такая веселая, мягенькая, щеки розовые, и трется об него, словно кошка. И глаза радостно так и сверкают.

И Нэт довольно улыбается ей, на время даже забыв про меня. Ласки ему хочется. Вот такой незатейливой искренней ласки и любви. Всегда хотелось именно этого. И женщина эта хоть и не молодая, но сразу видно — огонь.

Вот и все...

И вот именно это.

И она что-то трещит ему: «Как я рада, Бэн! Живой, здоровый! А вдруг бы тебя убили там! Я так волновалась за тебя». «Да все нормально, Турун» — говорит он, и так виновато оглядывается на меня, что мне смешно. И я понимаю, что не могу я злиться или обижаться сейчас. Мы давно друг другу ничего не должны. А после пыток, после подвалов, всех этих ужасов, после того, как буквально на волосок от плахи прошел... да ведь любому нормальному человеку нужно, чтобы его вот так обнимали.

И я даже улыбаюсь ему в ответ.

Но где-то в сердце вдруг боль все равно.

Первым делом этот Мартин собрал всех, рассказал, что все пошло немного не так, но они захватили в плен герцогиню и теперь обязательно получают за нее выкуп. И всем будет счастье от этого. Говорил он так уверенно и воодушевленно, что никто даже сомневаться не стал, своему главарю разбойники верили.

После этого мы пошли писать письмо Фергюсу. В маленькую хижину Мартина набилось полдеревни, все пытались советы давать. Писать должна была я сама, своей рукой, Мартин диктовал мне. Нэт тихо сидел в углу, молча и задумчиво, на него мало кто внимание обращал.

Когда писать закончили, Мартин аккуратно сложил письмо, убрал к себе и попросил всех выйти, сказал, что ему с герцогиней надо с глазу на глаз поговорить. И Нэту тоже тихо велел остаться.

— Так, — сказал он, когда мы остались втроем. — А теперь расскажите мне, что тут на самом деле происходит.

— А что тебя смущает? — поинтересовался Нэт.

— Все, — сказал Мартин. — Абсолютно все меня смущает в этой истории. Если уж так вышло, что я получил деньги и не выполнил до конца порученную работу, то хочу понимать, чем рискую, и что могу получить взамен. Мне мало хочется подставлять свою шею, а уж тем более не хочется подставлять людей, за которых я отвечаю. Мне куда проще срубить голову ей, — он кивнул в мою сторону. — Так что давайте, рассказывайте, — он вздохнул, потер ладони, глядя на нас. Повернулся к Нэту. — Начать можете с того, милорд, что признаетесь, кто вы на самом деле.

— Хм... — сказал Нэт, поднялся на ноги, прошелся, выглянул в окно и заглянул за дверь, проверяя, не стоит ли там кто. — А отчего же ты согласился тогда на новую игру, если боишься подставлять? Ради денег?

— И ради денег тоже, — сказал Мартин. — Ты же понимаешь, деньги всегда нужны. Но ставки в этой игре, я так смотрю, слишком велики. Не хочется ошибиться. Срубить герцогине голову я всегда успею.

— Только попробуй! — сказал Нэт очень тихо, но очень страшно.

— Только через твой труп, да? — Мартин усмехнулся. — Да, я понял. Будешь драться за нее до последнего. Но у тебя ведь не прячется за кустами отряд личной гвардии, так что, думаю, с тобой я справлюсь.

— Дорого обойдется, — пообещал Нэт, насупился, даже чуть подался вперед, словно драться собирался прямо сейчас.

— Да, — Мартин кивнул. — Это я тоже понимаю. Я видел, что ты можешь, и терять людей понапрасну мне тоже не хочется. Так что

предлагаю договориться по-хорошему. Для начала скажи, кто ты ей?

Нэт нахмурился еще больше, и снова глянул за окно.

— Муж, — сказал он. — Этард Муррей.

Мартина это, похоже, не слишком удивило.

— Та-ак... Ваша Светлость, — он тяжело вздохнул. — Но вас же казнили?

— Недоказнили, как видишь, — согласился Нэт. — Давай только без Светлости, не во дворцах.

— И как вышло все это?

Нэт облизал губы, вздохнул, потер шею сзади.

— Джон отпустил... Слушай, это очень долгая история. В двух словах могу сказать, что против Джона назрел заговор, от него хотят избавиться, а я этому пытался помешать. Не очень умело пытался, надо признать, сразу не сориентировался, упустил, поэтому прилетело мне самому... — тут он глянул на меня, словно говоря «я объясню, подожди», вздохнул снова. — Но Джон, надо полагать, в последний момент это понял и отпустил меня.

Я смотрела на Мартина и понимала, что с каждым словом ему это не нравится все больше. Ввязываться в такое — опасно. Слишком серьезные игроки в этой игре. Но он уже ввязался, отступить поздно.

— Отпустил и все? — сказал он.

— Отпустил и велел ждать за старыми доками, там мне объяснят, что дальше. Но в Кетнахе все равно показываться нельзя. А когда к докам пришел, на меня напали. Я прижал одного, пытался выяснить, кто послал, и таким образом вышел на тебя.

— Это не мои люди, — сказал Мартин.

— Не твои, — согласился Нэт. — Но наниматель тот же. Тебя на этот дело сейчас нанял тот же, кто и тех парней убить меня. И наниматель, сам по себе, вообще никто, я его не знаю, мелкая сошка. Но горю желанием узнать, кому он служит.

— То есть, ты хочешь сказать, сейчас на дороге я должен быть убит именно ее? Это не ошибка?

— Кто знает, — пожал плечами Нэт. — Но я в такие ошибки не верю. Думаю, хотели убить именно Айлин. Возможно, она знает что-то, возможно, они думают, что она может что-то знать.

— Они? — Мартин вопросительно поднял бровь.

— Иверач, — сказал Нэт. — Ришарт Иверач. Все это начал именно он. Нивена в Лотиан, полагаю, уже увезли. Алан в скором времени женится на Майрет и, как только Джон умрет, станет регентом при малолетнем короле.

— Твою ж мать... — Мартин потер ладонью лицо. — Ты хочешь сказать, что меня нанял, в итоге, сам герцог?

— «Сам герцог» — это я, — сказал Нэт. — Иверач о твоём существовании даже не подозревает, он играет по-крупному, ему важен результат. Все местные дела решает кто-то из тех, кто рядом, в Кетнахе. И тут важно понять — кто. Понять, откуда ждать подвох в следующий раз. Я, признаться, думал, что Макинтайр, уж очень он радовался моей смерти и расстраивался, когда понял, что меня отпустят. Но Айлин он бы не тронул. Или велел бы не убивать, а привезти к нему.

— Почему? — спросил Мартин.

Нэт слабо усмехнулся, глянул на меня.

— У них был роман, — сказал он. — И Макинтайр очень надеялся, что в случае моей смерти у него появится шанс. Он ведь уже подкатывал к тебе? — спросил меня.

— Подкатывал, — согласилась я.

— Но ты ведь не стала отказывать ему? Не так, чтобы он психанул и решил тебя убить?

Я покачала головой. Понимаю, что дело сейчас не во мне и не в Нэте, нужно понять все мотивы...

— Я не соглашалась прямо, и дала понять, что могу отказать. И Гордан слегка психанул. Но когда мы говорили с ним в последний раз, он очень настойчиво и довольно взволнованно пытался убедить меня уехать подальше, к Фергюсу, например. Не думаю, что меня хотел убить он.

— Я тоже не думаю, — согласился Нэт.

— А Хальдор Коулз? — сказала я. — Что ты знаешь о нём?

— Хальдор Коулз? Он вернулся? Ты видела его? — Нэта новость удивила и точно не порадовала.

— Так, подождите, — сказал Мартин, хлопнул ладонью по столу. — Все свои семейные дела, кто кого хочет убить и кто на ком жениться, вы решите потом. Сейчас я хочу понять, что мне делать с

этим. Я так понимаю, что если просто прийти и сказать, что герцогиня сбежала в лес, что поймать не удалось, то мне не поверят.

Нэт задумался.

— Не поверят, — согласился он. — Для начала, полагаю, можно слегка потянуть время. Сказать что да, в карете неожиданно герцогиня, и есть сомнения, что должна быть именно она. Ты ведь завтра должен встретиться с ними? Вот и скажи. А чтобы не подставлять людей, если пойдет не так, могу предложить увести их пока в безопасное место, ближе к Овану. Еще пятьдесят человек мы точно прокормим, выделим все необходимое на первое время. Тех, кто готов сражаться, я готов нанять за хорошие деньги.

Мартин тихо засмеялся, немного нервно.

— Еще утром я думал, что это ты пришел наниматься ко мне.

— Все меняется.

— Да, — согласился Мартин. — Так ты хочешь нанять разбойников?

— Мне сейчас выбирать не приходится. По сути, вы и так нанимаетесь на работу, только пока моим врагам, а теперь я вас всех перекуплю. Не будем даже ждать Фергюса, поедem и возьмем деньги в Оване. Только тихо, мне там сейчас лучше не появляться, но Айлин может.

— Перекупаешь... — Мартин фыркнул, задумчиво потер подбородок. — И что тебе нужно? Ну, кроме торжества справедливости?

— Во-первых, защитить Айлин, — сказал Нэт. — Во-вторых, понять, кто в Кетнахе стоит за всем этим. У меня есть кое-какие мысли, но я так и не успел разобраться до конца. А дальше уже, забрать у Иверача Нивена, Майрет... если получится, то и Джона вытащить, пока его совсем не затравили... Хотя с Джоном... — он вздохнул. — Джона я бы и своими руками придушил за то, что он сделал. Но без Джона воевать с Ришертом будет очень сложно.

Нэт посмотрел на меня, словно ожидая какого-то одобрения. Придушить Джона после того, что Джон сделал со мной?

— Его действительно чем-то травят? — спросила я.

— Похоже на то. Потому что во дворце это усиливается, а если мы уезжаем куда-то надолго, то отпускает. Не знаю, — Нэт покачал головой. — Мы проверяли все: еду, вино, воду, одежду, спальню... все,

что только можно проверить. Но ничего. Джон всегда был таким, но... То, что происходит в последнее время — меня пугает.

— Ладно, — сказал Мартин. — Мне надо подумать. Если людей уводить, то лучше завтра, по-тихому, чтобы никто лишний не знал и не мог проболтаться. Я, в целом, своим людям верю, но кто знает... Пока выкатим им эля, чтобы поменьше думали и лишних вопросов не задавали. По случаю такой удачной добычи. У меня есть... А ты присматривай за ней, и не вздумайте сбежать оба, мои парни здешние леса хорошо знают.

* * *

Мне выделили крошечную пристройку с земляным полом, из мебели — стол, скамейка и соломенный тюфяк на полу. Признаться, я никогда не ночевала в подобных условиях, но сейчас была благодарна даже за это. Лучшего тут нет, эти люди живут просто. Главное — я одна, без посторонней охраны.

Только Нэт.

Он так усмехнулся, оглядев все это.

— Ты же понимаешь, мне же лучше далеко не отходить, — снова потер затылок и шею, раздумывая. — Мало ли, кто передумает и придет за тобой. Так что... ну, не знаю, хочешь, ночью я могу снаружи у двери могу посидеть?

Мне стало даже смешно. Вроде как давно вышла из того возраста...

— А спать как? — спросила я.

— Да все удобней, чем у Макинтайра в подвалах. Айлин, я где только за свою жизнь не спал, меня этим не удивишь. Особенно в походах иногда... чего только не было. Все нормально.

— Не говори ерунды, — сказала я. — Вон там, — кивнула на тюфяк, — вместе и поспим, места хватит. Будешь охранять меня в непосредственной близости. Если, конечно, не боишься, что я начну к тебе ночью приставать.

Вот тут засмеялся уже он.

— А ты будешь?

— Даже не думай!

Он усмехнулся, а потом как-то разом помрачнел, насупился, сел на скамейку.

— Что? — не поняла я.

— Ох... даже не знаю, — Нэт тяжело вздохнул. — Прости, я... Вот, наверно, случись все это хоть десять лет назад, и я был бы рад страшно. Такая возможность, я бы из кожи вон выпрыгнул, чтобы тебе понравиться и что-то изменить. А сейчас... наверно, перегорело... Я... пойми меня правильно, Айлин...

Он бросил на меня быстрый взгляд, отвернулся, поджал губы. Он говорил «Нет, ничего не получится». Я понимала.

— Вот и славно, — сказала я, голос вдруг дрогнул. — Будем спать тихо, как приличные люди. Ты, главное, сильно не храпи, а то у меня голова начнет болеть.

Кольнуло что-то. Даже сама не знаю что. У нас ведь давно уговор, что друг от друга нам ничего не надо, мы вместе лишь формально, так удобнее для всех. Никакой любви. Ничего ведь нового между нами сейчас не происходит.

Только я сейчас смотрю на него и понимаю, что все ж могло выйти совсем не так. И я была дура, и он балбес молодой, еще дурнее Кита. И так все вышло... А теперь поздно. Слишком много накопилось. Слишком устали. И никак уже...

Глава 15. О том, что поговорить никогда не поздно

Вечером ели пшеничную кашу с уткой из общего котла. Нам на двоих Нэт принес большую миску и две ложки, посуды у них немного, лишней нет. Сидели с ним рядом. Это было даже немного забавно, особенно наблюдать, как он пытается подложить мне редкие тонкие куски мяса, откапывает, пододвигает ложкой, думая, что я не замечаю ничего.

Нам налили эля — крепкий, густой, даже чуть закружилась голова.

А потом началась музыка...

И веселая Турун подошла к нам.

— Эй, Бен! Не хочешь потанцевать? — и качнула бедрами, намекая, что танцы тут будут горячи.

Нэт посмотрел на нее, на меня...

— Нет, — сказал он. — Прости. Мне Мартин охранять поручил.

— То-то я смотрю, как ты охраняешь! — засмеялась Турун. — Герцогиня не отпускает тебя? А то смотри, я скажу Мартину, он кого-то другого посадит ее охранять.

— Нет, — он покачал головой.

— Иди? — тихо сказала я. — Обещаю, что никуда не денусь. Куда мне деваться ночью в лесу?

— Ее уже пытались убить, и могут попытаться снова, — сказал Нэт, глядя на Турун. — лучше я присмотрю сам.

— Кто попытается? Тут все свои, Мартин сказал, значит, все слушают.

— Все? — удивился Нэт. — А я свой? Много ты обо мне знаешь?

Турун уперла руки в бока.

— Знаю, что ты беглый, как и все здесь, — сказала она. — У тебя есть причины прятаться от властей. И ты не из простых, это сразу видно. Вроде Мартина. Поэтому вы сразу и спелись... А еще, — тут она глянула на меня с вызовом, — трахаешься ты хорошо! Нет, знаешь, никаких чудес, я видала и лучше... вот был у меня один, вот он просто огонь, — Турун мечтательно закатила глаза. — Но ты тоже ничего,

душевно так! И прям настоящей леди себя с тобой чувствуешь. Но бабе твоей не понять, она и так леди.

Вот не могу, в этом месте мне стало смешно.

— Бывало и лучше, Бен, — похлопала его по плечу.

— Пф-ф, — фыркнул он, делая вид, что все равно. — Я на лавры не претендую. Всем хорошо, и хорошо.

— У вас тоже, леди, бывало лучше? — поинтересовалась Турун, глядя на меня свысока.

— Я с ним не трахаюсь, — пожала плечами.

— А что же так, леди? Он недостаточно хорош для вас? Я же вижу, как он на вас смотрит. Или, хотите сказать, что вы не из таких?

— Так, хватит! — сказал Нэт, поднялся на ноги, еще и меня за руку ухватил. — Поздно уже, пойдем.

— Так вы, леди, позволяете ему командовать? Я-то думала, что такая благородная Светлость...

— Хватит! — рывкнул Нэт, потащил меня прочь отсюда. Я особо не сопротивлялась, скандалить с каждой его Турун у меня мало желания.

— Эй, леди! — окликнула Турун, но уже как-то иначе. — Его ведь пытали. Вы знаете? У него вся грудь сожжена, надо бы повязки поменять. Если спать идете, я тазик воды принесу, и бинты свежие. Сами сделаете, леди? Или мне?

С поддевкой.

— Сделаю, — сказала я.

— Да все нормально там, — буркнул Нэт. — Ничего страшного.

— Вот и посмотрим, — сказала я.

Нэт притащил меня домой, но вот там — сам не знал, куда себя деть. Скамейка одна, Нэт кивнул мне, чтобы садилась, а сам покрутился и уселся на пол, напротив. Вздохнул.

— Прости, — сказал он. — Все это...

— Это даже забавно было, — сказала я. — Раньше не доводилось с твоими бабами отношения выяснять. Но ничего, новый опыт...

Нэт скривился, но только отвернулся в угол, ничего не сказал.

— А почему не пошел с ней? — спросила я.

— Не хочу. Устал, — бросил слегка раздраженно.

— Потому что я рядом, смотрю, и тебя смущаю?

— Да ну, Айлин... когда это смущало, — он вздохнул, облизал губы. — Просто не хочу сейчас.

Сидел, устало глядя перед собой, в каких-то своих мыслях совсем... взъерошил волосы на макушке... Удивительно, как давно я его знаю, но сейчас — словно на другого человека смотрю. Тот же, но и не тот. Словно что-то щелкнуло, перевернулось.

Ладно, не будем мы...

Уж его личная жизнь меня мало волновала.

Все перевернулось в нашей жизни сейчас. И для меня и для него.

— Я видела твою казнь, — сказала тихо.

Он вздрогнул. Посмотрел на меня.

— Зачем?

— Не знаю, — сказала я. — Должна была увидеть.

— Не мою, — вздохнул он, чуть плечами передернул, отвернулся снова. Губу закусил. И долго молчал, но потом все-таки решил сказать... — Я ведь был уверен, что все... Попрощался. Даже когда шел туда, к эшафоту, еще не знал, что Джон передумал.

— Я поняла. А что это за человек... вместо тебя?

Нэт облизал губы снова.

— Тоже смертник... он мне так сказал. Убийца. Его как раз Бен звали... тоже казнить должны были, так что... Но у него семья, и ему сказали, что если сыграет как надо, то семье хорошо заплатят. А ты... поняла?

Это его слегка удивило.

— Да, — сказала я.

— Как? Не похож?

Я усмехнулась.

— И это тоже. Нэт... — все проще. — Посмотри, у тебя руки кандалами содраны аж до мяса, до сих пор прямо черные, только чуть затянулось. А у него почти совсем ничего.

Нэт усмехнулся тоже, мотнул головой, на руки посмотрел.

— Вот Макинтайр прокололся. Интересно, кто заметил еще?

— Не знаю, — сказала я.

Играла музыка. Люди смеялись и танцевали, и пили крепкий густой эль... Все это где-то там, снаружи. Но мы ушли.

Деревья шумели.

Нэт смотрел куда-то перед собой, я на него. Чуть заметно сжатые зубы, сосредоточенно, он пытается что-то обдумать. Складка между бровей. Ресницы почти белые, только слегка в коричневу, но длинные, а вот брови потемнели с годами... щетина на щеках рыжая со светлой вперемешку, топорщится в стороны. Он чуть щурится, и пучки тонких морщинок собираются в уголках глаз. Синяк сбоку на скуле почти сошел, но заметен все равно...

— Нэт, — тихо говорю я, — а что же у вас там вышло, на самом деле?

Я должна знать.

— Там? — он спрашивает, но понимает сам. — С Майрет?

— Да.

Он тяжело вздыхает, проводит ладонью по лицу.

— Не знаю. Честно, я так и не понял. Она подходила ко мне, говорила, что Нивена хотят увезти, что ее хотят выдать замуж, а она не хочет, и не знает, что делать теперь. Даже поплакала у меня на плече. А потом... слушай, я не знаю... в какой-то момент поплыло все, так, словно в тумане.

— В тумане? — вот что-то тут меня настораживало...

— Да, я понимаю о чем ты. Она мне когда в плечо уткнулась, запах абрикосов такой отчетливый... Да не смотри на меня так, я знаю, что это. Ведьмин цветок. Я только поверить не мог, что Майрет может... думал, ну, померещилось, и что-то другое. Но ведь от ведьминоного цветка так сильно не ведет?

Он смотрит на меня почти с надеждой.

Ой, дурак совсем, ничему годы не учат. Пыльцой ведьминоного цветка кавалеров заманивают, этому сложно сопротивляться. Хотя Нэту обычно никаких цветков не надо, он и так готов. Но если чуть-чуть пыльцы, то в голове становится легко и весело, и на подвиги тянет. Ничего такого, просто все становится легко, к утру все проходит... Но если хорошенько сыпануть, то и сознание потерять можно. Причем, действует больше на мужчин.

— А потом? — сказала я.

— Потом очень все смутно. Она меня куда-то позвала, я пошел. Честно, соображал плохо. И мы куда-то пришли, и даже, кажется, она наливала мне вино. А потом все, уже ничего не помню. Очнулся утром, без штанов, и она рядом.

Закусил губу. Насупился.

— У вас что-то было? — спросила я.

Он дернул плечами так, словно говоря, что кто ж его разберет.

— Майрет сказала Киту, что было, — вздохнула я.

Нэт вздрогнул, повернулся ко мне, не веря, и даже страшно было смотреть, как посерело разом лицо, вытянулось. Он провел по лицу рукой...

— Да нет, — сказал, наконец. — Не может так быть. Меня бы иначе Джон не отпустил. Мы говорили с ним, и он, вроде как, собирался проверить... ну, не знаю, Айлин. А потом он меня отпустил. Я был уверен, что не было ничего. Ей ведь просто подставить меня нужно было, зачем все по-настоящему то? Ее заставили. Но ведь подставить, а не в постель меня тащить, правда?

С надеждой.

Я кивнула.

— Думаю, что да. Дурак ты, Нэт.

— Да, — согласился он, головой покачал. — Я просто от Майрет не ожидал... Слушай, нужно ведь вернуться и понять, кто же там... Иверачей ведь нет в Кетнахе, ни одного, ни другого. Понять, через кого они провернули это.

* * *

Турун принесла тазик и бинты. Молча, только поглядывая на нас с интересом, поставила на стол, хмыкнула что-то тихое, свое.

Ну и пусть.

Надо поменять.

Когда я размотала все с Нэта, мне даже нехорошо стало.

Он еще пытался отбиться от меня, уверять, что может все поменять сам, не надо мне. «Замолчи и сиди спокойно», — велела я, уверенная, что крови не боюсь. Но чуть было не пожалела.

— Как же ты на ногах стоишь? — спросила, пытаюсь прийти в себя.

Или я просто слишком впечатлительная? Но память так услужливо подкидывала, как Гордан берет щипцами раскаленный прут...

— Да ничего, — Нэт пожал плечами. — Хочешь, давай я сам, тут на груди все, видно.

— Сиди уж... Да, я бы после такого Джона тоже бы придушить хотела.

— Да я не поэтому.

Не поэтому, я знаю.

Трогать было страшно, а ведь надо было промыть, аккуратно промокнуть, намазать потом.

— Болит?

— Да нет, уже почти все. Мазь у Турун действительно хорошая, помогает. Я когда сюда пришел, у меня даже в глазах темнело, в жар кидало. А помазала пару раз, и все вроде бы... подсохло и затянулось. Жжет только, зараза...

То, что жжет — я видела. У него даже дыхание перехватывало, когда я мазала, глаза слезились, но он сидел молча, только зубами скрипел.

— Можешь кричать и ругаться, если больно, — сказала я, — только не дергайся. Своей геройской выдержкой будешь хвастаться перед своими девочками, а мне это не интересно.

Он усмехнулся, почти через силу, ему было не до того.

Но я намазала все и прикрыла бинтами.

То, что в целом подсохло и отлегло — я видела тоже, никакого жара уж точно, ему куда лучше. Хорошая мазь, Турун и правда ведьма...

Плечо еще, для плеча мне отдельную мазь дали. Видимо, было немного вывихнуто, отек еще не до конца спал. Но не сильно вывихнуто, иначе бы он не смог дратья.

Когда я мазала плечо, Нэт уже дышал спокойно и ровно, там не так больно было.

А смотрела на него, думала — как же? И в таком состоянии умудрился справиться с напавшими на него наемниками, если в жар кидало? Я знала, что он много тренируется до сих пор, но не думала, что настолько серьезно. Какое-то время я даже считала, что это так, блажь, хочется выглядеть сильнее и красивее для молоденьких девочек. А вот ведь нет, подготовка спасла ему жизнь. Да и мне, там, у кареты, тоже, когда он отбросил меня в сторону от летящей стрелы, не успел бы, и все...

Задумавшись, невольно погладила ладонью по его спине.

— М-мм? — спросил он.

Я улыбнулась.

— Спина у тебя красивая, мускулистая такая, — сказала честно.

Он весело фыркнул.

— Только спина?

И даже повернулся ко мне, но я уже сделала шаг назад.

Да и в целом он весьма ничего, не могу не признать. Я голых мужиков видела немало.

— Только спина, — я развела руками. — Грудь у тебя так истыкана, что смотреть страшно.

— Хм, — сказал он, с интересом. — А если чуть пониже?

Да чтоб тебя...

— Это намек?

— Отчего же? — он улыбается шире, искорки азарта в глазах вспыхивают. — Это абсолютно прямой честный вопрос.

— А не помнишь ли, кто-то говорил мне совсем недавно, что ничего уже не надо, перегорело все?

— Ты обиделась? — он вздохнул, чуть сморщился, и видно было, что сам напрягся, но очень старался вида не показать. — Так это я тогда про чувства, — сказал почти бодро. — А сейчас исключительно про то, чтобы переспать. Ты же со своими Патриками развлекаешься не от большой любви.

Нормально так...

— А если от большой? — сказала я.

— Любви? — уточнил он, как ни в чем не бывало.

Мне стало смешно, и даже захотелось стукнуть чем-нибудь, но тут уже давно постарались без меня.

— А тебя ничего не берет, да?

— Отчего же, — сказал он. — Просто был сложный, очень беспокойный день. И есть хороший способ выпустить пар.

Очень захотелось огрызнуться, что вот иди к своей Турун, там и выпускай. Она как раз на это настроена, тебя очень ждет.

Да черт с ним.

Это я просто ревную. Да, ревную, это нужно признать. А он на этот вечер уже все выбрал.

— Нэт, — сказала я, — что ты сейчас и кому пытаешься доказать? Доказать мне, что ты не сбежишь, останешься со мной? Я не сомневаюсь. Если приходится выбирать между: охранять меня или развлекаться, ты выберешь — охранять. Чувство долга у тебя всегда оказывается сильнее, несмотря ни на что, ты чувствуешь ответственность за меня, за то, что я оказалась в это втянута. Это я ценю. Или хочешь доказать Турун обратное? Что тебе на меня плевать? Думаешь, ей не все равно? — я смотрела на него, а он так покачал головой. — Или ты испугался, что я увижу, как легко можно ранить твои чувства, если вдруг попытаться что-то начать заново и...

— Айлин...

— ...и не выйдет снова, — закончила я шепотом.

Он поднялся и сейчас стоял передо мной, весь такой в бинтах, без рубашки... шрамов на нем, и старых и новых — не счесть. Что-то такое в его глазах, что я невольно снова почувствовала тот самый страх. Но сейчас все не так.

— Не надо, — сказала я.

Он подался вперед, но я уперлась в его грудь ладонями... в живот, чтобы никаких повязок не трогать. Нет, я не боялась, конечно, я точно знала, что Нэт никогда ничего плохого мне сделает... только по дури может, но если ему прямо сказать, то он поймет.

Смотрит на меня...

— Ты так сильно ненавидишь меня до сих пор?

— Не ненавижу, — сказала я. — Конечно, из-за тебя я пролила столько слез и... Но это было давно. Сейчас я отлично понимаю, почему ты так вел себя, просто не умел иначе, так же как и я не умела. Ты пытался, как мог. Глупости делал. Но тебе повесили на шею большую на всю голову девчонку, которая глаза поднять боялась, и ты не понимал, что делать... Ох, сядь, Нэт. Когда ты так нависаешь надо мной, мне тяжело говорить.

Он нахмурился, сглотнул, но послушно отошел и сел на пол, к стене.

— Мне нужно было не убегать, — сказал тихо и глухо, — а... не знаю... нужно было чуть больше терпения.

— В том-то и дело, что не знаешь. И до сих пор не знаешь, как правильно было вести себя со мной. Тебя этому никто не учил. И меня

тоже. А знаешь... я тут разбираю вещи, нашла те три чулка. Помнишь?

Он даже зажмурился, головой покачал.

— Прости, я... я ведь повел себя тогда...

— Как скотина, — согласилась я. — Как последняя тварь. Да. Я была просто раздавлена, не понимала, что же сделала не так. Я ведь пыталась быть хорошей женой, изо всех сил пыталась, но не умела. А ты... Я бы повесилась, если б не твоя мать. Она меня, считай, из петли вытащила, сказала... да не важно. Но ведь самое смешное, я только сейчас поняла, когда нашла... это ведь новые чулки. Ты с ними вообще не спал?

Он смотрел на меня почти с ужасом, вот сейчас осознавая все. И уши у него отчаянно красные, как у Кита.

— Я не... Не то, чтобы... — он кашлянул, голос как-то вдруг сел. — Не то, чтобы совсем ничего. С двумя я целовался, но да... до постели не дошло, — он сморщился виновато, — и уговорил подарить мне на память... Третий уже не успевал, да и надоело, просто подошел и банально купил. Я надеялся, ты увидишь, не выдержишь, наорешь на меня... Я скажу, что ничего не было, что просто хотел заставить ревновать, что люблю тебя и...

Он сжал зубы, замолчал.

— И мы поругаемся, — сказала я, — потом помиримся, ты меня обнимешь, и я все прощу. Понимаю. И то, как ты пытался сбежать, не зная, что делать, понимаю тоже. И все твои измены потом. Да, со мной не вышло, но это ведь не повод ставить на своей жизни крест, кто я тебе... Да, мы говорили об этом. И жить отдельно было отличным решением. Потому что простить можно, но забыть — точно никак. Давай не будем ворошить это снова. Сейчас жизнь свела нас так, что друг от друга никуда не деться. Но давай не будем... Тебе ведь это тоже не нужно, ты сам говорил.

Мы ходим по кругу.

Самое плохое — я сейчас и сама не понимаю, что происходит со мной.

И спать нам все равно вместе.

Ничего не будет, конечно. Я с одной стороны постели, он с другой. Я долго не смогу заснуть.

Но ночи в лесу холодные, и хороших теплых одеял здесь нет. Я попытаюсь как-то поджать под себя ноги, закутаться...

В какой-то момент почувствую, что меня пытаются пододвинуть.

— Что?

— Все хорошо, тихо, — скажет Нэт. — Ты замерзла, зубами стучишь. Давай поближе ко мне, так теплее. Погреться. И ноги свои холодные давай...

Я попытаюсь не слишком уж... но он такой большой и теплый, и это так хорошо.

И проснусь утром, крепко прижавшись к его груди.

Глава 16. О серьезной женщине с аркебузой и ближайших планах

Когда я открыла глаза, было светло. Нэт спал... или, по крайней мере, делал вид, но как только я глаза открыла, он открыл тоже. Улыбнулся чуть-чуть, так неуверенно.

Надо было, наверно, отодвинуться от него, но он меня обнимал и... утро еще холодное. А так — тепло.

— Как ты? — шепотом спросил он. — Неудобно в такой постели спать?

— Да ничего, — сказала я. — Домой ведь теперь, наверно, не скоро попаду, так что придется привыкать.

— Одеяло нужно раздобыть потеплее.

— Ты тоже замерз?

— Да нет, — почувствовала, как он улыбнулся. — Мне нормально. Ты вон замерзла.

Я хотела ответить... но поняла, что с утра не хочется ни спорить, ни вспоминать что-то старое... все то — давно улеглось, и ворошить уже нет смысла. А я пригрелась и мне хорошо. И я абсолютно доверяю человеку, который сейчас рядом. И так спокойно, после всех этих диких беспокойных дней.

— Ты же меня погрел, — сказала я просто. — Так что мне тоже хорошо.

Он хмыкнул мне в макушку, потом как-то так вздохнул судорожно, уткнулся носом в мои волосы.

— Я хочу сказать, Нэт, — мне вдруг захотелось объяснить все это, — я, в целом, очень хорошо к тебе отношусь. То, что было — то было. И ты был не прав, и у меня хватало... своего тоже. Это уже не изменить. Но сейчас... Знаешь, я когда шла на эту казнь смотреть, мне так плохо было. Сердце болело. Я не могла представить, что тебя больше никогда не будет. Я...

Поняла, что вдруг слеза покатилась... Я ведь даже там, на казни не плакала, а вот теперь...

Шмыгнула носом.

— Ты чего это? — удивился Нэт.

— Не знаю, — покачала головой. — Просто было так страшно, непонятно и я совсем одна... Я была растеряна, не понимала, что делать. И доверять совсем никому нельзя...

И шмыгнула носом громче, расслабилась, потому что отлично знала, что он сейчас скажет.

— Теперь ты не одна, — тихо сказал Нэт. — Я с тобой. Все будет хорошо, мы что-нибудь придумаем.

Я прижалась к нему крепче, потерлась щекой о его плечо.

Хорошо и спокойно.

Я знаю, конечно, что вот так все не закончится, но главное — теперь я не одна с этим.

Он осторожно погладил мои волосы.

— Ланни... — начал совсем тихо, едва слышно. И замолчал.

Я подняла на него глаза, посмотрела.

А он потянулся ко мне, коснулся губами моего лба, и снова, чуть ниже, у брови.

Неуверенно улыбнулся. Выжидая.

Губы у него теплые, чуть-чуть жесткие, обветренные.

Но это приятно... и даже как его пальцы уже поглаживают мою спину...

Я потянулась к нему сама... не знаю, что на меня нашло. Просто захотелось.

И не успела.

— Эй! Спите? — голос с улицы. И распахивается дверь.

Почти смешно.

— Не хочется мешать, — говорит Мартин. — Но, Бен, выйди на пару слов.

* * *

Когда Нэт вернулся, вся утренняя благодать уже растаяла.

Я встала, принялась одеваться.

— Что там случилось? — спросила, когда Нэт вернулся.

— Пока ничего, — сказал он, подошел ближе. — Мартин едет встречаться с нанимателем. Тех, кто не готов сражаться, отправляют

подальше отсюда. Те, кто готов... хм, чистят ружья. У них тут целый арсенал. Тебе помочь с платьем?

Совсем близко подошел и даже положил ладони мне на талию. Со шнуровкой сзади я сама не справлюсь.

— Помоги, — согласилась я. — Нэт... — и все же, сама повернулась к нему. — Я не знаю, что на меня нашло, я...

— Хорошо, — легко согласился он. И развернул меня обратно к себе спиной, деловито взялся за шнуровку. — Не волнуйся, я все понял.

И так сказал это, словно понял что-то свое, особенное.

— Что понял? — уточнила я.

— Что тебе было страшно и нужна помощь. Но теперь я рядом и буду защищать тебя.

И чуть заметная усмешка. Словно намек на то, что он подождет, и скоро спасенная от дракона принцесса сама упадет в объятия рыцарю, это совершенно очевидно.

Сделать вид, что я эту усмешку не уловила? Тут либо я согласна с этой игрой, либо нет.

Он зашнуровал и с минуту стоял молча за моей спиной, потом наклонился, прижался щекой к моему виску.

— Все будет хорошо, Айлин, — сказал уверенно. — Все будет хорошо, мы как-нибудь справимся. Я все силы приложу, чтобы тебя защитить, уж в этом можешь не сомневаться. Пока я нужен тебе, я всегда буду рядом. А уж потом, когда все закончится, мы решим, хотим ли попытаться снова или нет.

«Пока я тебе нужен»... Это звучит, как... А если в горе и в радости, пока смерть не разлучит нас? Если вдруг нужен?

К чему такие мысли?

Я вздохнула.

— У тебя щетина такая колючая... — сказала и шагнула в сторону, повернулась к нему.

— Надо побриться? — он улыбнулся, чуть склонив голову на бок, глядя на меня.

И мне вдруг показалось — он видит меня насквозь, видит даже то, что я пытаюсь спрятать от самой себя.

— Как хочешь, — сказала я.

— Тогда не буду, — он пожал плечами. — Такой случай бороду отпустить, — вздохнул. — Айлин, Мартин сказал, что пока он не вернется, нам лучше на улицу не выходить, чтобы не дразнить гусей. Не все здесь готовы поддержать меня, некоторые считают, что это неоправданный риск, проще срубить твою голову, чем подставлять свои. И я их понимаю отлично... Так что будь осторожна, от меня не отходи ни на шаг и лучше даже к окну не подходи. Мартин вернется, расскажет, как прошла встреча, и будет ясно, что делать дальше.

Мне как-то даже не по себе.

— А если они, эти недовольные, придут сюда?

— Их в любом случае немного, — сказал Нэт. — Я справлюсь. А ты держись пока подальше от двери и от окна, могут стрелять. Кстати, о стрельбе... Ты ведь умеешь стрелять из аркебузы?

Мне как-то даже икнулось от такого предложения.

Умею.

Когда твоего мужа вечно нет дома, и он не в Кетнахе где-то соблазняет девиц, а ушел на несколько месяцев в дальний поход, а сын твой еще ребенок, — приходится все дела вести самой. И чтобы мужчины воспринимали тебя всерьез, нужно не только цветочки гладью вышивать, но и доказать всем, что ты умеешь за себя постоять. Что слово твое твердое, рука крепка и порох в ружье готов вспыхнуть. Так что я умею все, и финансовые дела вести, и по уткам на охоте стрелять, и даже уроки фехтования мне никогда лишними не казались.

— Если вдруг дойдет дело до драки, — сказал Нэт, — ты главное вперед не лезь. Но пальнуть разок, возможно, не помешает. Томми сейчас тебе аркебузу принесет.

* * *

Аркебузу действительно принесли. Нэт отобрал, первым делом осмотрел ее сам, проверил, разобрал, почистил, страшно ругаясь, потом собрал и проверил снова. И только потом отдал мне.

Так сосредоточенно, по-деловому, что мне становилось не по себе. Придется сражаться, сейчас или позже, но все равно уже никуда не деться от этого. Привычной жизни не будет еще очень долго. Если будет вообще.

И если представить, что от Джона избавятся, и Иверач станет фактическим правителем при маленьком Нивене, то ничего хорошего для себя мне ждать не стоит. Нэт с Ришертом далеко не друзья, и Кит тоже спокойно смотреть на все это не будет. Кит наверняка взбрыкнет, откажется такому регенту служить, который подставил отца и так обошелся с любимой девушкой. Кит очень прямолинеен, он скажет все. И тогда Кита тоже отправят на плаху... И меня, скорее всего, не станут церемониться.

Так что у нас все должно получиться, иначе просто нельзя.

И до возвращения в Ован еще нужно дожить.

Будет так глупо, если нас пристрелят здесь, в лесу, а не...

Понять бы, кто затеял это. Кто так хочет моей смерти уже сейчас. Я сунула нос, куда не стоило?

И некуда бежать, лес кругом...

А Нэт казался совершенно спокоен.

Голова шла кругом от всего этого.

Меня трясло от нервов, особенно когда постучали в дверь и велели Нэту выйти поговорить. А Нэт так спокойно подошел, чиркнул огнивом, запалив на аркебузе фитиль, дал мне в руки. Сказал, чтобы я подальше в угол отошла. Вытащил палаш из ножен. И только после этого так же спокойно ответил, что если те за дверью хотят поговорить, то пусть заходят, дверь открыта.

Но никто не зашел. Ему еще кричали там что-то, пытались убедить, но выходить сам Нэт не хотел. «Что им надо?» — осторожно спросила я. «У них тоже ружья, — сказал Нэт. — Я выгляну, и они пальнут. А сюда не полезут, боятся». В ближнем бою против Нэта у разбойников шансов мало.

Они покричали еще, но потом ушли, я затушила фитиль. Но Нэт все равно остался сидеть у двери, положив палаш на колени. Равнодушно. Словно он всю жизнь так.

А, может, и всю. Я смотрела и понимала, что никогда толком не знала его с этой стороны. Не дома, не при дворе, а вот так... Война — привычное дело для него.

Не знаю, чем бы закончилось это, но к обеду вернулся Мартин.

Я слышала топот копыт и голоса, и как они там орут друг на друга. Нэт осторожно выглянул в окно, потом вышел, но далеко от двери не отходил. Я не лезла.

Потом, судя по звукам, там кому-то набили морду.

Потом Мартин с Нэтом зашли к нам.

— Значит так, — сказал Мартин, обращаясь скорее ко мне. — Мне велели, Ваша Светлость, принести вашу голову. Дали время до вечера. Но ждать до вечера мы не будем.

Судя по тому, что Нэт беспокойства не проявлял, рубить мне голову, не дожидаясь вечера, Мартин не собирался.

— Мы выдвигаемся к Овану сейчас, — сказал Мартин. — Большинство моих людей готовы рискнуть за хорошие деньги и прощение старых грехов. Но вы должны пообещать, что они получают все, как мы договаривались.

И смотрел он на меня, а не на Нэта. Забавно. Нэт покойный герцог, а я вот, пока жива. Или он не до конца верил Нэту? Но тут сложно не верить. И все же, Нэт до сих пор «Бен» для всех, беглый и простой парень, герцога в нем распознать сложно.

— Да, конечно, — сказала я.

— И тебе прощение тоже? — спросил Нэт.

Мартин повернулся к нему.

— И мне, — согласился он. — Со мной все не так просто, домой мне не вернуться в любом случае. Меня не примут. Но от спокойного места где-нибудь на королевской службе я бы не отказался. Или на службе у... — тут он хмыкнул, понимая что «на службе у тебя» будет не очень правильно, — у вас милорд. Если вы сможете воскреснуть из мертвых и вернуть титул. Такая жизнь не по мне, прятаться по лесам...

— Королевской службы обещать не могу, — сказал Нэт. — Но на службу в Арраншир тебя, по крайней мере, Айлин взять сможет. Кит возьмет.

— Подожди, — сказала я. — Но если у нас все получится, то Джон вернет тебе титул?

Нэт пожал плечами.

— Не помню, чтобы Джон хоть раз отказывался от своих слов. Если лишил, то лишил. Отпустил, и уже надо радоваться. Но там будет видно. Для начала нужно отбить у них самого Джона, и будет просто чудо, если в здравом уме...

Я понимала, и мне это не нравилось.

— Сейчас в Ован. А потом?

— Потом, — сказал Нэт, — тебя с хорошей охраной отправим к Фергюсу.

— Ты хочешь меня отослать?

— Да, — сказал он серьезно. — Ты ведь понимаешь, Айлин, что пока ты рядом, у меня связаны руки? Я бы поехал с Мартином на эту встречу сейчас, но я никак не мог оставить тебя одну. И даже в Оване сейчас не безопасно, ты тоже слышала про пожар. А Фергюс защитит и будет на нашей стороне. Поговори с ним, он, возможно, чем-то поможет.

Уезжать я не хотела. Но и спорить сейчас бессмысленно, я отлично понимала, что Нэт прав. Только ведь он мертв официально и не может просто так взять и заявиться даже к себе домой. А я могу... и кто знает, как это нам пригодится. Ладно, оставим пока, и как дойдет до дела — будет видно.

— Мартин, — спросила я, — ты сказал, что большая часть твоих людей готовы рискнуть и поддержать нас. А остальные?

— Остальные не готовы, — он хмыкнул. — Не волнуйтесь, Ваша Светлость, с теми, кто мутил воду, я разобрался. Тут дело не только в вас, а в том, что они отказываются подчиняться. Остальные, даже если недовольны, не решаются ничего сделать, по крайней мере, в моем присутствии. Большинство — за, для кого-то это единственный шанс. Так что не волнуйтесь.

Не волноваться, конечно, не выходило.

В дорогу мы собрались быстро. Мне нашли подходящую одежду... более подходящую, чем дорожное платье, пусть и удобное, но не настолько, чтобы в нем бегать по лесам. Почти новые штаны с какого-то худого паренька и огромную не по размеру толстую стеганную куртку для защиты, страшно тяжелую. От пули, конечно, не защитит, но если от стрелы и издалека, то помочь может. Все лучше, чем ничего.

И лошадь дали, потому что пешком через лес — я буду только всех задерживать, так много и так быстро ходить не привыкла. Если выйдем сейчас, то в Ован доберемся уже глубокой ночью, а то и к утру, и лучше не по дороге, чтобы не бросаться в глаза, а тайными лесными тропами.

На нас напали, когда до Ована оставалось около часа пути.

Что-то просвистело мимо, кто-то закричал.

— Скачи до Ована, жди нас там, — быстро велел Нэт, и какому-то мужику рядом. — Югайр, присмотри за ней, отвечаешь головой!

Хлестнул мою лошадь по крупу так, что она сорвалась с места, понеслась. Я едва удержалась, ничего уже сделать не смогла.

Звуки выстрелов сзади и звон оружия.

Я хотела было остановиться, все так неожиданно, и так ведь нельзя... Но этот Югайр подхватил за повод мою лошадь, потащил за собой.

— Не останавливайтесь, леди! Скорее!

— А если их там убьют?

— Если их убьют, то и нас тоже. Вы ничем не поможете. Скорее. Смотрите, за нами, кажется, едут.

Я видела тени, мелькающие между деревьями. Если они догонят нас... Оглушительно грохнуло. Я дернулась испуганно. По нам стреляли, точно по нам... но в темноте между деревьев прицельно стрелять сложно.

Почти паника.

Скорее!

Тут даже уговаривать не надо, так страшно, что вообще перестаешь что-либо понимать. Сердце колотится. Никогда еще со мной не было такого, и угроза умереть — такой отчетливой. Ужас накатывал, словно в детстве, когда я пряталась под кроватью, когда отец орал на мать... только сейчас все куда страшнее, потому что сейчас они на самом деле пришли за мной и хотят моей смерти. Не ударить, не наорать, а убить совсем. И надо бежать не оглядываясь.

Мы неслись через лес так быстро, как только могли. Не останавливаясь больше.

Я даже не понимала — едут за нами или уже давно отстали. Я бы, наверно, потеряла направление, свернула бы непонятно куда, но Югайр внимательно направлял меня, сам держась чуть позади. «Правее, леди! Нам нужно вон до того дерева, там будет поворот». Лесные тропинки петляли, но я очень надеялась, что мы едем правильно.

О том, как там Нэт — старалась не думать, так невозможно... Выбраться, а потом уже думать о нем... Он сможет, у него все

получится. Нечестно бросать его, но я ведь ничем не смогу помочь, только мешать...

Когда уже почти выбрались из леса, дальше только поля и деревни, а за ними замок... нам наперерез выскочил всадник.

Я заорала от неожиданности.

Югайр бросился к нему, выхватил меч. Они сцепились. Я плохо понимала, что происходит там, слишком темно... только звон стали... оставалось надеяться, что мой защитник справится, что больше никто не выскочит из кустов. А что делать, если нет?

Спокойно.

У меня аркебуза с собой. Заряженная, почти готовая к бою. Нужно только на полку насыпать немного свежего пороха, поджечь фитиль... У меня есть и мешочек с порохом, и огниво. Главное не торопиться.

Я должна быть готова... я...

Руки тряслись.

Может, и не понадобится, может, зря я это... Но лучше я буду готова.

С огнивом было совсем плохо, руки не слушались, не удавалось, я чикала, но никакой искры..

И тут вдруг глухой чавкающий удар, негромкий, но пробирает до приступа истерики почти. Так, что хочется заорать и все бросить. И я понимаю, что Югайр, схватившись за живот, вдруг оседает... падает на землю... одна нога застряла в стремях и лошадь тащит...

А тот другой — поворачивается ко мне.

— Вот и все, леди, — говорит он с усмешкой. — Не дергайтесь, тогда больно не будет.

И мерзко ржет. Но на мое счастье — он так и не осознал, что я держу в руках и что собираюсь делать. Ночью сложно разобрать, только вспыхивающие искорки от огнива. Но кто ожидает от меня такого? Я — напуганная баба...

Дергаться я не буду.

Никогда еще не стреляла по людям, мне такое не могло присниться и в страшном сне, но сейчас... даже думать не хочу.

Ни о чем лишнем не думать. Это как на охоте — нужно поднять ружье, прицелиться и... попасть. Тут меньше десяти шагов, даже слепой не промахнется. Главное не спугнуть, чтобы он не дернулся сам. Второго шанса у меня не будет, перезарядить не успею.

Югайр лежит на земле, навзничь... там за кустом...

Спокойно...

— Леди... что вы делаете, леди? — человек пытается понять.

И еще шаг ко мне. Пусть сделает еще шаг, чуть лучше откроется, чуть ближе. Я успею. Как по уткам. Главное — не забывать дышать.

— Леди!

Он понимает, потому что я вскидываю аркебузу к плечу.

Но не успевает.

Потому что нажимаю на спусковой крючок.

Сноп искр перед глазами и оглушительный грохот. Я зажмуриваюсь.

Но понимаю, что попала. Слышу вскрик. И, приоткрыв глаза, вижу, как тот человек падает.

А я, ударив лошадь пятками бока, срываюсь с места и скачу прочь. До Ована совсем недалеко.

* * *

— Откройте!

Мне казалось, я стучу в ворота уже целый час, но на самом деле не больше, чем нужно старому Джареду, чтобы вылезти и своей будки и доковылять к воротам. Он служил еще отцу Нэта, едва ли не деду, охранял ворота по ночам всегда.

— Кого там еще принесло? — сонно и очень взволновано поинтересовался незнакомый голос.

И я чуть было не рванула назад в лес, от испуга. На минутку мне показалось — они захватили замок и теперь здесь.

— Кто это? Где Джаред? — вскрикнул я.

— Миледи? — человек за воротами удивился, не сразу ответил мне. Приоткрыл сначала маленькое окошечко, выглянул, охнул тяжело, и только потом заскрипел засовом ворот. — Ваша Светлость, это я, Мик! Помните меня? Внук Джареда. А дед слег, сердце у него прихватило от всех этих новостей. Сначала милорда нашего в таком деле обвиняют, потом вы еще пропали... Ох, миледи... Откуда ж это вы?

С этими словами он ворота распахнул. Да, Мик, я помню... Просто от страха все из головы вылетело.

— Мик... — я выдохнула, поняла, что ноги подкашиваются. Потому что все, я дома, теперь все будет хорошо. Никто не догонит меня.

— Ох, да что же это с вами случилось? Вам плохо?

Он подхватил меня, потому что шатнуло, я ухватилось за его плечо.

— Идемте, я помогу, — сказал Мик. — Сейчас, только ворота закрою... И молодого господина разбудить надо, сказать, что вы вернулись. А то он вчера весь день по лесам ездил, вас искал. Только вернулся в Ован и тут же поехал вас искать. Как же вы всех напугали!

Молодой господин?

— Кристофер здесь?

— Да, — сказал Мик. — Вчера только вернулся. И сразу за вами.

Глава 17. О сбивчивых объяснениях и надежде на лучшее

Я едва успела пройти двор, зайти, кое-как доковылять до главной лестницы... когда по лестнице на меня слетел Кит.

— Мама!

Сгреб, подхватил, едва ли не подкинул от радости. Сейчас Кит похож на здорового щенка, прыгающего от радости. Наверно, я была рада тоже, но... это значит, Кит теперь тоже неизбежно влезет во все дела. И мне страшно за него.

— Я тебя искал! Не знал, где искать... Мама!

— Что ты здесь делаешь, Кит?

Он отмахнулся.

— Я закончил дела, не мог тебя бросить... — и только сейчас осознал, как странно я одета и что до сих пор тащу за собой аркебузу. — Что с тобой случилось?

А у меня не было сил ничего объяснять, так устала, хотелось только упасть и уснуть, наконец в безопасности... Вот только пока не увижу Нэта, я уснуть все равно не смогу, должна знать, что с ним. Не пойду спать, пока они не доберутся сюда.

— На меня напали, Кит. Когда я возвращалась от Коулза, на меня напали в лесу. Кто-то в Кетнахе заплатил разбойникам, чтобы они меня убили... но они не убили, и даже наоборот, защитили от тех людей, которые хотели убить. А когда мы ехали в Ован — на нас напали снова. Мне удалось убежать, а они... Я очень надеюсь, они скоро будут здесь, их нужно пустить в Ован, накормить, дать все необходимое. Я обещала заплатить им.

Понимаю, мои объяснения звучат как бред сумасшедшего. Но все надо рассказывать долго и по порядку, а мне не до этого сейчас. А ведь Кит даже не знает еще, что его отец жив... Если Нэт, конечно, жив, если его там в лесу не убили.

От этих мыслей ноги подкашиваются, и хочется прямо в обморок упасть тут на месте.

Надо взять себя в руки.

— Мама, что ты говоришь? Кого впустить? Разбойников?

Да, я понимаю звучит. Но не очень понимаю, с чего начать сейчас и где найти силы. И точно знаю, что говорит о Нэте здесь — не стоит, мало ли кто может услышать.

— Давай сделаем так, Кит... Мы сейчас пойдем на стену, к воротам, и будем ждать тех людей, которые должны приехать. Очень надеюсь, что им удалось справиться, и они скоро будут здесь. Когда они подъедут, и я увижу, узнаю их, и их пропустят в замок. Без меня никого не пускать... Не спорь, я дала слово, я обязана им жизнью! — я подняла аркебузу и сунула буквально Киту в нос, а то он уже собирался спорить. — Вот, смотри, что они дали мне. Дали охрану, но того человека убили, когда он пытался защитить меня, а мне чудом удалось вырваться. Не спорь, я все объясню. Только у меня сейчас ноги трясутся, поэтому пусть принесут нам на стену стул и вина. И нам нужно поговорить наедине, никто не должен слышать.

— Тебе дали ружье? Ты...

Знаю, расскажи бы кто-то это мне самой, я бы тоже не поверила.

— За мной была погоня, Кит. Я стреляла, и я убила человека из этого ружья. Все очень сложно... Идем.

Очень хотелось не на стену сейчас идти, а в кроватку, а лучше — сначала горячую ванну, а потом в кроватку. Но надо было дожидаться. И точно нельзя пускать в замок посторонних, мало ли кто подъедет к нашим стенам.

А еще — я хочу узнать первой...

К воротам снова.

На башню, на смотровую площадку ведет лестница, ступени высокие, и я чуть было не подумала, что сейчас помру тут по пути наверх, но Кит подхватил на руки, как ребенка. А и пусть несет, решила я, он такой же здоровый лось, как и Нэт, да еще совсем молодой к тому же. Он подхватил и я вздохнула с облегчением.

Наверху стражи нет, сейчас не от кого охранять замок. С лестницы не подслушать — тут дубовая дверь, да и слышно, в принципе, не очень хорошо.

Кругом поля. Я огляделась, но пока никого видно не было.

Что мне сказать Киту?

Пока не принесли стулья, я просто села на пол, сейчас уже не важно.

Кит смотрел на меня обалдело, пытаясь переварить все, что происходит сейчас, наверно, впервые я в таком виде перед ним. Но молча и терпеливо ждал.

С чего начать?

— И все же, как ты сам оказался здесь, Кит? — спросила я. Очень надеюсь, что его-то не станут обвинять в том, что он не подчиняется приказам. — Ты бы не успел доехать до места и вернуться.

Кит вздохнул, провел ладонью по лицу, совсем как Нэт.

— Мне нужно было доставить письмо, только и всего. И, подозреваю, там ничего важного... ничего настолько важного, чтобы посылать с письмом герцога, это просто повод отослать меня. Я передал письмо Даннету, он доставит, а сам вернулся с полдороги. Подумал, что все это так странно, и не стоит оставлять тебя одну. А когда вернулся... мне сказали, ты поехала к Коулзу, должна была вернуться уже, но не вернулась... я попытался искать...

Вздохнул снова.

Что ж, повод обвинить Кита в неисполнении приказа есть.

Ладно, будем надеяться, ему не сильно влетит за это, хотя Джон может быть недоволен... Если это вообще приказ Джона.

Если от Джона вообще еще хоть что-то зависит.

Сейчас ничего нельзя сказать наверняка, нет однозначно верных решений.

Ладно, что сделано, то сделано, теперь я...

— Кит, ты должен знать. Твой отец не виноват, его подставили.

Кит вдруг разом подобрался и помрачнел.

— И кто тебе это сказал?

Не то, чтобы Кит не верил, я понимала... но все это слишком сложно. И эти разговоры причиняют боль.

— Он сам. И если бы это было не так, Джон не бы отпустил его.

— Он сам? Когда? Подожди, что ты говоришь? Джон отпустил его? Но ведь его казнили?

Ох, как многое придется объяснять сейчас.

Страшнее всего вдруг — сказать Киту, что его отец жив, а на самом деле... я не знаю. Нет, я сама не готова о таком думать.

Прислушалась. По лестнице никто не идет к нам, тихо.

— Казнь — это только представление. Ты уехал и не видел этого. Но казнили не Нэта, а другого, выдав за него. Это придумал Джон,

потому что узнал правду, но отменить свое решение просто так не мог. Нэт сейчас там, с теми людьми. На нас напали, и он отослал меня в Ован... но сам остался там.

— Что? — Кит даже переменялся в лице. — Ты хочешь сказать, отец там?

Он дернулся даже, высунулся между зубцами, вглядываясь вдаль.

— Да, — сказала я. — Он пытался спасти меня... Это он нашел тех людей. Они разбойники, но они готовы помочь...

— Он жив?

— Кит... я очень надеюсь... — мне было страшно даже говорить это.

И такая буря чувств на его лице. Недоверие, надежда, ужас — все сразу. И сейчас так особенно отчетливо видно, как Кит устал и вымотался за последние дни, вряд ли нормально спал, и так осунулся... И совсем не понимает, что делать дальше. Чувствует, что должен что-то сделать, что он теперь герцог, глава семьи... но не знает, не готов к такому.

Кит вглядывался в ночные поля.

— Кит, — сказала я, — только когда те люди приедут, называть его по имени нельзя, они не знают. Он Бен для них. Ты ведь понимаешь? Все считают его мертвым, и это может оказаться очень важно. Враги считают его мертвым, и это дает нам дополнительный шанс... Там что-то неладное в Кетнахе... И я даже не думаю, что Нэт придет сюда открыто, его узнают и пойдут слухи...

— Да... — Кит кивнул, закусив губу. — В Кетнахе... да... — видно было, что ему тяжело говорить об этом. — Майрет говорила... я должен ей помочь, но пока не понимаю как. Ее хотят выдать замуж.

— Ки-ит, — я поняла, что и это должна сейчас сказать тоже. — У твоего отца с Майрет ничего не было. Ее заставили сказать это, чтобы ты уехал, чтобы вернее избавиться от тебя. Но на самом деле все было иначе.

Он сжал зубы, и пальцы, так что почти побелели. Кивнул.

— Кто заставил, она сказала? — выдохнул глухо, почти шепотом.

— А ты не знаешь?

Он сжал зубы еще крепче, мотнул головой.

— Смотри! — вздрогнул вдруг. — Кажется, там люди на дороге.

* * *

— Стой, я знаю тебя! — Кит даже вытянулся, когда увидел, как Мартин заходит в ворота. — Ты Мартин Кейси... ты...

— Висельник! — весело усмехнулся тот. — За мою голову объявлена награда, я знаю. Но так вышло, что ваша мать, милорд, обещала награду мне, и мне почему-то кажется, что вы не будете мешать ей выполнить обещанное.

— Мартин, а Бен? — поспешила я.

— Все хорошо, леди. Он жив. Но он не с нами, вы же понимаете.

Глава 18. О горячей ванне и том, что все пошло не так

Солнце уже почти встает, небо сереет, а я, наконец, могу расслабиться. Нас, конечно, еще много всякого ужаса ждет впереди, но сейчас я дома, в безопасности, в горячей ванне с мятой и липовым цветом, и Нэт жив, и что-нибудь придумает, и все обязательно будет хорошо. Ни о чем не хотелось думать, просто отдохнуть. Погреться сейчас, а потом поспать, хотя бы до обеда... Дальше я сейчас не готова загадывать.

И вдруг за окном что-то стукнуло.

Что за...

Я вытянулась, прислушалась.

Стукнуло снова, и даже так, словно кто-то пытался открыть ставни, влезть в окно.

Только этого мне не хватало! Или...

Я быстро выскочила из ванны, натянула сорочку прямо на мокрое тело, некогда сейчас, а вдруг там действительно кто-то чужой?

Ставни пытались открыть на самом деле, но за окном еще темно и почти не разглядеть.

— Кто там? — громко спросила я.

Глупо, наверно. Но если чужой — он поймет, что я заметила, и, может быть, не полезет, сбежит. Или наоборот... Но тогда, возможно, и я успею понять и сбежать сама. На всякий случай шагнула к двери, подальше от окна.

— Это я, — ответил он. — Не бойся.

Нэт. Совсем с ума сошел? Не могу сказать, что удивлена, я отлично знаю его замашки. Но ко мне в окна он еще ни разу не лазил.

И вот тут ставни распахнулись, наконец, и Нэт откуда-то сбоку ввалился внутрь.

А я бросилась к нему.

— Нэт!

Живой!

К нему на шею, обняла его, прижалась, он обнял меня в ответ.

— Ланни... Как ты? Как добралась?

А я ничего не могу сказать, у меня вдруг слезы... потому что именно сейчас только смогла осознать, что страшная ночь закончилась, Нэт рядом и все будет хорошо. Потому что я пыталась как-то держаться, но сейчас держаться уже не могу. И я обнимаю крепко, уткнувшись носом куда-то в подмышку, а то грудь у него вся перевязана и трогать нельзя. Он гладит меня по волосам.

— Ланни, ну ты чего это вдруг? Все хорошо.

Я поднимаю на него глаза. Он улыбается. И так горячо, так счастливо меня обнимает, словно ничего важнее в жизни нет. Я тоже глажу его по колючей щеке, тянусь волосам, зарываясь пальцами в ежик на макушке. И он целует меня в губы, как-то сразу, быстро, и так, что перехватывает дух. И сам вдруг подхватывает меня, прижимая к стене, рывком, нетерпеливо. И сразу отчетливо становится ясно, что именно так все и должно быть, он вернулся ко мне, влез в окно... И все это так быстро и так безумно, что я уже с трудом успеваю понять, как его пальцы уже скользнули по моей ноге, поднимая сорочку, и никуда не деться, и...

— Мама! — вдруг крик за дверью. — Мама, у тебя все в порядке?

— Да чтоб тебя! — выдыхает Нэт, смотрит на меня растерянно. А потом тихо ржет. Что теперь делать?

Мне самой смешно и немного обидно. Но больше, все же, смешно.

— Если Кит один, я сейчас объясню и прогоню его, — говорю шепотом. — Спрячься, а то вдруг с ним кто-то еще.

Нэт сейчас словно застигнутый врасплох любовник в собственном доме.

— Мама! — зовет Кит.

— Все хорошо! — громко отвечаю я, и толкаю Нэта за шкаф в темный угол. — Подожди тут, я сейчас.

Иду к двери.

И открываю раньше, чем Кит успевает сделать это сам, буквально за мгновение.

— Кит...

И замираю даже, потому что у Кита в руках меч, и еще трое за ним с оружием.

Но видя меня в одной промокшей сорочке, он делает шаг назад, растерянно и смущенно даже. Наверно, не этого ожидал.

— Халле видел, как кто-то лез по стене к твоему окну, — Кит почти оправдывается. — У тебя все в порядке?

— Да, — говорю я. — Убери оружие и зайди ко мне, только один. И пусть люди твои тоже уберут и отойдут отсюда подальше.

Кит нерешительно оглядывается, но меч убирает. И все же колеблется.

— Кто там у тебя?

А мне смешно.

— Любовник, — говорю я. — Кит, не будь ребенком. Зайди, я объясню тебе.

Он оглядывается снова, но отсылает людей. «Все хорошо, идите».

И сам заходит ко мне, все еще напряженно держа ладонь на рукояти.

Я закрываю дверь.

— Тут твой отец, — шепотом говорю я. — Только тихо, никто не должен знать.

— Что? — Кит вздрагивает, оглядывается судорожно.

Нэт выходит из-за шкафа, подходит к свету — свечка горит на столе. Улыбается.

— Здесь только я, Кит, — говорит почти шепотом. — Заглянул... кхм, поговорить с твоей матерью.

И Кит вдруг совсем по-детски шмыгает носом.

— Ты и правда жив! — делает шаг вперед, но замирает. — Но как же все это... почему...

Кит пытается осознать.

— Джон отпустил меня, — говорит Нэт. — Ты только громко не говори, ладно? А то услышат. От двери отойди.

— Но почему? Как...

И все же подходит, а Нэт обнимает его за плечи, хлопает по спине. И Кит обнимает его тоже, судорожно, с облегчением выдохнув, наконец. Потом отпускает.

— Против Джона зреет заговор, — говорит Нэт серьезно, отступает чуть назад, глядя на Кита. — Ты ведь и сам понимаешь, наверно.

Кит отчаянно мотает головой.

— Я не понимаю, что происходит, — говорит он. — Все это... Майрет... Она говорила, что ее хотят выдать замуж, но не говорила за

кого, говорила, что не может мне сказать, потому что я... я не позволю, я попытаюсь помешать. Они совсем запугали ее и... — тут он бледнеет окончательно. — Скажи мне, что там произошло на самом деле?

С нажимом, даже голос чуть подрагивает.

— Сядь, Кит, — сухо говорит Нэт. — Сядь, успокойся, и я объясню.

Садиться Кит не хочет.

— Объясни, — требует он. Наверно, в мои слова, что «ничего не было» не очень-то верит, хочет услышать от отца.

Нэт тяжело вздыхает, оглядывается на меня, словно извиняясь. Что ж, горячего романтического свидания у нас не вышло.

— Майрет заставили сделать это, — говорит спокойно и ровно. — От нее требовалось подставить меня так, чтобы Джон отвернулся однозначно, без всяких сомнений, лучше — если б в запале убил бы на месте. Я удивляюсь, как не убил, — он облизывает губы. — Майрет позвала меня поговорить, потом сунула мне в нос ведьмин цветок, и я потом уже плохо понимал, что делаю...

— Ведьмин цветок?! — Кит дергается. Он тоже знает, для чего это.

— Успокойся Кит. Она повела меня в ту комнату, налила вина... думаю там тоже было что-то, что срубило меня окончательно. А очнулся я уже в постели.

Нэт замолкает, тихо кашлянув. Хреново как-то звучит.

А Кит прямо вытягивается, ноздри раздуваются.

— То есть, ты просто ничего не помнишь? И поэтому говоришь...

— Кит, если бы что-то было, Джон не отпустил бы меня.

— Да как ты...

У Кита сжимаются пальцы, но что делать — он не знает.

— Сядь, Кит, успокойся, — требует Нэт. — Сядь.

Вот только, самое главное — нельзя сейчас на Кита давить. Он и так на нервах, ночью не спал, да и предыдущей тоже — вряд ли. Все это свалилось на него, он растерян и готов в любую минуту сорваться. А если сорвется — наворотит тут...

Он уже готов на месте убить любого, что попробует обидеть Майрет.

У Кита подбородок подрагивает.

— Так кто заставил ее сделать это? — говорит хрипло.

Он не знает. Возможно, догадывается, но не знает наверняка. Я тоже не знала еще совсем недавно, Иверачи почти никогда не были на виду, не лезли открыто. О возможном замужестве принцессы никто не говорил. Они были где-то поблизости, но никогда открыто не лезли в дела.

— Кто? — почти кричит Кит.

— Успокойся, — говорит Нэт, еще пытается спокойно.

— Кто? Иверач? — кричит он. — Я убью его! Это же он, да! Я должен был знать! Я убью его!

— Кит, прекрати!

Нэт хватается за плечо, надеясь хоть силой остановить и успокоить. Никаких глупостей сейчас точно делать нельзя. Но Кит вырывается.

— Ты не помешаешь мне! Я его убью!

И бросается к двери.

У меня аж останавливается сердце.

Что он собрался делать? Скакать в Лотиан прямо сейчас?

— Да твою ж мать... — и Нэт бросается вслед за ним, уже не обращая внимания на то, что его самого могут узнать.

И я выскакиваю тоже.

Но я не успеваю так быстро.

Вижу, что Кит уже сбегает по лестнице, и Нэту не догнать, Кит скачет через три ступеньки... Но Нэт с разбега перемахивает через перила и прыгает вниз.

Я...

У меня внутри обрывается все, что только можно.

Да он сдурел? Там высоко!

Большая лестница по спирали уходит вниз... нет, там до следующего витка меньше, чем до пола, но все равно высоко! Я даже представить не могла, что можно так.

Мое воображение уже рисует сломанные шеи, руки и ноги, и лужи крови...

Там тихо...

Я бегу, конечно. В последний момент понимаю, что орать нельзя, и если кто-то еще не видел Нэта живым, то лучше и не видеть... Зажимаю рот ладонью. От всех этих мыслей прямо тошнота к горлу подкатывает.

Стоит усилий глянуть вниз.

Но ничего особенного...

Кит лежит на ступеньках, носом вниз... нос у него правда разбит, но дергается и ругается он вполне бодро. Нэт сидит, придавив коленом, и скручивает Кита руки ремнем.

Мне даже нечего сказать.

Слышу, как Кит обещает сбежать в Лотиан и убить Алана Ивареча несмотря ни на что.

Нэт молчит. Потом, закончив, поднимается, вздергивает Кита за шкуру, ставя на ноги.

— Пошли, — говорит мрачно, бросает взгляд на меня. — Только ты не кричи, Айлин. Тихо.

Чем меньше людей видит и слышит все это — тем лучше.

И ведет Кита наверх. Идет, но я вижу, как прихрамывает на левую ногу. Подвернул? Удивительно, как не переломал все, с такой высоты — немудрено. Но если идет — то не переломал.

— Да вы сдурели оба?! — говорю я, когда они поднимаются и подходят ближе. Даже не говорю, шиплю на них, словно змея.

— Да, — соглашается Нэт. — Сдурели. Пойдем, что ли, к тебе.

У Кита из носа течет кровь. Он не смотрит на меня, отворачивается.

Нэт ведет его в мою спальню, сажает на стул.

Оглядывается, находит стул для себя тоже. Садится с явным облегчением, вытягивает левую ногу.

— Значит так, — говорит Нэт, очень ровно, но так страшно, что даже мне хочется забиться в дальний угол. — Если еще раз дернешься кого-то убивать, посажу под замок. Понял?

— Ты не имеешь права, — огрызается Кит. Капля крови падает с подбородка... но новой почти нет, остановилась.

— Да мне плевать на права, — говорит Нэт. — Я просто это сделаю.

— Так нельзя! — говорю я.

— Да? — удивляется Нэт. — А как можно? Нужно было отпустить, чтобы там его тихо пристукнули? Это у Кита мозгов нет, а они там умеют решать все тихо. Или громко, наоборот, с королевским судом, за попытку убийства герцога? Ришерт бы не упустил такой возможности. И тебя судить заодно, как пособницу, видишь, какая у

нас семейка, сплошь убийцы да изменники. Или сделать еще веселее — взять Кита в заложники и тихо шантажировать меня, предложить какую-нибудь заманчивую сделку? Или как ты это видишь?

Я не знала. Я, признаться, просто в шоке от этого.

— Но не прыгать же так с лестницы!

— Хм... — Нэт усмехается язвительно. — Пусть бы он добрался до конюшни, а потом вылавливать его в полях? Где его там ловить? Разбитый нос, знаешь, не самая высокая плата.

— А больше ты ему ничего не сломал?

Кит сидит, насупившись и чуть заваливаясь на один бок, согнувшись.

— Кит? — говорю я.

— Да все нормально! — огрызается он. — Ударился просто.

Сам прямо ударился, конечно!

С другой стороны, Нэт, возможно, действительно спас этим Киту жизнь. Я не могу сказать наверняка, как правильно. Но Кит сейчас посидит, одумается и больше так делать не станет. В одиночку, вот так, по дури, связываться с Ришертом — это чистое самоубийство.

Хочется убить на месте их обоих.

— Посмотри у него там ребра, — вздыхает Нэт. — Может, приложить чего...

Я бы еще посмотрела, что у самого Нэта с ногой... Но если ходить может, то, по крайней мере, не сломал. Придурок.

Подхожу к Киту.

— Сядь ровно, — говорю тихо. — Вдохни. Вдохнуть поглубже можешь?

— Да все нормально, мам, прекрати! — пытается он, но под моим взглядом дергаться не пытается, слушается.

Садится ровно и вдыхает поглубже. Только морщится. Кит дома в одной рубашке, так что прощупать не сложно — ребра целы... по крайней мере, не сломаны точно, хотя трещины я не угадаю сейчас. Но дышит он ровно и глубоко, так что вряд ли что-то серьезное.

Хочется еще от себя подзатыльник влепить, но я сдерживаюсь, конечно.

Беру платок, вытираю кровь на лице. Щупаю нос, переносицу... да ничего, тут тоже все, вроде, на месте. Но холодное я бы приложила.

Вздыхаю.

— И что нам делать теперь? — говорю Нэту.

Нэт окидывает Кита взглядом... без злобы, скорее устало. Нэт всю жизнь был точно такой же, понимает отлично.

— Для начала, — говорит он, — вот этот олень должен пообещать, что больше никуда не побежит. Сейчас как на войне, Кит, без приказа бежать и нападать на врага — это верная смерть идиота, без всякой пользы. Я этой мести хочу не меньше, чем ты. И за себя, и за Джона, и за все, что тут сейчас происходит, и за Майрет особенно, потому что она мне как дочь... ты знаешь.

— Майрет? — Кит почти всхлипывает. — После всего, что она сделала?

— Кит... — Нэт тяжело вздыхает, трет переносицу. — Ты же понимаешь, что она не сама, ее заставили. У нее есть младший брат, которого она любит, у нее есть отец, которого, возможно, обещали не убивать, если она сделает все как надо, у нее есть ты, в конце концов. Иногда приходится делать очень сложный выбор, иногда невозможно отказаться и остаться с чистыми руками. Я видел, как плохо ей было, когда она ко мне пришла, и надо было действовать сразу, а не разговоры разводить... — Нэт морщится, но сделанного уже не исправить. — Дело сейчас не в ней, Кит, дело в Ришерте. И я приложу все силы, чтобы ему пришлось дорого заплатить.

— А Алан? — тихо и зло спрашивает Кит.

— Не Алан затеял эту игру... — Нэт трет колено ладонью. — Но с Аланом проще, его, я думаю, можно вызвать на дуэль, спровоцировать, найти повод. Он на провокации не ведется, но устроить можно. А вот с Ришертом этот номер точно не пройдет. Против Ришера нужно официальное обвинение в измене. От Джона. А для этого Джон должен остаться жив и в своем уме.

— У тебя есть план?

— У меня есть план, — говорит Нэт. — Ты его чуть не сорвал, но план есть, мать твою... — втягивает воздух сквозь зубы, бросает быстрый взгляд на меня. — Ну, — говорит он, — бегать еще будешь? А то у меня здоровья не хватит тебя догонять.

Кит сердито хмурит брови, поджимает губы, долго молча смотрит в пол перед собой. Очень долго, но Нэт не торопит.

— Не буду, — бурчит тихо.

— Кит?

Кит вскидывается, смотрит ему в глаза, почти яростно.

— Я. Не буду. Больше. Поступать. Так. Необдуманно, — медленно, почти сквозь зубы чеканит он.

— Хорошо, — соглашается Нэт. — Подойди, я развяжу тебе руки.

Вот же черт! Конечно, сейчас Нэт пытается сделать вид, что все так и надо, но я отлично знаю его. Если не встает сам, то не может. Сюда он кое-как дохромал, но наступить больно. Только этого не хватало.

Кит подходит, поворачивается к Нэту спиной. И Нэт снимает ремень, освобождая руки.

— Сядь, — говорит тихо. — Давай обсудим.

Кит садится угрюмо.

— Так вот, — Нэт смотрит на него, облизывает губы задумчиво, опирается о колено ладонью. — Для начала ты пойдешь, попытаешься узнать, кто здесь что видел и слышал. Если кто-то не видел меня, а только что-то слышал, да и нос твой разбитый объяснить надо... короче, им расскажешь, что у матери твоей новый любовник, буйный, и так вышло, что подрались. Не важно... Люди любят такие истории, поверят, главное уверенно рассказывать. С теми, кто меня все-таки видел, ты поговоришь отдельно, убедишь молчать. Это очень важно сейчас, чем меньше людей знает, тем лучше. Пригрози, заплати, как хочешь, но реши это. Понял?

Кит кивает.

— Хорошо, — говорит Нэт. — Сейчас уже почти утро, это для всех была бессонная непростая ночь, так что пока отдыхать, а ближе к вечеру соберемся вместе с Мартином, обсудим еще раз. Времени у нас немного, но и сгоряча тоже не стоит. На следующий день поедем в Кетнах, нужно встретиться с Горданом.

— Макинтайром? Зачем? Ты ему доверяешь? — удивляется Кит.

— Я сейчас никому не доверяю. Но Гордан точно знает, что я жив, и, наверняка, знает кое-что из того, что не знаю я. Но мне соваться сейчас в Кетнах самому не стоит. Поэтому, Кит, к Гордану пойдешь ты, передашь записку от меня, где и когда мы встретимся.

Вот не надо впутывать сюда Кита.

— Нэт, к Гордану пойду я, — говорю уверенно и настойчиво. — Кита вообще здесь не должно быть, его отослали в Эларсу. Я думаю, Гордан уже знает, что Кит вернулся, но все равно лучше не

показываться на глаза. Не соваться в Кетнах. Это привлечет внимание. А если я пойду к Гордану, это никого не удивит, он вообще мне жениться предлагал. Тем более, что я совершенно точно не выкину никакого неожиданного финта, я знаю, как себя вести.

Они оба одинаково поджимают губы, только Кит скорее обиженно, а Нэт...

— Ты рискуешь, Айлин.

— Да? — удивляюсь я. — А Кит не рискует?

Ну, конечно, Кит взрослый мужчина, его можно бросать в бой, и носом об лестницу тоже можно. Сейчас и я заодно сорвусь от всех этих нервов, устрою истерику прямо тут.

Нэт долго смотрит на меня, решает.

— Тебе не стоит лезть в это, — говорит он.

— Я уже влезала. У меня не было выбора, и сейчас выбора нет. Гордан расскажет мне то, что никогда не расскажет Киту. У меня больше шансов, признай это. Если мы проиграем, мне тоже не выбраться.

— Ты уедешь к Фергюсу и...

— Прекрати, — говорю я. — Если что-то случится с тобой и Китом, я не прощу Ришерту, возьму аркебузу и пойду расстреливать его сама. Мне не впервой.

— Что? В каком смысле «не впервой»?

Нэт не знает.

— Уже недалеко от Ована на нас напали. Того человека, Югайра, которого ты послал со мной, убили. А потом я застрелила того, кто на нас напал. И если придется снова — я не испугаюсь. Я давно не беззащитная девочка, Нэт.

Нэт смотрит на меня, словно видит впервые. Да и Кит тоже. Хмурится, головой качает. Но он знает, что я права, с разговорами справлюсь куда лучше.

— Хорошо, — наконец говорит он. — Поедешь к Макинтайру. Но будь осторожна.

Кит слушает, и уши у него краснеют все больше, все отчаянней. Он отлично понимает, что виноват, и что серьезного дела ему сейчас не доверят. Это мучает его.

Но Кит молчит, ждет.

— А тебе, Кит, нужно будет поговорить с людьми, очень осторожно узнать, кто еще на нашей стороне, — сказал Нэт. — Я дам тебе список, объясню, что и как спрашивать. Все нужно сделать точно по списку, так, как я скажу. Главное — никого лишнего не трогать, это внимание привлечет. Сделаешь?

— Сделаю, — говорит Кит. — Но... Мне нужно поговорить с Майрет.

И смотрит на отца с надеждой. Но Нэт качает головой.

— Нет. Даже не думай сейчас. И в окна к ней не лазить. И не надо мне тут... — грозно шикает, когда Кит пытается возразить. — Это ты думаешь, что можешь тихо и незаметно. Но даже я уже знал, что ты лазил, в ту же ночь, в Кетнахе перед судом. Мне Джон сказал. А ты подумай, сколько людей знало кроме Джона? Тебе позволили влезть и поговорить, потому что так было нужно, и Майрет должна была сказать тебе все, что сказала. А теперь вряд ли позволят. Или позволят, но используют это как-то иначе, в своих целях. Правды ты все равно не узнаешь. Лучше не рисковать. Подожди с этим.

— Я должен поговорить... — Киту не нравится.

— Нет. Сейчас нельзя ошибаться, Кит. От этого не только твоя жизнь зависит, — Нэт смотрит на него, — но и жизнь Майрет тоже. Ты подумай, как ей потом со всем этим жить? Если ты геройски погибнешь, кто потом спасет ее? Думаешь, ее брак с Аланом будет по любви? Ее используют, а потом, когда она станет ненужной — избавятся.

— Я не позволю...

— Вот и не позволяй, — говорит Нэт с нажимом. — Только чтобы не позволить, ты должен остаться жив.

Кит сопит сердито, но он понимает. И он постарается. Дури у него много, через край, но если эту дурь отбросить — Кит умный парень, ответственный. Если надо — он сделает.

Долго молчит.

— А этот Мартин, — вдруг спрашивает он, — говорит, что ты его нанял.

Нэт чуть улыбается. Потому что все, договорились, и теперь без глупостей — о делах.

— Да. Нанял. Посмотри, чтобы у его людей было все необходимое, они уже сражались за нас. А нам сейчас любые

союзники нужны.

Кит кивает. И смотрит так странно, на меня, потом на Нэта.

— Мартин говорил, что ты маму так защищал...

Нэт фыркает с усмешкой.

— А не должен был?

У Кита еще больше краснеют уши.

— Должен, — говорит неуверенно. — Я просто... не знаю...

Просто если мы с Нэтом не ругались, то старались и вовсе не замечать друг друга. Всегда так было удобнее.

— Ладно, Кит, — Нэт улыбается, уже весело и широко. — Давай, иди, разбирайся там — кто что видел. Утро почти.

— А ты?

— Маленький ты еще, все тебе рассказывать. Если твоя мама не против, я где-нибудь здесь посплю, а то нет сил уже куда-то идти и прятаться.

— Не против, — говорю я, подхожу, ерошу его волосы на макушке. Он прижимается ко мне щекой.

Уши у Кита краснеют окончательно.

— Да, — поспешно говорит он, вскакивает. — Я пойду.

Интересно, что теперь о нас думает?

И только когда он уходит, Нэт с трудом встает на ноги. Видно, что ему больно и тяжело, но перед Китом этого показывать не хотел. А я... я и так все понимаю.

— Тебе врача надо, — говорю я.

— Да ничего, сейчас полежу, и пройдет, — он оглядывается. — Ну что, мне можно с тобой, или на диванчике?

Мне смешно.

— А ты сюда лез, чтобы на диванчике поспать?

— Да я вообще спать не собирался.

Он пожимает плечами, улыбается. Потом как-то не очень весело, сосредоточенно пытается сделать шаг, сжимает зубы.

Попытаться помощь ему предложить, так он просто огрызнется, не захочет.

Но на ногу наступить может, и то хорошо...

И это сегодня, а что завтра будет?

— Слушай, — говорю я, — надо Мартину сказать, чтобы Турун позвал, если она так хорошо раны лечит. Нам сейчас ведьма не

помешает. А то ты с такой ногой далеко не уйдешь.

Он смотрит на меня, и все это ему совсем не хочется. И заботы моей, и признаться, что без этой заботы не обойтись, и Турун — скорее всего тоже.

— Надо, — вздыхает, наконец. — Завтра я скажу ему.

— Сейчас схожу и скажу, вряд ли он спит. Пусть кого-нибудь пошлет. Надо было с Китом передать, но не важно. Не стоит терять время.

— Айлин... — ему очень хочется возразить, но возражать нечего.

А я накидываю плащ.

— Ты ложись, Нэт. Я скоро вернусь. И не спорь со мной, ты же знаешь, со мной не стоит спорить.

Все же, в том, что мы женаты двадцать три года — есть свои преимущества, многое становится проще.

Глава 19. О разбитых чашках и давних дуэлях

Много лет назад, я окончательно перестала бояться мужа после смерти отца. Ну как смерти? Это Нэт...

Бояться перестала, но видеть долго не могла, так что нашим отношениям это ничего хорошего не дало. Зато поняла, что не буду больше молчать, что могу ответить. И главное — что имею право ответить и высказать все ему в лицо.

Киту было года четыре тогда, Нэт еще не был герцогом.

Мы приехали погостить к моим родителям. Такое случалось нечасто, Нэт моего отца не переносил, и мне самой не очень-то хотелось приезжать туда, но иногда хотелось увидеть маму и показать ей внука.

Я потом даже винила себя, что в тот раз не убедила Нэта остаться дома... ничего бы не случилось.

Но дело не в Нэте.

Мы сидели пили чай вечером, все вместе. Не помню уже, о чем говорили, но Кит носился по гостиной, нарезая круги. Обед и ужин он еще кое-как спокойно за столом выдержать мог, а когда мы собрались просто пообщаться и попить чаю, сидеть спокойно уже не хватало сил.

Отец тогда многое высказал мне, о том, как я неправильно воспитываю ребенка, позволяю слишком многое. Нэт ругать меня не позволял, говорил, что это его решение, и что если мальчику нужно бегать, пусть бегает, и что он воспитывает будущего герцога, которому однажды придется командовать и принимать решения, а не послушного исполнителя чужих приказов. Но Нэт тогда сам был еще очень молод и отец не воспринимал его всерьез.

Мама наливала папе чай, ему нравилось, когда это делала именно она, а не слуги. И так вышло, что пробегающий мимо Кит что-то задел, мамин стул, кажется... У мамы дрогнула рука и она пролила немного мимо, на белую скатерть.

— Ты что, не видишь, что делаешь!?! — заорал нее отец.

От испуга руки у мамы задрожали еще больше, крышечка с фарфорового чайника соскочила, упала, и прямо в папину чашу,

ударившись, вдруг расколол ее надвое, и чай разлился по столу, и папе на колени... Он подскочил, заорал что-то страшное, схватил маму за руки, она уронила чайник, разлила весь оставшийся чай на себя... там не кипятик уже, но все равно горячий. Думаю, не будь нас с Нэтом, отец бы ударил, он замахнулся уже...

Но Нэт тогда в один прыжок оказался рядом, встав между ними.

— Назад! — рявкнул он так, что посуда на столике запрыгала. — Если вы поднимите руку на жену, то вам придется за это ответить!

Отец аж стал пунцовым от ярости. Мне кажется, он уже плохо понимал тогда...

— Да как ты смеешь, щенок! — заорал он. — Ты в моем доме! Это моя жена! И я имею право делать здесь все, что считаю нужным!

И по закону он был прав. Его дом и его жена, и он тут хозяин.

А я не могу правильно воспитать ребенка...

Но у Нэта было другое мнение. Он тогда уже знал, как отец привык вести себя. Я испугалась, и мама испугалась еще больше. И была бы драка и... Дуэль. Нэт столько раз дрался на дуэлях, это не очень-то одобрялось, но ему прощали, обычно все заканчивалось без серьезных ран.

Но сейчас не обойдется, это слишком далеко вышло за рамки мальчишеских игр и драк. Я не могла позволить, и не могла представить, чем обернется...

Я кинулась к Нэту, просила его успокоиться, все хорошо... и мама просила тоже, она плакала, и я плакала тоже. Мне самой было так страшно, что просто трясло. И как можно вот так орать на моего отца? Я же боялась его всю жизнь.

Это сейчас понимаю, что Нэт был прав, а я не права, но тогда не могла поверить.

Но нам с мамой удалось Нэта оттащить, убедить не вмешиваться, хоть немного успокоить. Спорить с женщинами Нэт плохо умел. Сдался. Он сгреб в охапку меня и Кита и тут же ушел, мы уехали, и даже пока слуги собирают наши вещи — ждали на улице.

Я была неправа. Не стоило.

Не стоило мешать ему.

Потому что следующим утром, в трактир, где мы остановились, принесли вести о том, что мама умерла. Упала с лестницы. Так нам сказали.

Что там случилось на самом деле — я не знаю, но догадаться несложно.

Мы вернулись... я помню, как мама лежит... белая прозрачная кожа и сплошные кровоподтеки под ней, разбитое лицо... Я плакала... остальное помню плохо. Это было тяжелым ударом.

Отца я больше не видела. Он уехал. Испугался.

И Нэт в тот же день уехал тоже.

Вернувшись домой, через несколько дней, я узнала, что мой отец убит на дуэли. С кем он дрался — узнать не удалось. Но я, конечно, уже сама знала. Дуэли официально запрещены. На это обычно закрывают глаза, если драка до первой крови, если угрозы для жизни нет. Но на убийство глаза не закрывают. Нэту пришлось бы дорого заплатить, если бы его поймали. Не плаха, конечно, но серьезно все равно. Думаю, Джон прикрыл его тогда. Джон уже успел стать королем.

Домой Нэт вернулся где-то недели через две.

— Мне нужно поговорить с тобой, Айлин, — сказал он, взял меня за руку, повел в дальние комнаты, подальше от посторонних глаз.

Я просто шла за ним. Я знала, что он скажет, но... Не понимала, что мне делать с этим.

Он лишил меня обоих родителей сразу.

Я уже тогда понимала умом, что он прав, он пытался защитить мою маму, а потом отомстить... но принять это никак не могла.

— Айлин, — глухо сказал Нэт, я помню, какое у него тогда было серое осунувшееся лицо, — я убил твоего отца.

Он смотрел мне в глаза, а я... в то мгновение словно что-то закаменело во мне, но сейчас треснет, прорвется...

— На дуэли? — сказала я шепотом.

— Нет. Просто убил. Он не хотел со мной драться, отказывался, и тогда я просто его зарезал.

Тихо, страшно, очень честно, и никаких оправданий.

Я не могла даже спросить за что? Я понимала.

Стояла, почти цепенея... смотрела ему в глаза. Понимала, что камень внутри меня трещит все больше, и сейчас...

— Мне нужно было убить его еще там, в гостиной за чаем... — сказал Нэт. — Шею свернуть. А не отворачиваться, не уходить.

Он жалел только об этом.

— Тебя бы казнили за это, — сказала я.

Убить человека в собственном доме, неважно даже из-за чего — это однозначно смертная казнь.

— Да, — сказал Нэт. — Но твоя мать была бы жива. Подумай сама, кого бы ты выбрала, меня или ее? Ну? Скажи?

Да, он повысил голос на последних словах, ему нужен был ответ. Даже, наверно, не важно какой... Ему нужно было хоть что-то от меня услышать.

И вот именно тогда что-то треснуло и сорвало окончательно.

Я подпрыгнула, влепила ему пощечину со всей силы. Так много накопилось во мне, и выплеснуть... я не могла больше держать это в себе, мне нужен был виноватый, и Нэт так отлично подходил на эту роль. Он однозначно виноват.

— Твой отец был настоящим ублюдком, — сказал Нэт, словно специально предлагая мне возможность выплеснуть. — Мне нужно было сделать это давно.

И я ударила его по второй щеке.

Я... Да, просто выплеснуть всю ту боль, весь ужас, всю ярость, которая копились во мне долгие годы. Наверно, это можно назвать истерикой, потому что я вообще не контролировала себя. Я лупила его кулаками, билась об него, словно о стену, благо Нэт вдвое крупнее меня, и мои жалкие попытки не причиняли настоящего вреда.

Он остановил меня, когда я уже почти выдохлась и попыталась выцарапать ему глаза... от бессилия...

— Не надо, — тихо сказал он. — Хватит.

И... все.

Я поняла, что у меня нет больше сил. Его кровь под моими ногтями, я все же, расцарапала ему руки и лицо. А он просто смотрит.

Стояла там, у меня звенело в ушах. Мой мир рухнул окончательно. Все перевернулось.

— Мне, наверно, лучше уйти, — сказал Нэт. — Но я хочу, чтобы ты знала. Тебе не нужно меня бояться. Я никогда не трону, не подниму руку ни на тебя, ни на ребенка. И никому не позволю. И если кто-то попытается, то я убью на месте, не оглядываясь на обстоятельства и то, что мне за это будет. Потому что смириться с таким — куда хуже, чем умереть.

Сжал зубы.

— И еще, — сказал он. — Если считаешь, что я неправ, то можешь поехать в Кетнах и заявить, что это я убил твоего отца. Я во всем сознаюсь, не буду отказываться.

Нет, я не могла...

Он очень долго стоял, глядя на меня, но я...

Запал выгорел. Осталась только пустота.

Тогда Нэт повернулся и ушел. Полгода после этого я не видела его, но всегда знала, что он где-то рядом... в Кетнахе, или тут, в летнем домике, хоть и уже зима... не важно.

Беатрис, его мать, брала Кита на время, возила к нему, Кит скучал... Из Нэта не вышло хорошего мужа, но он был хорошим отцом...

Именно тогда что-то изменилось во мне.

Еще много лет потом я не могла смотреть на него. Все понимала, и даже уже тогда была уверена, что он прав. Но было очень больно все равно.

Потом, со временем, это как-то стерлось... Нэт всего лишь пытался помочь, он делал то, что был должен.

* * *

Мы мало общались с тех пор. Разошлись.

Нет, никаких ссор больше, но Нэт отлично понимал, что мне тяжело видеть его, что это как напоминание каждый раз. Дело не в том, что он виноват, а просто тяжело, так вышло. Мы больше не говорили об этом, мы вообще мало говорили.

Нэт иногда приезжал к родителям, повидаться с матерью, помочь отцу в делах. Но каждый раз, даже за общим столом мы садились подальше друг от друга и если и говорили, то только на общие отвлеченные темы, светский разговор... Возможно, со стороны, чужим людям и не видно было, что все не так.

Со временем напряженности стало меньше, но тепла не появилось. Словно мы дальние родственники.

Большую часть времени Нэт проводил в Кетнахе. Часто брал Кита с собой, Киту нравилось, было весело. Эйрик, сын Джона, старше Кита на год, Майрет и Кит ровесники, и Майрет старалась от

мальчишек не отставать. Пока они были совсем детьми — это было легко. Много изменилось, когда погиб Эйрик... но к тому времени и Майрет превратилась из девочки в девушку, все изменилось бы в любом случае.

Но Киту и в Оване было чем заняться, здесь больше простора, свободы, можно с дворовыми мальчишками носиться по полям, никто не следит так усердно, как во дворце.

Должна сказать, из Сэмуэля Муррея, вышел отличный дед, который все свободное время готов был возиться с внуком. Они гуляли, катались верхом, пока Сэмуэлю позволяло здоровье, ходили ловить рыбу, он читал Киту книжки, сам занимался с ним математикой и языками. Поначалу я не знала, как относиться к этому, некоторые предубеждения у меня были все равно. Потом привыкла.

Сэмуэль был хорошим человеком, очень спокойным и мягким, приятным собеседником. Первый мужчина, с которым мне было легко, первый, с кем я могла весь вечер просидеть у камина, болтая и смеясь. Просто расслабиться. Я даже думала — это от того, что он не такой, как другие... да, я знала, он спит с садовником... удивительно, но в своих увлечениях старший Муррей был невероятно постоянен. Но в обычной жизни Сэмуэль был совершенно обычным. Просто не таким, как мой отец.

Уже потом, с возрастом, я начала замечать, настолько Нэт похож на отца. Да, Нэт всегда старался казаться жестче и резче, настоящим мужчиной, суровым, воином, героем... но иногда, особенно наедине, когда не нужно никому ничего доказывать, вся шелуха слетала, и Нэт становился точно таким же... внимательным и нежным. Только взрывным темпераментом — в мать.

В Беатрис нежности не было никогда. Я даже не уверена, был ли хоть один человек на свете, которого бы Беатрис по-настоящему любила. Даже сына. Нет, она была хорошей матерью, заботилась, как могла, старалась. Просто любить не умела, не всем дано. Беатрис всю жизнь жила исключительно для себя, для собственного удовольствия.

Она научила меня многому, в молодости я восхищалась ей, и до сих пор очень благодарна.

Но первый урок в том, как устроить свою жизнь, я получила от Нэта.

Я как-то приехала в Кетнах, думала, что если Кит захочет, я заберу его домой, если не захочет, то просто повидаюсь с ним, заберу потом, Нэт через месяц все равно должен ехать в Эларсу... Но оказалось, что Кит уехал кататься, а Нэт... Мне сказали, его можно найти где-то за зимним садом, еще так ухмыльнулись, но я не обратила внимание.

Нашла я не сразу, даже подумала уже, что Нэт ушел, его нужно искать в другом месте. Но тут услышала странную возню, и, к стыду своему, не сразу поняла, что там такое. За зеленой изгородью. Заглянула.

На постаменте статуи сидела девица, задрав ноги, обхватив ногами Нэта. А Нэт...

Я настолько была не готова, что просто застыла на месте. Даже шевельнуться не могла.

Нэт стоял ко мне спиной, поэтому девица увидела меня первой. Засмеялась, что-то сказала Нэту, показывая на меня.

Нэт обернулся. Выругался, кажется.

Потом поцеловал девицу, снял ее с постамента, поставив на ноги. «Я сейчас вернусь», — пообещал ей, застегнул штаны и уже направился было ко мне. Но вот тут как раз я пришла в себя.

Испугалась, смутилась окончательно, поспешила сбежать.

Нэт догнал.

— Айлин! — окликнул. — Подожди! Что ты хотела?

Мне показалось — это упрек, я не должна здесь находиться.

Так хотелось убежать, но я остановилась. Краснея до ушей.

— Я приехала к Киту, — попыталась объяснить, не решаясь поднять на него глаза, а у него пуговицы застегнуты наспех, криво... — Мне сказали, что ты здесь. Но не сказали, что ты не один. Я...

Я должна была понять.

— Айлин, — серьезно сказал он, — ты словно извиняешься. Зачем? Это я должен смущаться и просить у тебя прощения. А не ты.

— Просить прощения? — я, наконец, на него посмотрела. — Ты же не будешь просить прощения.

— Не буду, — согласился он. — И мне не стыдно. Но и ты тоже извиняться не должна.

Он стоял, разглядывая меня... Немного хмурился. Словно моя застенчивость его раздражала.

— Ты застала меня с другой женщиной, — сказал он. — Ты должна быть возмущена, наорать на меня, может быть, даже дать мне по морде, ты умеешь, я знаю. Но не трястись так.

Я поджала губы. Чувствовала себя жалкой. Глупой.

Не знала, что сказать.

Нэт тяжело вздохнул.

— Кит отправился кататься по полям с Эйриком, — сказал он. — Думаю, к ужину вернется.

Я кивнула.

— Не хотела тебе мешать, — только и смогла выдавить.

Хотела было даже повернуться и уйти, но Нэт поймал меня за плечи, развернул к себе.

— Подожди, — сказал он. — Айлин, ты... Ты молодая красивая женщина, ты тоже можешь быть счастлива. Найди себе кого-нибудь. Развлекись. Ты ведь не монашка, зачем отказывать себе в радостях жизни? Ну не вышло у тебя со мной, но ведь это не значит, что стоит ставить крест.

— Я не такая...

— Да брось! — у него вышло почти резко. — Добродетель никому не нужна.

Меня кольнуло.

Я собралась с силами.

— А зачем тебе нужно это? Добродетель не нужна. А что нужно? Чтобы я была такой же, как ты?

Он вдруг улыбнулся. Не очень весело, но так... скорее довольно.

— Да, — сказал он честно. — Чтобы ты была такой же, как я, — потом вздохнул, кивнул каким-то своим мыслям. — Даже не ради тебя самой, Айлин, если ты так хочешь правды. А просто, чтобы не испытывать угрызения совести. Да, так мне было бы проще. У тебя своя жизнь, у меня своя, и все довольны. Попробуй. Ты же знаешь, через месяц мы выступаем в Эларсу, сейчас во дворце много молодых рыцарей, готовых отправиться в поход. И многие из них с радостью бы провели время с красивой женщиной. Стоит только намекнуть.

Это возмутило меня до глубины души.

Я была действительно зла на Нэта. Как может он предлагать мне такое! Да что он обо мне думает?!

Потом просто зла.

Неделю боролась с собой. Хотела увидеть Кита и уехать едва ли не на следующий день. Но не уехала. Это не давало мне покоя.

А потом, от этой злости, решила — почему бы и нет! Раз он хочет, я попробую! Вдруг мне и правда понравится? Какого черта, в конце концов!

Правда от того, что я не умела и не понимала, все вышло не так. Слишком быстро, слишком грубо, и я оказалась не готова.

Все это вышло само.

Платье с вырезом поглубже. Алая роза в волосах, как символ желания и страсти. Я не знала, что делать и куда идти, поэтому просто села у фонтана, рядом с главной аллеей дворцового парка.

Меня заметили. Слишком быстро, да. Он сам подошел ко мне, сам улыбнулся. Я даже не помню уже, как его звали... Гэвин, кажется. Все, что от меня требовалось — это не испугаться и не убежать. Наверно, в его глазах все было просто и очевидно — обманутая жена, желающая поскорее отомстить мужу. Желающая приключений и плотских удовольствий. Вероятно, желающая прямо сейчас. Отчего бы не удовлетворить потребности несчастной женщины?

Я и опомниться не успела, как меня взяли под руку и повели... куда-то в дальний конец парка.

Я испугалась. Но ведь отказываться было поздно, я сама пришла, сама дала понять... Я сама виновата.

Нет, отказаться я попыталась, когда поняла, что мы слишком далеко зашли, этот парк большой, и здесь, даже если я буду кричать — никто не услышит. Никакого флирта, никаких ухаживаний не будет. Сейчас этот Гэвин просто посадит меня куда-нибудь, как Нэт ту девицу, задерет юбку... Я так не хочу.

Слишком поздно опомнилась, надо было говорить сразу.

— Нет, подождите... — попыталась я. — Я не могу так... Не здесь.

— Чего же нам ждать, радость моя? — удивился Гэвин. — Ты же сама хотела, так что отказываться нехорошо. Ты сама пригласила меня. Идем. Здесь рядом есть такой тихий уголок. Ну, чего ты так испугалась?

Его глаза поблескивали.

Он держал меня за локоть, я попыталась вырваться, но не смогла.

— Нет! Я не звала! — поняла, что даже кричать не могу, от страха у меня садится голос. А если кричать, если услышат? Что скажут обо мне? Как я могла... Все увидят, как низко я пала. Чудовищно.

— Конечно, звала, — сказал Гэвин, ухмыляясь. — Ты ведь именно за этим пришла. Ты одинока, несчастна, тебя не любит муж. А такая красивая женщина не должна быть одинока. Не бойся, тебе понравится.

Мне не понравится. Не так...

Еще там, у фонтана, мне нужно было сказать нет, я не этого хочу. А там я растерялась. Теперь поздно.

Он уже горячо обнимал меня, прижимая к себе, его руки щупали меня, мяли... так невыносимо противно. С Нэтом противно не было, было только неловко, непонятно, но совсем не так...

— Нет! — я попыталась упереться ладонями, оттолкнуть. Но не могла справиться. — Нет, не надо!

— Поздно моя радость. Ты же сама хочешь, к чему это...

У меня голос пропал, не ответить, не заорать. Еще немного, и он завалил меня на травку за кусты, бесцеремонно, я уже чувствовала, как его руки скользнули по моим ногам. Но тут что-то подбросило его и швырнуло в сторону.

— Ты не расслышал? — страшно рявкнул Нэт. — Она не хочет!

И в морду ему. А удар у Нэта такой, что только стены прошибать.

— Я... я не... она сама пришла!

Гэвин пытался отползти в сторону, по подбородку капала кровь.

— Она не тебя ждала! — Нэт был страшен. — После заката у строй беседки. Если не придешь, я просто найду и выпущу кишки. Если придешь, у тебя будет шанс уйти живым. Все, пошел!

И отвернулся, уже не глядя на него. Не сомневаясь. Повернулся ко мне, шагнул.

Нэт был в ярости. Это было так страшно, что мне показалось, сейчас он убьет и меня тоже. В глазах потемнело.

Но Нэт просто протянул мне руку.

— Встать можешь? — сказал тихо.

Не могла. Меня трясло так, что я не могла даже ответить.

Тогда Нэт поднял меня сам. Просто взял на руки, как ребенка, и понес.

— Что же ты творишь? — отчаянно вздохнул, но злость эта была только на себя, а в его глазах скорее сожаление. — Я дал тебе плохой совет, — сказал он. — Глупый. Не подумал, что ты не умеешь. И это могло бы плохо закончиться.

Да, могло бы. Я только шмыгнула носом.

Он нес меня по парку...

— Как ты узнал? — меня все еще трясло. И даже чем дальше, тем больше, накатывало. Я пыталась осознать все это, и то, какое счастье, что Нэт оказался рядом, удалось избежать...

— Я увидел тебя издали, но сначала не хотел вмешиваться, — сказал он. — Вдруг именно этого ты и хотела? Решил присмотреть.

Если бы не он... У меня слезы к горлу подступали.

— Я не хотела. Не так!

— Я понял, — сказал Нэт сухо.

Он так и нес меня на руках до дворца, и по дворцу тоже. На нас смотрели, и, наверно, его девицы тоже, и даже если не они сами, то им донесли... Но Нэту было все равно.

Он притащил меня в спальню, усадил в кресло. Принес бренди, налил мне в бокал. Даже помог подержать, пока я пью, а то тряслись руки.

— Я просто дура, да? То, что сделала — чудовищно...

— Нет, — он покачал головой, осторожно вытер пальцем слезу с моей щеки. — Ты просто не умеешь, у тебя не было опыта. Я должен был подумать об этом, прости. Я напишу своей матери, если ты смущаешься спросить сама. Она объяснит тебе, как надо. Это ваши женские штучки, я не готов давать советы... Главное, безопасно, без таких вот... — Нэт облизал губы. — Ничего не бойся.

* * *

Беатрис улыбалась, разглядывая меня, оценивающе, словно пыталась понять, насколько я гожусь для соблазнения мужчин. Мне было слегка неловко, особенно если помнить, что она моя свекровь, и я собираюсь изменять ее сыну.

— Я не стану осуждать тебя, не бойся, — сказала Беатрис. — Думаю, это пойдет на пользу всем, и Нэт, наконец-то, перестанет

переживать из-за своего образа жизни. Он не изменится, не думай. Что бы ты ни делала, ему все равно будет мало, он захочет других женщин. Так что не мучай себя и его тоже своей праведностью не мучай. Живи так, как тебе хочется. Ты родила ему сына, и хватит. Только будь осторожна, потому что побочные дети никому не нужны. Вряд ли Нэт признает... он, конечно, не выкинет на улицу, обеспечит всем необходимым, но это не принесет счастья никому. Просто будь осторожна.

Беатрис улыбнулась. Она умела быть осторожной и вести себя правильно. И жить так, как нравится тоже умела.

— Вышло так плохо, — сказала Беатрис, — потому что ты хотела исключительно отомстить. Не для себя, а потому что тебе так сказали. Тебе это было не нужно... а без твоего желания — никакого удовольствия. Не торопись. Не доказывай никому ничего. Начни с легкого флирта, легкой болтовни, без всякого продолжения. Когда ты улыбаешься, и тебе улыбаются в ответ. Когда это просто ничего не значащая игра. Разберись, что тебе нравится, какие мужчины, чего бы тебе хотелось. Если почувствуешь, что готова идти дальше — иди. Но не сходу, только когда сама захочешь.

Беатрис говорила — не стоит сразу показывать мужчинам, что заинтересована. Сделать вид, что не очень-то и хочу. Не стоит сразу бежать в постель. И даже не потому, что обо мне могут не то подумать. Просто если только постель — это скоро наскучит. А жизнь и удовольствия — куда разнообразнее.

Пусть они сами добиваются меня. И сделать вид, что мне достаточно лишь приятного общества, милого разговора ни о чем, прогулок, подарков... Пусть дарят мне подарки, пусть покажут, что я интересна им, то только потом, может быть, стоит вознаградить их визитом в спальню. Пусть они сами пытаются понравиться мне. А если будут плохо стараться, то гнать их в шею, на их место всегда найдутся новые. Не бояться остаться в одиночестве. Потому что найдутся, точно найдутся, не стоит переживать.

Может быть, стоит даже поехать к морю, расслабиться. Так будет проще.

Глава 20. О прощении, супружеском долге и бараньих ребрышках

Проснулась я от того, что он дышит мне в ухо. Щекотно.

Повернулась к нему.

Он лежал на боку, чуть приподнявшись на локте, глядя на меня.

— Я тебя разбудил, да?

— Да. Ты сопел мне в ухо.

Нэт засмеялся.

— Прости, я не хотел. Я просто смотрел на тебя, думал, разбудить или просто сбежать по-тихому.

— Не сбежал.

— Не сбежал, — согласился он. — Подумал, что я и так вчера заснул, не слышал, как ты вернулась. Так что сбегать будет неправильно.

Я улыбнулась ему.

— Хорошо, что не сбежал.

Пододвинулась ближе, уткнулась ему в грудь. Нэт обнял меня. Я почувствовала, как он вздохнул. Коснулся губами моей макушки.

— А знаешь, — тихо сказал он, — я ведь когда ехал к тебе, тогда... бежал, сказать, что меня в измене обвиняют, я ведь с тобой поговорить хотел. Попросить прощения за все, сказать, что виноват и... Сказать, что я честно хотел бы все исправить, но не понимал как. А когда прибежал...

— А там Патрик, — сказала я.

— Да, там Патрик. И у меня не вышло.

— Я поняла.

— Поняла? — Нэт удивился.

— Не сразу. Потом. Если бы ты хотел в чем-то убедить Кита, ты бы поехал к нему. До Гилта, даже меньше чем до Ована, ты бы спокойно успел, и не надо было бы никуда бежать, загонять лошадь. И ты прекрасно умеешь договариваться с Китом. Но тебе было нужно другое.

Он долго молчал, я почувствовала, как кивнул, потерся носом о мои волосы.

— Да. Прощение. Чтобы умереть с чистой совестью. Или хотя бы надежда, что когда-нибудь ты сможешь меня простить. Мне казалось — важно...

Я прижалась к нему щекой.

— Мне не за что прощать тебя, Нэт.

— Есть. За измены. За всю ту дурь, которую я творил... — он сглотнул, словно собираясь с силами. — За твоего отца.

Почувствовала, как напрягся, ожидая, даже дышать почти перестал.

Я попыталась прислушаться к чему-то внутри себя, отыскать всю ту старую боль, все обиды. Отыскать то, жило бы в моем сердце до сих пор. Но ничего не было. За давностью лет обиды рассыпались в прах. Конечно, не все было правильно. Но поступать иначе тот молодой Нэт бы не смог.

— Мне не за что прощать тебя, — сказала я снова. — Ты бы все равно не мог иначе. Давай не будем ворошить прошлое, все это было слишком давно. Я тоже во многом была не права, многое делала не так... — почувствовала, как он качает головой, не согласен. — Думаю, это уже не важно, Нэт. Мы оба изменились за это время. Не стоит оглядываться. Но знаешь, иногда я думаю, что без тебя бы вообще не выжила.

Потерлась носом о его плечо, он обнял меня крепче, немного судорожно вздохнул. Погладил волосы.

— Все будет хорошо, — шепнул тихо-тихо.

— Да. Нэт, но... Я не хочу загадывать. Что бы ни происходило между нами сейчас, это... возможно, все это скоро закончится. И я... не очень готова...

Даже не знаю...

Сейчас не хотелось думать о плохом. Вообще ни о чем не думать.

Нэт молча кивнул, соглашаясь. Он тоже загадывать не хочет. Будет, как будет. Долго лежал, обнимая меня, осторожно поглаживая.

— Ладно... — потом вздохнул, неуверенно потянулся. — Скоро вечер уже. Мы и так весь день проспали. Нужно, наверно, встать, а то куча дел...

Вставать ему не хотелось тоже. Пока лежишь в постели — уютно и хорошо, все дела где-то там... И до вечера, на самом деле, еще далеко.

— Ты встать-то хоть сможешь? — спросила я.

— Это интересный вопрос...

Он даже из-под одеяла вылез, сел на постели.

— Подожди, — сказала я. — И куда ты пойдешь? Не в окно же?

Нэт оглянулся на меня, с интересом хмыкнул.

— Честно говоря, когда лез, я был уверен, что узнаю, как ты добралась, может быть пообнимаю немного и все. Обратно.

— Перепихнуться по-быстрому? — я тоже так, интересуюсь, подняла бровь.

Он потянулся, быстро сгреб мне в охапку, прижав к себе.

— А ты против?

Я покачала головой. И ведь определенно его с этой стороны не знаю.

— Пожалуй, за. Столько слышала о том, какой ты молодец, что надо уже, в конце концов, проверить самой, — улыбнулась, это действительно смешно. — Только не сейчас, ладно? А то опять кто-нибудь прибежит... Когда все немного успокоится.

Даже не знаю, что тут заставляет меня так волноваться. Если не понравится — ничего ведь не помешает нам снова разбежаться? Просто попробовать — каково это, со своим же мужем, а то ведь не знаю.

— А можно закрыть дверь на ключ, — он улыбнулся в ответ.

— Они будут стучать и ломиться...

— Да и пусть себе ломаются, мы же у себя дома. И исключительно супружеский долг исполняем, никаких глупостей.

У него щека даже не колючая, а такая лохматая, борода совсем отросла... трется о шею. А губы теплые. До мурашек. Я не могу сопротивляться этому. Не хочу.

— А я дверь давно заперла, — говорю тихо. — На всякий случай.

И это однозначно мое согласие, Нэт только этого и ждал.

— Вот и отлично, — говорит довольно, подхватывает, мягким броском снова укладывает меня на кровать. И фыркает так, или скорее даже хрюкает от удовольствия. — Мы быстренько, не бойся... а потом можно и повторить...

Руки у него тоже теплые, жесткие, немного шершавые, когда касаются кожи под сорочкой — щекотно... но даже приятно сейчас. Это же Нэт, он не может быть другим. Я обнимаю его за шею, тяну

ближе к себе. Он меня целует, так горячо и быстро... долго... не отпускает больше. И я сама не отпускаю его, обхватываю его руками и ногами, и тянусь к нему сама. Он мне так удивительно нужен сейчас... что невозможно ждать.

И Нэт, конечно, ждать не заставляет. Хотя в этой спешке мы слегка путаемся в одежде и в одеяле, но это скорее смешно... нетерпеливая возня... одеяло Нэт отбрасывает, и хочется прижаться к нему сильнее... Скорее, прямо сейчас. И он с усилием и тихим стоном вжимает меня в кровать.

Где-то краем сознания понимаю, что надо бы нам потише, а то снова сбегутся... но потише как-то не выходит. Мы оба ждали слишком долго. И думать уже не выходит совершенно. И так натужно скрипит кровать...

Конечно, все слышат...

Потом, когда я уже тихо и расслабившись лежу у Нэта на груди — тихий деликатный стук в дверь.

— Стучат... — лениво говорю я, сейчас встать просто нет сил.

— Но мы успели в этот раз, — Нэт улыбается с видом заговорщика. — Как думаешь, мне спрятаться под кровать?

И ржет.

Я легонько толкаю его в плечо.

— Пойду посмотрю, может быть, там свои.

— Слушай, если свои, скажи им, чтобы приготовили бараньих ребрышек? Я неделю о них мечтаю.

И смотрит так, почти умоляюще. Смешно. Скажу, конечно.

Ужасно не хочется вставать, но Нэту точно нельзя. Поэтому я... долго ищу, чтобы попримечнее на себя накинуть... Пока ищу, там стучат снова.

— Иду! — говорю я.

Когда открываю, понимаю, что вот, да, так и есть, все наши собрались. Мартин и Кит, и даже Турун уже успела к нам приехать, с баночкой чудодейственной мази в руках.

Кит смотрит на меня, такую всю розовую и растрепанную, и сам краснеет, что даже становится его жаль. Его всегда смущала моя личная жизнь. А тут у нас вдруг такое...

— Мы так поняли, что вы уже проснулись! — жизнерадостно говорит Мартин. — И размяться успели, — тихонько кашляет, с

пониманием. — Нам бы поговорить. Тут вашему сыну письмо от лорда
Макинтайра пришло, тот хочет видеть его у себя как можно скорее.

Все, никакого отдыха больше не будет.

— Заходите, — говорю я.

Глава 21. О государственной измене и личных мотивах

— Айлин... — Гордан смотрел на меня, словно на привидение. — Ты жива?

— Не должна была?

У него подбородок дернулся. И все же, я отлично видела — Гордан рад. Он вскочил из-за стола, даже почти дернулся обнять меня, но удержался. Замер на месте.

— Мне сказали, твоя карета не доехала до Ована, что-то случилось. Я боялся...

Он запнулся, облизал губы.

— Меня хотели убить, — сказала я. — Кто-то заплатил, чтобы меня убили. Хочешь сказать, ты ничего не знал об этом?

Признаться, я была зла на Гордана. Как бы там ни было, но я всегда была уверена, что уж мне-то нечего бояться с его стороны, меня он никогда не тронет, защитит по возможности. Да, с Нэтом они бы поубивали друг друга не задумываясь, но я... Я не была уверена, что все устроил он, но почти уверена, что он знал.

Это от того, что я ему отказала? Мечь?

Гордан молчал. Раздумывая. Даже сел на краешек стола, я видела, как пальцы стиснули столешницу.

Не может решить, стоит ли сознаваться? Я попробую с другой стороны зайти.

— Ты хотел видеть Кита, — сказала я. — Зачем?

— Я хотел убедить его вернуться в Эларсу, — сказал Гордан мрачно.

— Чтобы не мешал?

— Чтобы остался жив, — глянул на меня зло. Сжал зубы, потер подбородок. Зажмурился даже на мгновение и, наконец, решился. — Айлин, ты не понимаешь, насколько это может быть опасно сейчас. Мне обещали, что не тронут тебя и Кита, но если только вы сами не будете проявлять настойчивость. А ты задавала слишком много вопросов. Лишних, неуместных... Я... Я не знал, что они так... Если

бы я знал, что решат все так быстро, и так... поверь, я бы не уехал, я бы сам проводил тебя до Ована.

— Но ты уехал, очень благоразумно.

Гордан вздохнул. Все эти объяснения давались ему с трудом, он не хотел объяснять.

— У Джона был приступ, меня срочно вызвали в Кетнах. Сейчас об этом предпочитают не говорить, не показывать Джона никому. Немного отпустило, но... даже сейчас он почти никого не узнает. Об этом никто не должен знать, Айлин.

То есть времени у нас больше нет. Джону осталось недолго.

Мы можем бесконечно ходить кругами. Но я, пожалуй, все-таки задам этот вопрос.

— А когда свадьба Майрет? Вы успеете обставить все до смерти Джона? Или это уже не имеет значения?

Гордан вздрогнул, даже вскочил. Таких вопросов от меня он не ожидал точно.

— Что ты знаешь об этом?

— Кое-что знаю, — сказала я.

— Айлин, зачем это тебе? — в голосе Гордана почти отчаяние. — Для тебя ведь это ничего не меняет, зачем ты... просто отойди в сторону, отвернись, держись подальше. Тебе стоило уехать к Фергюсу сразу, переждать, там было бы безопасно.

— Дороге нынче опасны, — сказала я. — Думаю, я бы не доехала.

Гордан закусил губу. Долго смотрел на меня. Потом кивнул.

— Возможно, ты права, — сказал он. — Сейчас тебя не отпустят. Айлин, но тогда я вижу только один способ защитить тебя. Если ты станешь моей женой.

Что?

Я даже рассмеялась, настолько дико это звучало сейчас. Он не может не знать.

— Не думаю, что Нэту понравится эта идея, — сказала я.

Гордан нахмурился.

— Айлин... Ты думаешь, Нэт жив, да? Ты видела казнь и... Даже если так, ты не все знаешь.

Так... подождите. Гордан думает, что Нэт мертв? Это он послал людей за старые доки, убить? И он не знает, что не удалось?

Но Нэт говорил, что один заказчик, один и тот же человек нанимал людей для убийства меня и Нэта.

Но тогда, может быть, тогда не стоит раскрывать карты? Подыграть? Кто знает, что еще выплывет...

— Казнили не Нэта, — сказала я.

Посмотрим, что он готов рассказать.

Гордан кивнул.

— Джон передумал в последний момент, решил отпустить его. Решение суда отменить было уже нельзя, но Джон попытался сделать это иначе. Но ты же понимаешь, Айлин, что оставить Нэта в живых было нельзя. Его увели и... сделали все тихо, не на глазах у Джона. Он мертв.

Гордан верит в это? На самом деле? Говорит очень уверенно.

Но если верит, его тоже водят за нос, ему говорят не все. И это значит, ему тоже не готовы доверять.

Или сейчас он врет мне.

— Ты видел его тело? — спросила я.

И Гордан напрягся. Так, словно сомнения у него все же были.

— Тело бросили в реку, чтобы никаких следов. За доками.

За доками, значит.

— Ты не видел? — все же, уточнила я.

— А что ты... Айлин...

Гордан начинал нервничать.

— Не знаю... В этом деле слишком много лжи, — сказала я. — Обвинения, суд, это представление вместо казни. Я уже не знаю, во что верить.

О том, что Нэт жив — лучше промолчать.

Гордан слегка выдохнул, расслабившись. Решил, что это все мои догадки, не более.

— Айлин... — он шагнул ко мне, пока еще не слишком близко, но в его глазах уже что-то такое блеснуло... — Я понимаю, как все это выглядит. Паршиво... Но я пошел на это только ради тебя. Единственное, чего я желал, это чтобы ты стала свободна. Я... люблю тебя, — его голос чуть дрогнул, очень честно. — Я так и не смог забыть тебя, все то, что у нас с тобой когда-то было. Я уже говорил, что не могу прятаться и встречаться с тобой тайно. Я хотел, чтобы ты была моей по закону. Чтобы жила в моем доме, чтобы возвращаясь

вечерами, я мог видеть тебя. Говорить с тобой, обнимать тебя... Да, чтобы каждую ночь ты была рядом в моей постели. Чтобы ты была рядом, Айлин. Завтракать с тобой вместе, обсуждать дела...

Он шагнул еще ближе, осторожно взял меня за плечи, заглядывая в глаза.

Я верила, да. Все это он говорил искренне. Обладать мной безраздельно, получить все права на меня, чтобы никто даже покуситься не мог.

— И ради этого ты готов предать Джона?

— Да, — сказал он. — Ради тебя.

— Ради того, чтобы обладать мной, — уточнила я.

Он не понял. Он просто не видел разницы.

— Ты не хочешь? — и даже мысли не допускал, что у меня может быть другое мнение. — Айлин, я готов сделать ради тебя все. Я...

— Не торопись, — я проложила палец к его губам. Спокойно. Отказывать сейчас не стоит. Не сейчас — точно. — Я не говорю «нет», Рон. Мне просто нужно немного времени, чтобы все это осознать. И я хочу точно понимать, что происходит.

— Ланни, у нас нет времени, — шепнул он, обнимая меня за талию, неприятно, но я не стала дергаться. — Если тебя пытались убить, то сделают это снова. Но если ты будешь моей, я...

— Рон... — я смотрела ему в глаза, совсем близко. — Ты знал, что мне может грозить опасность. Но просто взял и уехал потому, что тебя вызвали в Кетнах. Ты мог бы остаться, ты мог бы предложить мне поехать с тобой, объяснив, откуда именно мне ждать удара. Но ты просто уехал, оставив меня. И после этого ты хочешь сказать, что каким-то образом хочешь позаботиться обо мне? После этого ты говоришь, что предал Джона исключительно ради меня?

Гордан поджал губы, ноздри дрогнули. Даже его пальцы сжались на моей талии.

Раздраженно.

— Я же сказал, я уехал, потому что ты так грубо оттолкнула меня там. Отказалась от меня... А столько сделал для тебя, а ты... Айлин, когда ты ушла этим Коулзом, когда он пошел провожать тебя до двери, я был не в себе. Я люблю тебя.

Как чудесно, Гордан. И ты не видишь никакого противоречия в этом.

— А если я соглашусь, — сказала я, — то когда состоится наша свадьба?

Он меня отпустил, разжал пальцы.

— Скоро, — сказал почти холодно. — Нам лучше поторопиться.

* * *

Молодой Гордан не был таким.

Я помню его еще десять лет назад, когда он только приехал в Кетнах, только получил важный пост при дворе... Или, может быть, был, но тогда это не бросалось в глаза.

Впервые я увидела его на балу. Нет, он не танцевал...

Нэт танцевал с какой-то девицей у всех на виду, и не просто танцевал, а практически не выпускал ее из рук, обнимал в перерывах, что-то шептал девице на ушко, и та смеялась.

У меня так не выходило. На тот момент я уже научилась строить мужчинам глазки, вести непринужденные беседы и даже пару раз изменить мужу по-настоящему. Но все это было для меня игрой, временами натужной, я пыталась что-то изменить в себе, получать удовольствие от любовных забав, но уже почти пришла к выводу, что я, очевидно, не создана для этого. Меня это не радует.

Я смотрела на то, как самозабвенно Нэт девицу обнимает, как осторожно украдкой проводит большим пальцем по ее шее, как она смотрит на него... у нее сияют глаза.

У меня глаза так не сияли никогда, и каждый раз, рядом с мужчиной, я пыталась прикинуть — все ли я делаю правильно, достаточно ли соблазнительно улыбаюсь сейчас, и не даю ли ему повод пожелать лишнего. Не о собственном удовольствии думала, а о том, как соответствовать... Я не могла расслабиться.

И там, на балу, вдруг поняла, что устала и ничего больше не хочу.

На воздух хочу.

Вышла на балкон.

Тогда ко мне и подошел Гордан. Впервые. Очень осторожно. Он немного старше меня, ему было уже за тридцать, но он сам смущался как мальчишка. Не сразу решился заговорить. Я видела, как он тоже на

балкон вышел, как стоял, делая вид, что глядит куда-то вдаль, но сам искоса поглядывал на меня.

Он был совсем не похож на Нэта... может быть, именно это и расположило меня тогда. Высокий, худощавый... но такой ухоженный, сдержанный, с прямой спиной... Не знаю... если Нэт был похож скорее на матерого волка, дикого, только что вылезшего из леса, с рваным ухом и с кучей репья на загривке... то Гордан похож на домашнего породистого пса, который спит на хозяйской постели и никогда не выходит гулять дальше двора.

Он стоял там, на балконе, смущался. Так мило. И я невольно улыбнулась ему.

Гордан даже оглянулся, чтобы удостовериться — моя улыбка предназначалась ему. Но больше никого не было. Тогда он немного осмелел. Сделал пару шагов ко мне.

— Чудесный вечер, не правда ли? — осторожно начал он.

Неправда. Душно даже здесь, ни ветерка. Жарко. Я прямо чувствую, как потею под роскошным, но тяжелым и тесным платьем.

— Да, милорд... — только и сказала я.

Тогда Гордан сделал еще шаг ко мне. Дернул верхнюю пуговку у воротника, словно воротник его душил, не хватало воздуха.

— Вы не танцуете? — сказал он. Не приглашая меня, а просто пытаюсь хоть что-то сказать.

— Я не очень люблю танцы.

— Я тоже, — и еще шаг ко мне, теперь уже совсем близко. Снова дернул воротник. — Я плохо танцую... неуклюже. Так и не научился.

А я танцую хорошо. Наверно, лишь немного скованно, но безупречно. Это я сумела освоить под руководством Беатрис.

— Уверена, это только ваша скромность, — вежливо улыбнулась я.

— Нет, что вы, — он все же улыбнулся. — Я всего неделю при дворе, а дома... это было не слишком нужно.

— А откуда вы? — так же вежливо спросила я. Честно говоря, мне было плевать.

— Из Гиллеса, — сказал он. — И уже немного скучаю по дому, там... — замялся. — А вы, миледи, давно здесь? Вы приехали на бал... со своим отцом?

Вот не надо, я уже давно не в том возрасте, чтобы меня можно было принять за юную девочку, которую привезли в столицу в поисках выгодной партии.

— Со своим мужем, — сказала я. — Мой муж Этард Муррей.

Он даже попятился, переменялся в лице, словно я могла обернуться медузой Горгоной и обратить его в камень.

— А я... простите, если помешал вам, Ваша Светлость...

Он уже был знаком с Нэтом и мог оценить последствия буйного нрава.

— Не стоит, — сказала я, немного кольнуло, немного жаль. — Не бойтесь, мой муж не будет против, если вы составите мне компанию и немного побеседуете о том, как хороши вечера в Кетнахе.

Гордан неуверенно оглянулся, куда-то в сторону зала.

— Он слишком занят, да? — сказал тихо.

Да, Нэт слишком занят другими, чтобы смотреть в мою сторону.

Я тогда ответить так и не смогла, только чуть дернула плечом.

— Вы чувствуете себя одиноко? — спросил Гордан. — Покинутой?

Слишком прямо. Бесцеремонно. А еще в этом было столько понимания, что меня задело.

— Это не ваше дело, — сказала я.

— Простите.

Но ни капли сожаления. Вот тут, наверно, Гордану стоило бы смутиться, но он не смутился. Стоял, разглядывая меня. Наверно, я не вписывалась в какие-то его представления о том, как быть должно.

— Мы с Этардом предпочитаем не вмешиваться в личную жизнь друг друга, — сказала я, слишком откровенно вышло, почти неприлично для разговора с посторонними. Но мне вдруг захотелось объяснить. — Поэтому я не покинута и не одинока. Я сама по себе.

— Женщина не должна быть сама по себе.

— Полагаю, это тоже не ваше дело, милорд, — сказала я.

Он покачал головой, словно говоря, что я не права снова. Но промолчал. Долго стоял, разглядывая меня.

— А знаете, вы очень красивая, — сказал он. — Просто удивительная... когда я увидел вас... понял, что не встречал раньше такой женщины, как вы...

Облизал губы, собираясь с силами.

— Конечно, знаю, — сказала я. — Мое положение обязывает едва ли каждого встречного мужчину говорить мне это.

Гордан усмехнулся.

— Нет, вы не понимаете. Я... говорю правду. Действительно то, что думаю, а не просто дежурный комплимент.

— Верю, — сказала я. — Не зря же я трачу столько денег на лучших парикмахеров и портных. Красота дорого стоит, но возможности у меня есть.

Вот тут он, все же, смутился. Я действительно плохо вписывалась в его представления о том, какой должна быть женщина.

— Вы не справедливы к себе, — сказал Гордан. — Ваша красота особенная, она идет изнутри...

— Давайте не будем, — я прервала его. — Простите, я не хочу это слушать. Если действительно хотите что-то сказать мне, расскажите о себе... как живется там, в вашем Гиллесе. Чем вы занимались?

— Боюсь, ничего интересного...

— А вы попробуйте, — сказала я. Даже сама не знаю для чего. Просто долгий душный вечер, я устала и... почему бы и нет? Отвлечься. Послушать что-то новое, для разнообразия.

Он рассказал.

Сначала осторожно, неуверенно, потому все больше входя во вкус. Ничего особенного, просто истории из своей жизни. И я вдруг поймала себя на том, что слушаю с интересом, сама рассказываю что-то о себе. Ничего личного, просто мелкие повседневные воспоминания детства... о разном...

Он просто говорил... как умел. И я тоже.

Это оказалось неожиданно приятно. Легко.

Мы стояли там и разговаривали. Я не пыталась понравиться ему, не пыталась соответствовать его ожиданиям, мне было все равно. Никакой симпатии тогда к нему не возникло. Я не думала, что что-то может зайти дальше одного разговора. Болтовня ни о чем. Но как-то неожиданно Гордан оказался приятным собеседником.

Мы стояли на балконе, а потом, когда внизу начали готовить фейерверки, пошли в парк.

Нет, ничего, даже намек на какие-то объятия и поцелуи.

У Гордана жена, он считал себя очень верным и правильным мужем.

Но... как-то так вышло.

Прогулка верхом, две недели спустя. Не только мы, но и мы тоже... и как-то незаметно чуть отбились от остальных. А там речка и кувшинки... И я как-то невзначай сказала, что кувшинки такие красивые. А Гордан взял и полез их для меня доставать.

Вылез такой весь мокрый, в тине, но с охапкой кувшинок. Такой довольный собой. Я поцеловала его в щеку, в благодарность. А он вдруг покраснел... и поцеловал меня по-настоящему.

И как-то накрыло...

Я видела, что все это не игра, не ради забавы. Видела, что он пытался бороться с собой, но бороться не мог. Что я нужна ему. По-настоящему нужна. Он искал любую возможность быть со мной рядом. Это подкупало. Все это было со мной в первый раз, и я не могла не ответить на его чувства. Чувствовать, что меня безумно любят... невероятно. Счастье переполняло меня, я словно летала. Я, наконец, почувствовала себя настоящей нормальной женщиной, желанной, живой...

Чуть больше месяца это длилось. Знаю, что Нэт видел, но ни разу не пытался помешать мне, или, хоть как-то высказаться против. Не пытался осуждать. К своему удивлению я видела, что это задевает его, как бы он ни говорил, что дает мне свободу. Нэт стал напряженным и нервным. За этот месяц он несколько раз напивался так, как ни до, ни после, за все двадцать с лишним лет нашей жизни, я никогда больше не видела его таким.

Но меня это даже радовало, отчасти... Моя месть ему. Да! Пусть почувствует, каково это.

И все равно, Нэт меня не осуждал. А если и напивался, то исключительно потому, что ему вдруг так захотелось. Он так говорил. Моя жизнь его не волнует.

Зато осуждать принялся Гордан. Не то чтобы меня, а просто все это. Наши отношения.

Когда пена накрывшей волны немного сошла, Гордан начал страдать от того, что все неправильно. Я замужем, он тоже женат, и у него дети, и он не должен так себя вести. И я не должна. Это грех, подлость, прелюбодеяние... Но и разорвать наши отношения у него не хватало сил. Отпустить меня не мог. Он целовал мне руки, он

говорил, что не сможет без меня жить, что его сердце теперь принадлежит мне, и мы обречены страдать.

Я страдала. И даже плакала украдкой, не понимая, как быть.

А потом вдруг Гордан пришел и очень сухо и быстро сказал, что наши отношения нужно разорвать немедленно. Так будет правильно, он решил... А мне лучше на время уехать из Кетнаха.

Для меня это было ударом. Но, честно говоря, вздохнула с облегчением. Как бы хорошо мне ни было с ним, но постоянные упреки... мне было больно. Тогда я была благодарна Гордану за его мужество, что он решился признать и порвать разом. Я бы сама на этот шаг не решилась, по крайней мере, не решилась бы еще очень долго.

И все закончилось.

* * *

— Гордан все еще хочет на мне жениться, — сказала я, вернувшись.

Нэт недоверчиво поднял бровь.

— Он это серьезно?

— Да, серьезно. И как можно скорее.

У нас есть небольшой дом в Кетнахе, я останавливалась здесь, когда хотела тишины. И вот сейчас тоже, даже слуг почти не взяли, не нужно, чтобы Нэта видели посторонние.

Мы сидели в библиотеке вчетвером, еще Кит и Мартин.

У кресла Нэта стояла увесистая трость, он теперь опирался при ходьбе. Турун сказала — еще неделю, как минимум, придется ходить так, осторожно, стараясь как можно меньше ногу нагружать, а дальше как повезет. Нэт крепкий, так что, может быть, за месяц все пройдет без следа... Если он выживет, конечно.

— Так он считает меня мертвым?

— Да. Он сказал мне, что тело бросили в реку за доками.

— Вы хотите сказать, миледи, — Мартин чуть подался вперед, — что люди, которые пытались убить вашего мужа, это люди Макинтайра?

— Не думаю, — сказала я. — Ему не сказали, что Нэт жив. Я думаю, это не его люди, но они действуют вместе, каждый в своих

интересах. Вряд ли Гордан действительно желал моей смерти.

— Думаете, он так сильно вас любит? — спросил Мартин.

Я глянула на Нэта, Нэт ухмыльнулся с сарказмом, чуть развел руками. Дело не в любви, или не только в ней.

— Я вторая после Кита в очереди наследования Арраншира, — сказала я, Нэт кивнул мне. — Других наследников нет. Нэт написал это завещание, когда они с Китом уезжали в Хойфу... война, все может случиться. Пока у Кита нет детей, у Гордана есть шанс получить все, женившись на мне. Я, мои дети... а Кит... Дороги порой беспокойны, ты и сам понимаешь, Мартин. А до Эларсы неблизкий путь. Случись что, никто даже не узнает.

Нэт усмехнулся.

— Я смотрю, иллюзий на счет Гордана у тебя нет, — сказал он.

— Нет. Какие иллюзии, я не девочка. Но я так же могу предположить, что Гордан, как новый Арранширский герцог, не очень-то нужен Иверачу. Слишком амбициозен, мстителен и опасен. Что если Гордан не остановится? А у Ришерта свои сыновья, и земли мятежного герцога можно просто прибрать к рукам, без всякой свадьбы. Если, конечно, получить власть.

Кит сидел очень тихо, слушал. Насколько я знаю, он сегодня тоже сделал не мало, встречался с людьми, разговаривал, все, как велел отец.

— И все же, — сказал Нэт, — я думаю, Гордан не врет, когда говорит о личных мотивах. Ты интересуешь его даже без Арраншира.

— Я тебя умоляю, Нэт, это что угодно, но не любовь. Гордан посадил бы меня под замок, заставил бы вышивать шелковые салфетки и играть на клавесине, услаждая его слух. Все поездки и гости — только в сопровождении его самого. И чтобы я не смела даже улыбаться посторонним. Этим постоянным контролем он уморил бы меня так же, как уморил свою жену.

Нэт все еще улыбался, но в его глазах что-то мелькнуло.

— А тебе нужна свобода?

— А мне нужна свобода, — согласилась я. И мне не стыдно. Я видела, как Кит нахмурился. Я понимала, что вот сейчас мы говорим уже не о Гордане... и все равно. Да, мне нужна свобода.

— И что ты ответила? — спросил Нэт.

— Я согласилась, конечно, — пожала плечами. — Зачем мне разочаровывать его. Поупиралась немного, но согласилась.

Нэт засмеялся весело.

— С тобой опасно иметь дело!

— А ты сомневался?

— Вообще не сомневался!

— Гордан дал мне одну ночь на размышления, — сказала я. — Он хочет, чтобы завтра я приехала во дворец к нему, и осталась до свадьбы. О нашей помолвке он собирается объявить немедленно и... Подожди, Нэт, — я остановила его, потому что Нэт уже собирался возражать. — Подожди, я знаю, о чем ты думаешь, но я справлюсь, найду повод. Давай я сначала расскажу все, а потом...

— Все? — удивился Нэт чуть язвительно.

— Я ведь ездила туда не ради признаний Гордана в любви. Ты знаешь, что Джон совсем плох? У него был приступ. Гордан утверждает, что сейчас стало лучше, но он все равно еще плохо понимает происходящее. Это скрывают, не хотят волнений. Но Гордан ожидает, что Джону станет лучше в ближайшее время. Как только Джона можно будет вывести к людям, пусть даже так, чтобы Джон просто сидел на своем троне и молчал, будет объявлено о помолвке Майрет, — тут я глянула на Кита, но Кит только молча сжал зубы. Хорошо. — Нужно показать, что Джон одобряет этот брак, все происходит по воле короля. Насколько я поняла, Алан Иверач скоро будет здесь, сложно говорить о свадьбе без жениха. Со свадьбой тянуть не будут, и на свадьбу, однозначно приедет Ришерт. Все будет здесь.

— Но времени у нас немного, — Нэт потер ладонью колено. — Нужно успеть до свадьбы и предъявить Ришерту обвинения, пока он будет здесь. И нужно вытащить Джона, потому что ребенок на престоле сейчас — это смута, Нивен слишком мал. Турун сказала, что, судя по всем признакам — Джону дают корень волчьего глаза, в небольших количествах почти не имеет вкуса и запаха, эффект слабый, сам по себе, но со временем накапливается. У нас были такие версии и раньше, мы все проверяли, всю еду, какую Джону подают, не нашли... Возможно, мы что-то упустили. Если Гордан знал... возможно, упустили не случайно.

Вздыхнул, облизал губы, пытаюсь прикинуть что-то...

— Но мы ведь не допустим свадьбы? — сказал Кит. — Нельзя позволить Алану жениться на ней!

— Нельзя, — согласился Нэт. — Кит, я не могу обещать, что мы успеем разобраться, и что успеем этой свадьбе помешать. Подожди, — поднял руку, останавливая. — Чтобы помешать официально, нужны основания. Но я могу пообещать, что даже если не успеем, я прирежу Алана по дороге в спальню. Он не притронется к ней. Только не лезь сам. Если понадобится, я смогу сделать это тихо, а ты нет.

— Я сам его убью! — буркнул Кит зло.

— Давай не будем сейчас спорить. Возможно, до этого не дойдет. Лучше расскажи, что ты сегодня смог узнать сам.

Кит шумно втянул воздух, потом выдохнул.

— Да, — сказал он. — Я говорил с Синклером, Милном и Бойдом. Синклер обеспокоен происходящим, но, насколько я понял, пока это не коснется его лично, вмешиваться не готов. Он ясно дал понять, что будет служить любому королю на троне, потому что в первую очередь служит не королю, а государству. Но, полагаю, он просто не хочет рисковать, и присоединится к победителю. Бойд горячо уверял меня, что всегда на моей стороне, что всегда поддерживал тебя, и теперь готов поддержать меня, что бы там ни понадобилось. Но я ему не верю. Милн сказал, что ему, по большому счету, плевать, но у него есть кое-что лично на Макинтайра. Что — он не сказал, но сказал, что у них давние счеты, есть кое-какие доказательства, и этого хватит, чтобы отправить Макинтайра на плаху. Сказал, что один я не справлюсь, и он не хочет напрасно подставляться. Но если я найду влиятельных союзников, то Милн готов бумагами поделиться... полагаю, за ответную услугу.

— Что ж, это интересно, — согласился Нэт. — Нужно будет самому поговорить с ним.

— Да, еще... — сказал Кит. — Мама, ты говорила о Хальдоре Коулзе? Я не очень понял в чем дело, но запомнил, что тебя обеспокоило его возвращение? Так вот, он вернулся больше месяца назад, но не показывался на глаза, и официально вернулся только вот перед... перед самым судом, когда обвинили папу. Но его видели в Кетнахе раньше.

— А что с Коулзом не так? — спросил Нэт. — Нет, я знаю, что он скользкий тип, и всякие его делишки... но все это по мелочи. Знаю,

что он служит Ришерту, это точно. А что так задело тебя?

Самой бы знать.

— Не знаю точно, — сказала честно. — Когда я встретила его у Майкла, то долго не могла понять, где видела его, и что меня беспокоит. То есть, я видела его при дворе, но... Потом его эта ухмылка, и... Я вдруг вспомнила, как лет десять назад видела его, выходящим из покоев Шибел. Он так довольно ухмылялся и... у него пуговицы на камзоле были расстегнуты... Я не придавала этому значения тогда. Просто не придавала. Зашла к Шибел, о чем-то поговорить, не помню уже. Она показалась мне слегка смущенной и рассеянной... Но я тогда была слишком занята своими мыслями, и все это как-то забылось. Коулза я не видела больше.

Нэт нахмурился, внимательно глядя на меня.

— Думаешь, у них что-то было? Джон бы не потерпел.

— Может быть, — сказала я. — То, как Коулз улыбался, выходя... они точно не о погоде говорили. И Гордан определенно знает. Потому что, стоило мне упомянуть Хальдора Коулза, когда мы были у Майкла, Гордан сразу задергался, ему это не понравилось. Он что-то знает.

— Десять лет назад, говоришь... — вздохнул Нэт. — Слишком давно, чтобы шантажировать Шибел старыми романами. Джон, конечно, был бы в ярости, если б узнал, но... Тут что-то еще. Подожди... десять лет? Нивен тогда только родился?

Я попыталась вспомнить.

— Нет. Наверно, больше десяти. Нивена еще не было, это точно.

— Шибел была беременна?

Твою ж мать!

— Нет, — сказала я. — Не была. Слушай... У Хальдора глаза синие, прямо синие-синие. У Майкла бледно-голубые, почти серые и я... это так бросается в глаза. У Шибел серые, как и у Майрет, и у Джона. Она всегда говорила, что у Нивена синие глаза, как у ее бабки... возможно, так и есть, Нивен похож на нее, такой же светленький, но... Ты думаешь, это возможно?

Глава 22. О высоких деревьях и играх в любовь

Шибел вышивала у окна. Только сосредоточиться не могла и стежки выходили вкривь и вкось. Бледная, осунувшаяся. Я еще в прошлый раз видела, как сильно она боится, но сейчас Шибел почти на грани нервного срыва. Что бы там ни было, игру затеяла не она.

Но если Майрет заставили подставить Нэта, кто знает, что пришлось сделать Шибел. Не удивлюсь, если Джона травила она, у нее были возможности.

Нет, она мне, конечно, ничего не расскажет. По крайней мере, не сейчас. Но начать разговор стоит, вдруг что-то случайно всплывет.

Я подошла.

— Как ты? Я слышала, Джону было нехорошо... — осторожно сказала я. — Как он сейчас?

У Шибел дрогнула рука.

— Кто тебе сказал?

— Гордан. А разве что-то не так?

— Я не думаю, что об этом стоит знать посторонним, — у нее вышло чуть испуганно, и в то же время пренебрежительно.

— Мы ведь почти одна семья, Шибел...

— Нет, — сказала она. — Раньше может быть, но не теперь.

Интересно. С тех пор, как Нэта обвинили в предательстве, меня тоже решили убрать подальше? Это разумно, как ни крути...

Но от меня так просто не избавиться.

— А ты слышала, Гордан предлагает мне выйти за него замуж? — сказала я. Улыбнулась.

Шибел удивленно посмотрела на меня.

— Тебе? А как же траур?

— Думаю, в нынешних обстоятельствах траур не слишком уместен.

— И ты выйдешь за него?

— Почему бы и нет? — я пожала плечами. — Когда-то у нас был такой бурный роман... и, пожалуй, до сих пор остались друзьями. Гордан любит меня.

Что-то такое мелькнула на ее лице, смешанные чувства... испуг снова. Не поймет, на чьей я стороне?

— Ты не боишься?

— Гордана? — удивилась я. — Чего мне бояться?

А Шибел, кажется, удивлялась моей наивности. Я бы тоже удивилась, поэтому состроила самое беспечное лицо, какое только могла.

— Он... страшный человек, — Шибел неопределенно передернула плечами. — Он не остановится ни перед чем.

Он готов предать короля ради своих целей, и Шибел это известно?

— Это ведь Гордан настаивал, что Нивену нужно уехать? — сказала я.

Шибел побледнела. Она совершенно точно не хотела об этом говорить. Что бы Шибел не сделала, ее тоже прижали неслабо. Это отлично заметно.

— Мне сам Гордан об этом сказал, — я только мило улыбалась. — Говорил, что мальчику нужно немного свободы, это пойдет на пользу всем.

— Да... — почти через силу выдавила она. — Он говорил...

— Ты скучаешь? — сказала я. — Когда Кит был маленький, и Нэт забирал его в Кетнах, я, первое время, себе места не находила.

Шибел почти всхлипнула судорожно. Глянула на меня с таким ужасом...

Нивена увезли в Лотиан, один неверный шаг, и... он заложник. Не важно, сын ли он Джона, для Шибел он все равно ее сын.

— Да, — сказала Шибел. — К этому сложно привыкнуть.

Я селя рядом, глянула в окно... дворцовый парк, все как обычно.

— Думаю, Гордан прав, — сказала я. — Нивену это пойдет на пользу. Мальчикам нужно уехать из дома, посмотреть мир. Пусть пока и только Лотиан. Не оторвавшись от матери, он мужчиной не станет. Киту было пятнадцать, когда Нэт впервые взял его с собой на войну.

Шибел передернуло.

— Кит, по крайней мере, уезжал с отцом, который всегда был готов его защитить. А мой мальчик с чужими людьми.

Неожиданно. Значит, все действительно так плохо, если и Нэт уже молодец?

— Ой, Шибел, — усмехнулась я, — когда Нэт видел на горизонте очередную смазливую девицу, он забывал обо всем.

— Ты несправедлива к нему, — сказала Шибел. — Я помню, как Нэт снимал Эйрика с дерева... Они с Китом залезли на старый дуб... высоченный... но Кит смог слезть, а Эйрик не смог... он был тогда не старше Нивена. Уже вечер, совсем поздно, стемнело... они полезли смотреть на городские огни Кетнаха. Помню, как Джон бегал под деревом и орал, чтобы кто-нибудь снял его сына, а то он всех тут повесит. Но там высоко... все боялись... А потом прибежал Нэт, Кит его позвал... босиком, в наспех натянутых штанах, явно только что вылезший из чьей-то постели. И сразу, не задумываясь, полез на дерево. Под ним ветки прогибались, трещали, он же здоровенный такой... какие-то даже ломались, но он успевал ухватиться. До самого верха. Потом он одной рукой держал Эйрика, другой держался сам... Я хочу сказать, он был с какой-то женщиной, но бросил все и прибежал спасать моего сына.

Спасать своего принца.

Я знаю, что Нэт не раз снимал Эйрика с крыши, с деревьев, доставал оттуда, куда парень залезал, но вылезти не мог.

В тот раз Киту, должно быть, влетело по первое число, что подбил принца на такое... Нэту, вероятно, тоже — за то, что не уследил, но герцог ведь не обязан ходить за принцем попятам, для этого есть специальные люди.

Когда Эйрик погиб, Нэт был дома, в Оване, занимался делами герцогства, и потом долго не мог себе этого простить. Притом, что он точно не виноват, и все равно не мог быть постоянно рядом. Но Джон долго винил его. И даже не Джон, Шибел требовала казнить Нэта, она кричала, что это его дурное влияние, его воспитание, его дурь — убили мальчика. Это все из-за него! Эйрик старался не отставать от Кита ни в чем, но Кит лазил по стенам, словно ящерица и плавал словно рыба. А Эйрик так не мог. Старался, но не выходило. И однажды Эйрику просто не хватило сил, а рядом никого не было.

Нивен куда тише и осторожнее, Шибел всегда оберегала его, словно насадка. Но теперь, случись что, спасать Нивена будет некому. Нэта больше нет рядом. Как бы Шибел не относилась к Нэту раньше, но теперь он почти герой... Мертвый герой. О мертвых проще вспоминать хорошее.

— Но ведь Нивена наверняка привезут на свадьбу сестры? — спросила я. Так, словно все уже давно известно.

Шибел едва вышивку не выронила, напряглась. Даже губы побелели.

— Свадьбу? Гордан сказал тебе?

Я небрежно пожала плечами, словно в этом нет ничего такого, словно не понимаю.

— Мне кажется, для бедной девочки это отличный шанс, — и улыбнулась, — все скорее забудут то, что произошло. Алан молод и хорош собой, почему бы и нет. Прекрасная партия.

Алан тот еще сукин сын, но мы не будем сейчас.

— Да, отличный шанс, — эхом отозвалась Шибел, глядя на меня, глаза у нее стали совсем стеклянные.

— Наверно, уже скоро объявят о помолвке? — сказала я.

— Да, через пару дней, думаю...

Так скоро? Им надоело тянуть? Или они чего-то боятся?

Тот, кто нанимал людей убить Нэта — знает, что он жив. И они боятся.

Шибел отложила вышивку. Сейчас убежит, скажет, что не может больше говорить со мной, я ее слишком пугаю. Ничего, пусть пугается, возможно, это даже хорошо...

— Ох, Шибел, я еще хотела спросить, — закинула последнюю удочку наугад. — Я что-то совсем плохо сплю, все эти волнения... У тебя нет никаких капель для сна.

— Есть, — сказала Шибел, и тут же поджала губы, словно пожалела. — Я тоже плохо сплю... Подожди, принесу сейчас.

Но я, конечно, ждать не стала, пошла за ней. В ее личные покои, не в приемную. Шкафчик в углу. Шибел долго мнетя, поглядывая на меня... Я улыбалась, так, словно ни о чем даже подозревать не могла.

— Ты так меня выручишь, дорогая. А то я устала вставать с головной болью. Уже круги под глазами появляться начали, а уж этого точно допускать никак нельзя. Ты ведь сама понимаешь... От недосыпа никакой красоты, а я ведь уже не девочка.

— Это просто капли для сна, — сказала Турун, понюхав, попробовав на язык. — Хорошие капли, действительно должны помочь.

— Я и без капель сплю отлично. У Шибел там целый шкафчик со склянками. И вот, понять бы, нет ли нужного нам.

— Я проверю. Такие, как я, обычно, внимание не привлекают, миледи.

— Будь осторожна.

— Вы заботитесь обо мне?

— Нет, я забочусь исключительно об успехе нашего дела. Тебя не должны поймать.

Турун понимающе улыбнулась.

Сейчас она играла роль моей горничной. Не могу сказать, что я рада постоянно находиться постоянно с ней рядом, но с другой стороны, не могу сказать, что меня это беспокоит. Да, Нэт с ней спал... но с кем он только не спал? Если бы я гнала от себя всех, то рисковала бы остаться в одиночестве... разве что с Шибел, но это так себе перспектива.

Турун могла помочь нам.

А у Шибел могла бы быть куча возможностей подсыпать немного порошка Джону, время от времени, они завтракали и обедали вместе... не постоянно, но достаточно часто. Раньше я не могла представить зачем ей это, разве что из мести, Джон тоже верностью не отличался. До Нэта ему, конечно, далеко, но Шибел бесилась страшно, и ничего не могла поделать. Но из мести Шибел не стала бы, побоялась, это ничего бы ей не дало. А вот пытаюсь защитить сына — вполне могла.

— Миледи, а можно задать вам вопрос? Вы любите его?

— Гордана? — удивилась я.

Турун усмехнулась.

— Вашего мужа.

— Нэта? — я почти не раздумывала, покачала головой. — Нет. Не люблю.

Турун удивилась.

— Мне показалось, между вами есть что-то такое...

Какого черта она спрашивает?

— Нет, — сказала я. — Это не любовь. Я хорошо к нему отношусь, он хороший человек. Но, скорее, как к старому другу, я знаю

его слишком давно. А с его стороны, это чувство ответственности, по большей части. Он пытается защитить свою семью, это всегда для него много значило.

Зачем я говорю ей это? Сама хочу верить?

— Ответственность заставила его залезть к вам в окно?

Ей было весело. Я понимала, это скорее праздный вопрос, женское любопытство. То, что было между ними — для Турун тоже не повод строить планы.

Я ведь не должна ей объяснять.

Но объясняю. Или объясняю себе?

— Дури в нем всегда было много. Я с ним двадцать лет не спала, так отчего бы не попробовать новое? Но это игра, ничего больше. Так что у тебя еще будет шанс.

Или пытаюсь объяснить это не ей, а себе?

Снисходительно. Но мне не нужно.

— У меня? Шанс? — Турун весело засмеялась. — С герцогом? Да ну, полно, миледи! Я здесь, потому что ваш муж обещал хорошо заплатить за мою помощь, пристроить моего средненького, оболтуса, в дело. Дать дочери приданое. Какой еще шанс мне нужен? Я ведь не малолетняя дурочка. А вот вас он любит, это видно, даже если вы не хотите это признавать. Так смотрит... особенно, когда вы сами не смотрите на него.

Как же он на меня смотрит?

На самом деле, не стоит обсуждать это... не с ней, не сейчас.

— Миледи... — Турун подмигнула мне. — Вы ведь отлично умеете общаться с мужчинами, я видела. Только улыбнитесь ему, он для вас горы свернет.

Не надо мне этого. Тем более от Нэта. Никаких свернутых гор. Хотелось сказать, что это не ее дело, но почему-то именно сейчас так не вышло. Хотя, безусловно, не ее. И ее мнение сейчас вообще ничего не стоит... Ее советы...

— И как же он на меня смотрит? — вместо всего этого спросила я.

Турун видела, как Гордан заходил ко мне, как лез обниматься. Так настойчиво лез, что просто удивительно. Где он со всеми этими ласками был раньше?

Или он моего мужа так боялся? Другие не боялись...

— Гордан, не надо, — сказала я. — Подожди, куда ты торопишься?

А он уже пытался расстегивать пуговики на моем платье. Благо тут мы одни.

— Я так долго ждал... Ты ведь согласилась сама. Так что же?

Его нетерпеливое сопение меня забавляло.

Нет, я не боялась его.

Не то, чтобы я была уверена, что он меня не тронет. Еще как тронет, ему только волю дай.

Но просто не боялась. Он не был противен мне, как мужчина. Да, я ему не доверяла, не хотела бы иметь с ним ничего общего. Но и противно мне не было. Если придется переспать с ним, я пересплю, и никаких страданий по этому поводу испытывать не буду. Когда-то Гордан был неплохим любовником.

— Не стоит так, Гордан, — сказала я. — А то мне кажется, что ты один из тех мальчиков... Что тебе нужно лишь по-быстрому затащить меня в постель и с чувством выполненного долга удалиться. Я не против, пожалуй, но зачем тогда говорить о свадьбе, если это развлечение на один раз.

Он нахмурился и даже взял меня за плечи.

— Ланни, ты несправедлива. Мои чувства к тебе очень серьезны.

Я улыбнулась так мило, как только могла. Чуть склонила голову на бок, погладила его пальцами по щеке.

— Тогда давай не будем торопиться? Пусть все будет по-настоящему? Прогулки в парке, ухаживания, подарки...

Я гладила, и ему нравилось, он даже чуть глаза прикрывал.

Но то, что я говорила — не нравилось совсем.

— Ухаживания после стольких лет? Ланни... о чем ты?

Я удивленно подняла бровь.

— Разве я не стою этого? Каждой женщине хочется внимания, хочется почувствовать себя любимой. А ты ведешь себя, словно пришел в бордель.

Он смутился даже. И тут же сердито раздул ноздри.

— Разве у нас не было с тобой свиданий?

— Гордан... — мои пальцы скользнули по его шее, и теперь гладили его грудь, расстегнув пуговичку на камзоле, и под пуговичку... — Ты нарвал кувшинок для меня, помнишь? Это было так прекрасно... — я улыбалась ему. — Ты был таким милым. Если ты любишь меня, вспомни хоть немного, каким ты был... А то я уже начинаю думать, что ты, как и все прочие, хочешь исключительно моих денег.

На самом деле, несмотря на высокий пост, Гордан не богат. Он и живет, по большей части, на свое жалование, его земли приносят мало, и одни хлопоты... А у меня, даже без Арраншира, есть куда больше.

— Ты обижаешь меня, Ланни.

Его пальцы настойчиво тянулись тоже что-нибудь на мне расстегнуть, но я не давала.

— Это ты обижаешь меня, Рон, — я демонстративно обиженно надула губки. — Неужели я прошу так многого?

— Ты хочешь подарки?

— Я хочу внимание.

— Я не понимаю, — Гордан хмурился.

Что тут непонятного? Нэт бы уже давно надергал охапку цветов на соседней клумбе.

— Пригласи меня вечером на прогулку, — сказала я. — Мы пройдемся по парку, посмотрим на звезды. Поговорим. Посидим на скамеечке у фонтана, взявшись за руки. Нам ведь нужно узнать друг друга получше.

— Получше?

— Конечно, — мои пальцы, скользнув под пуговицы камзола, спускались ниже.

— И тогда ты...

— И тогда я поцелую тебя, Рон. Куда ты торопишься? Ты ведь зовешь девушку замуж, а не в постель.

— Ты не... — он все же успел прикусить язык. Но поздновато.

Я грозно нахмурилась. Резко пуговку застегнула, оттолкнулась, сделала шаг назад.

— Нет? — сказала строго. — Гордан, скажи прямо, что тебе нужно? Только трахнуть меня? Так признай это, мы разок переспим и забудем. Денег? Давай я просто заплачу тебе за твою защиту. Мы

можем даже договориться, и я отпишу тебе рудники в Майковице, если ты будешь хорошо меня защищать. Они приносят неплохой доход... и смотри, а то они достанутся моей двоюродной тетке. Но только не лезь ко мне с этими сказками про любовь.

— Ланни! Я люблю тебя! Я просто не умею все это... — он смотрел на меня почти отчаянно.

Я сложила на груди руки.

— Ланни, ты... — он кашлянул.

Я стояла молча. Ожидая.

Он тяжело вздохнул.

— Хорошо, — и сдался. — Как хочешь. Ты пойдешь вечером со мной в парк? Слушай, я чувствую себя идиотом.

— Ну, что ты, — я снова шагнула ближе и быстро поцеловала его в щеку. И тут же назад, пока он не успел обнять меня. — Ты молодец Рон. Конечно, я пойду с тобой.

Довольно улыбнулась.

Турун наблюдала за всем этим, тихо хихикая в углу.

— Вы играете с ним, миледи, — сказала она, когда Гордан ушел.

— Нет, — сказала я. — Просто тяну время. Я не хочу с ним спать.

Глава 23. О храброй принцессе, и том, что пора действовать

Алан Иварач сказочно хорош. Высокий, еще по-юношески стройный и гибкий, но от мальчишеской угловатости и нескладности, какую я помню еще пару лет назад, не осталось и следа. Молодой мужчина, широкие плечи, уверенный взгляд, вот только во взгляде — лед. Будущий герцог. Будущий король.

Он приехал вчера и сейчас сидит рядом с Майрет за столом. Майрет бледная, словно тень, даже взгляд почти погас, ее загнали в угол. Я никогда не видела ее такой.

Но все же, Майрет не сломлена окончательно. Пальцы сжимают вилку, словно оружие... и прямая спина. Пока она ждет, но как только появится возможность — ударит, не сомневаясь.

Званный обед. Лишних людей здесь нет, только самые важные. Только те, кто должен засвидетельствовать помолвку с одобрения короля.

Я смотрю на Джона и понимаю, что до свадьбы он вряд ли дотянет, поэтому свадьбы мы не будем ждать. Говорят, у короля был апоплексический удар, король теперь уже вряд ли оправится. Не удар, конечно, но людям нужны простые объяснения. Турун говорит, что шансы у Джона есть, если, конечно, как можно скорее дать ему противоядие. Чуда не произойдет, лечение займет время, но уже за пару недель можно вернуть относительную ясность ума, а дальше будет видно... Главное — успеть.

Вот только до Джона сейчас никак не добраться.

Я прикидывала и так и эдак... Через Шибел? Но полагаться на Шибел не хочется, это большой риск. Она слишком напугана, защищает сына, и сейчас, от страха, может быть непредсказуема. У нас с Турун есть план — подменить зелья в шкафчике королевы, Турун могла бы попытаться. Но нам нужна помощь кого-то еще. Нужно хоть как-то поговорить с Джоном, если он сейчас способен еще хоть что-то понимать...

К Майрет меня тоже не подпускают. «Принцесса никого не желает видеть», и все, ничего не хотят слушать. Не силой же пробиваться.

Сейчас обед, а скоро будет бал в честь помолвки, вот там, возможно, удастся найти способ подойти. Но лучше всего найти способ связаться с ней до этого бала. Я знаю, что принцесса по утрам выходит гулять в сопровождении двух гвардейцев, которые так же не подпускают посторонних. Гвардейцы меняются, и как раз завтра один в той паре, по моим прикидкам, должен быть Ульрих, я знаю его, и, может быть, с ним договориться у меня бы вышло. Если Майрет могла бы второго хоть на время отослать, у меня появился бы шанс подойти к ней.

У Майрет мало опыта в придворных играх, но смелости постоять за себя — хватает.

Она бросила быстрый взгляд на меня, чуть закусив губу. Потом легко коснулась руки Алана.

— Милорд, не могли бы вы подать мне соленые уши, вон там, рядом с вами? — сказала тихо и мягко. — Последнее время я ни дня без них прожить не могу.

Виновато улыбнулась, так, словно это вовсе ничего не значило. У Алана аж щеки пошли красными пятнами, но он сдержался, и соленые уши подал. Что-то резко шепнул Майрет на ухо, я видела, как у нее дрогнули губы. Но Майрет быстро с собой справилась, чуть выпрямилась, ухо с тарелки взяла. Вежливо поблагодарила.

Когда судили Нэта, о причинах официально не говорилось, но ведь дворцовые сплетни — страшная сила. А теперь будут сплетни, что Алан берет замуж беременную принцессу? Кому надо, тот подметит страсть Майрет к соленому и сделает выводы.

Но ведь это же только игра?

И еще больше причин попытаться с Майрет поговорить.

А Турун через одного из лакеев передаст Майрет записку с предложением встретиться. Прелести Турун тоже творят чудеса.

— Что ж! — чуть суетливо воскликнула Шибел, словно боясь, что Алан передумает, и что-то пойдет не так. — Дорогой Алан ведь хотел что-то сказать нам? Он проделал такой долгий путь из Лотиана, и не стоит заставляя его ждать.

Желваки у Алана скулах, быстрый злой взгляд на Майрет, но отступать действительно поздно. И даже Алан не может принять такое решение, как сломать всю игру — самостоятельно.

Он поднимается.

— Ваше Величество! — он кивает в сторону короля. — Я благодарю за оказанную мне честь! — его голос высокий и чистый, словно у певчего в церковном хоре. — С благословения своего отца, лорда Ришерта Иверача, я приехал сюда просить руки прекрасной принцессы Майрет. Уверен, наш брак послужит миру и процветанию всего королевства.

Шепот за столом. Все знали, конечно, отчего бы не пошептать.

Джон поворачивается к нему, пытается смотреть, но видно, как сконцентрироваться ему сложно.

«Благословляю» — шепотом говорит Шибел ему на ухо.

— Благословляю, — эхом повторят Джон. Хрипло, медленно, но это не апоплексический удар точно, после удара говорят не так.

— Благодарю вас, Ваше Величество! — говорит Алан, поднимает бокал.

Майрет демонстративно сосредоточенно режет соленое ухо у себя в тарелке.

* * *

— Мне нужна твоя помощь, Майрет. Ты ведь не хочешь за него замуж?

Времени у меня совсем мало, так что на пустую болтовню мы тратить не будем.

Дворцовый парк, раннее утро. Второго гвардейца Марет отослала с каким-то поручением, а Ульриху мне стоило только улыбнуться. «Все пару минут», — сказала я, погладила пальчиками по его груди, в память о той... даже не ночи, вспышке... не важно. Ну, какая от меня может быть опасность для принцессы? А в подробности игры гвардейцев не посвящают.

Майрет смотрела на меня спокойно и прямо. Записку ей передали, и она понимает.

— Не хочу, — сказала она. — Но если откажусь, Нивен умрет. Он им не нужен.

Значит, Майрет все знает?

— Ты ведь не беременна, правда?

— Нет, — говорит она.

Спокойно говорит. Ни сожалений, ни оправданий, и уж точно никаких слез. Она ожидает, что у меня есть план и готова действовать. Остальное неважно.

— Скоро будет бал, — говорю я. — Нужно спровоцировать Алана так, чтобы он при всех оскорбил тебя. Тогда Кит вызовет его дуэль.

— Алан отличный фехтовальщик, вы не боитесь?

— Я боюсь, что Кит полезет драться без повода. В честном поединке у него, по крайней мере, будет шанс.

Майрет поджимает губы, смотрит на меня внимательно.

— Я не хочу, чтобы Кит пострадал из-за меня. Если Кит убьет Алана, его осудят, сейчас отец не сможет Кита защитить.

— Нам не обязательно убивать его, нам хватит его только ранить. Нужно, чтобы Ришерт приехал сюда раньше свадьбы, и повод свадьбу оттянуть. И пусть лучше будет официальный повод. За убийство без повода Кита осудят куда серьезнее.

Майрет кивает.

— Хорошо. Я найду повод.

Спокойно и без сомнений. Да, она сделает. И то, как она спокойна сейчас — я вижу, она просто устала бояться.

— Еще одно, — говорю я. — Твоему отцу дают яд, чтобы он потерял способность понимать, что происходит. А потом его убьют окончательно, спишут на удар, ни у кого сомнений уже не возникнет.

— Я знаю, — Майрет кивает. — Но никак не могу этому помешать.

— Не помешать, предупредить его. Мы сможем подменить яд на безвредный состав или даже на противоядие, и Джону со временем должно стать лучше. Но очень важно, чтобы этой перемены не заметили раньше времени. Если Джон начнет понимать, что с ним происходит, сможешь ли ты убедить его притворяться, что становится только хуже? Без Джона нам не справиться, но нужно время.

— Я сделаю, — говорит Майрет серьезно. — Мне позволяют видеться с отцом. Не часто, но позволяют.

Хорошо. Это, пожалуй, все. Мне стоит уйти, пока меня не заметили.

— Подождите, — Майрет останавливает меня. — А ваш муж... Отец сказал мне, что его отпустят...

Осторожная надежда. То, что она сделала, не дает Майрет покоя.

— С ним все хорошо, — говорю я.

* * *

До бала оставалась почти неделя, так что время было.

За Нивеном в Лотиан Нэт отправил верных людей, лучших из тех, что можно найти. При других обстоятельствах, он поехал бы сам, не доверил бы такое дело, но сейчас он нужен здесь. В этой истории — самое главное вытащить Джона, без этого — остальное пойдет прахом.

Если Кит будет драться с Аланом у всех на виду — это отвлечет внимание, даст небольшой шанс. За эту неделю, я очень надеюсь, Джону станет хоть немного лучше и сможет идти сам... Гвардейцы в отсутствии Джона подчиняются Шибел, с ней будет сложнее всего, Шибел непредсказуема. В отсутствии Шибел — Гордану. А вот с Горданом, возможно, будет проще...

С Горданом мы пошли гулять в парк. Перед самым балом, чтобы у него не было времени передумать и прийти в себя, найти другие пути.

Ночи сейчас теплые. И темные, как назло, никаких звезд на небе, все заволочло облаками. Или на счастье, наоборот, если вспомнить, зачем я сюда пришла. Легче укрыться.

Я веду его в дальний, темный, укромный уголок. Настолько укромный, что у Гордана, кажется, начинают мелькать подозрения, но стоит его страстно приобнять, и Гордан готов на все. Он не глуп, но тщеславен, близкая цель и скорая награда затмевают осторожность. И он искренне верит, что я могу его хотеть. А когда пытается спросить — куда же мы в такую глушь, я только загадочно улыбаюсь: «Чтобы нас никто не услышал», и целую его быстро, но многообещающе, и Гордан, конечно, совсем не о том думает.

Главное, чтобы Нэт был на месте, чтобы ничего не задержало его.

Вон там, в конце высокой живой изгороди. Мне нужно только довести Гордана до угла, а дальше дело за Нэтом.

Но Гордан останавливается.

— Ланни, зачем мы здесь?

Прислушивается.

Я не слышу ничего, но Гордан, похоже, начинает подозревать.

— В память о наших первых встречах, — ласково говорю я. — Идем, я хочу здесь, в саду.

— Ланни...

Гордан смотрит на меня с сомнением, что ж, он не дурак. Вот только уже поздно. Если Нэт на месте, он уже заметил нас, и тут достаточно темно и тихо, чтобы внимание не привлекать. Нужно только, чтобы Гордан не поднял тревогу.

Я обнимаю его за шею. Целую.

— Хорошо, давай здесь, — говорю достаточно громко, чтобы Нэт услышал.

Начинаю расстегивать пуговички на его груди.

На мгновение Гордан останавливает меня, недоверчиво. Я так долго отказывала, что теперь...

— Почему здесь?

— Я так хочу.

Улыбаюсь, глажу его щеку.

Через его плечо вижу, в конце дорожки из-за изгороди выныривает тень. Мягко, быстро приближается.

И пока Гордан не услышал шаги, я снова целую его.

Лишь несколько мгновений, и Гордана отбрасывает в сторону, на землю. Так же, как Кита на лестнице — вывернув руки за спину, прижав коленом к земле. Вот только еще и рот ему зажимает.

— Услышу хоть звук, перережу горло, — говорит Нэт. — Ты умрешь раньше, чем подоспеет помощь. Кивни, если понял.

Гордан кивает отчаянно.

Нэт быстро и умело связывает ему руки за спиной. Потом переворачивает.

— Сейчас пойдешь со мной, — говорит ему. — Если будешь вести себя хорошо, то пока останешься жив, я даже верну тебя во дворец утром. Но помни — дернешься неудачно и умрешь сразу. И еще, что бы ты знал, Милн передал мне интересные бумаги, если я придам их огласке, за твою жизнь больше не дадут и медяка.

— Бумаги?

— Я разрешал говорить? — удивляется Нэт, и бьет кулаком в зубы. — Твои письма Ришерту. Об Эйрике. И Нивене.

И я даже отсюда, даже в темноте вижу, как Гордана трясет.

Подвал какого-то дома в окрестностях. Тут недалеко.

Гордана вывели из сада с дальней стороны, Нэт буквально перебросил его через забор, Гордан не пытался особо сопротивляться. А там ждала повозка и Мартин.

— Я думал, ты мертв, — сказал Гордан еще по дороге.

— Я думал, ты умнее, — усмехнулся Нэт. — Теряешь хватку, раз тебе не сообщают такие вещи. Думаешь, Ришерт оставит тебя в живых?

Гордана передернуло.

— Я ему нужен.

— Зачем? — удивился Нэт. — Когда он получит власть, то приведет в Кетнах своих людей. А ты слишком много знаешь, значит опасен. Ты долго не проживешь.

— Хочешь сказать, ты готов простить меня?

— Не простить, нет. Но, возможно, дать тебе шанс, если будешь вести себя правильно. И даже если вдруг смогу простить я, представим... То Джон никогда не простит.

— Джон покойник... — Гордан замер, подобрался. И вдруг что-то сверкнуло в его глазах, почти отчаянная надежда. — Нэт, послушай! Я действительно могу помочь тебе! Если ты найдешь способ устранить Ришерта, ты легко можешь получить то, что хотел получить он! Власть! Если твой сын женится на Майрет... Ты ведь этого хочешь, да? Я мог бы помочь тебе!

— Я ведь мертв.

Нэт сделал предостерегающий жест, чтобы я молчала. Но я и не собиралась возражать. Посмотрим, что Гордан может предложить нам.

— Ведь это Джон отпустил тебя! Сказать, что это был такой его хитрый план. Чтобы покарать виновных.

— И помереть самому?

— У Джона случился удар, здесь нет виноватых. Он ведь давно нездоров, это видели. А все эти события доби́ли его окончательно.

— Удар?

— Или Шибел... да, так будет даже лучше! — Гордан воодушевился. — Но ведь ты в любом случае не виноват. А Шибел мы казним. Давно пора...

— Сукин сын! — Нэт нехорошо засмеялся. — И как ты можешь помочь?

У Гордана загорелись глаза.

— У меня есть доказательства виновности Ришерта в убийстве Эйрика! Ты говорил о письмах... но если они настоящие, но в них не указано адресата. Писал я, но кому — неизвестно, не доказать. Ришерт запрещал упоминать его. Но у меня есть письмо, подписанное Ришертом, его рукой. Он ведь далеко, ему приходилось писать письма. И я готов дать показания против него, я тебе нужен. А еще, я знаю кое-что о Нивене!

— Я тоже знаю, — сказал Нэт. — И что ты хочешь взамен?

— Жизнь. Возможность уехать и тихо жить... Я знаю, ты не обманешь меня. Я всегда тебе верил...

Нэт хмыкнул, пожал плечами, так, словно говоря, что верил Гордан, вероятно, зря.

Вот где-то тут мы и подъехали к дому.

Нэт спрыгнул с телеги.

— Пошли, — сказал он. — Думаю, мы договоримся.

— А ты не развяжешь мне руки? Я не сбегу.

— Нет, не развяжу.

Этой ночью я видела Нэта таким, каким никогда не видела раньше. Может и к лучшему, иначе раньше я бы его боялась.

И дело даже не в какой-то особой жестокости, они просто разговаривали. Ударил Нэт Гордана только один раз, когда Гордан, забывшись, начал причитать какие же все женщины лживые суки, и я в особенности. Заманила его в кусты, обещая отдаться... Нэт ударил. Не по лицу, лицо лучше не портить, чтобы не привлекать внимание. Под дых. Гордан согнулся, хватал ртом воздух и не мог... А Нэт сидел рядом и ждал.

Ни жалости, ни сомнений.

Гордан все сделает, именно так, как говорил Нэт. Он боится Ришерта, но Ришерт далеко, а Нэт вот здесь рядом.

Глава 24. О дуэли и крепких нервах

На бал я предусмотрительно надела платье поудобнее, наплевав на обычную для балов роскошь, и бриджи под платье, чтобы можно было сбежать верхом. Наверно, я слегка странновато выглядела, но жизнь мне дороже косых взглядов. Кто знает, чем сегодняшней вечер закончится.

Лошади будут ждать нас. Нэта и Джона там же, где и вчера. Кит поедет сам. И я тоже, отдельно или с Китом, моя лошадь тоже ждет за парком, но в другом месте, чтобы поменьше внимания привлекать. Сейчас главное вывести Джона.

Нэт хотел, чтобы я уехала еще до бала. Или даже, чтобы после ночной беседы с Горданом не возвращалась во дворец. Но я не могла. Я должна это видеть. Он пытался убедить меня, пытался даже на меня орать, грозился не пускать силой, но потом сдался.

Мне было страшно. Но еще страшнее не знать, что происходит.

Мы сошлись на том, что я присмотрю за Горданом — кто-то должен за ним присмотреть. Я держалась с ним рядом. Гордон — стоял прямо, стараясь не делать резких движений и глубоких вдохов, а то ребра болят после ночных разговоров. Он все сделает... я очень надеюсь. Сейчас многое зависит от того, насколько Нэт был убедительным. Меня Гордан не тронет... не должен, иначе ему конец однозначно, Нэт его из-под земли достанет.

Шибел поглядывала на меня недобро.

Джон сидел в большом удобном кресле, глядя в пустоту, по большей части, но когда наши взгляды случайно пересеклись, он кивнул мне. И чуть отлегло, очень надеюсь, ему стало лучше, Майрет предупредила, и он тоже сыграет сегодня свою роль.

Кита не приглашали, Шибел не хотела приглашать, но он все равно пришел, а гвардейцы через Гордана получили распоряжение его не задерживать, никак не мешать. Все же, Кит Арранширский герцог, и нужен веский повод, чтобы его задержать. Кит стоял в углу, стараясь пока не слишком к себе внимание привлекать, но и не слишком прятался.

Все как обычно, разговоры, танцы... Собравшиеся даже не подозревают, что тут готовится.

Я стою, и у меня чуть подрагивают руки, приходится прятать.

Требуется много выдержки, чтобы не выдавать своего волнения и напряженных попыток за Китом и Майрет наблюдать. Чтобы не думать, как все может пойти совсем не так, и Кит может пострадать...

Я уже готова грызть ногти...

Майрет танцевала с Аланом.

Улыбалась ему, что-то говорила.

И мне было сложно представить, как она собирается это проверить.

С другой стороны, зная ее острый язык, Майрет могла вот так улыбаясь, рассказывать, как она мечтает выпустить Алану кишки... Нет, не об этом, конечно, но что-нибудь провоцирующее, делая вид, что сама не понимает, как Алану слушать неприятно.

Алан что-то сдержанно отвечал ей.

И вдруг, прямо посреди танца Майрет остановилась, и сходу влепила Алану пощечину.

— Как вы смеете! — даже чуть отскочила в сторону, ее глаза сверкали праведным гневом, голос дрожал.

Все замерли, музыка замерла, все смотрели на принцессу. Кричать она умеет громко и внятно, так, что слышат все.

— Что случилось? — спросил кто-то.

— Это ужасно! — всхлипнула Майрет, чуть прикрыла ладонью лицо, словно боясь лишнее сказать. — Я не... — и всхлипнула снова, попятилась. — Вы не понимаете! Я не могу такое повторить!

В наступивший тишине ее шепот разносился очень отчетливо. Ее слезы.

А вот Шибел, думаю, сразу поняла, что это игра, она дочь знает.

— Майрет прекрати! Что такого он мог сказать тебе?

Но Шибел не сможет остановить.

Самое интересное, Алан, похоже, и сам не понимает, что же сказал. Он растерян. Но, зная Майрет, могу предположить, что вовсе не сказал ничего, она просто взяла и влепила ему пощечину посреди танца, рассказывая о птичках. Просто потому, что так нужно, а подходящего повода не нашлось. Всякие глупости Майрет не останавливают.

Но Кит уже идет к ним через весь зал.

— Милорд! — громко говорит он. — Вы оскорбили принцессу.

Это не вопрос, утверждение.

И шепот вокруг.

— Нет! — Алан почти пятится. — Какого черта?!

— Что вы себе позволяете? — уверенно говорит Кит, подходит ближе. — После всего, что случилось, вы еще смеете оскорблять ее?

— Да вы с ума сошли?! Я не оскорблял!

— А что это было? — говорит Кит. Для любого со стороны это выглядит однозначно.

— Да какое вам дело?!

Вот это, Алан, похоже, зря.

— Мне есть дело, — говорит Кит спокойно и уверенно. — Потому что принцесса Майрет мне как сестра! Потому что у нее нет других братьев, которые могли бы вступить за ее честь, а ее отец сейчас нездоров. И если вы думаете, что это дает вам право обращаться с ней столь неуважительно, то вы ошибаетесь.

Я вижу, как у Алана раздуваются ноздри. Скорее всего, он понимает, что его подставили, но отступить уже поздно. Доказать прямо сейчас почти невозможно. Да и Майрет могла наговорить ему кучу такого, что не способствует выдержке.

— Да, я слышала! — девушка рядом с Майрет, ее фрейлина. — Это возмутительно!

Алан вздрагивает. Непонимающе смотрит на девушку, потом снова на Кита. И я прямо вижу, как негодование распирает его.

— Как сестра? — говорит он. — Так ты тоже с ней спал?

И вот это, конечно, Алан совсем зря.

Потому что Майрет не упускает случая, взвизгнув, дает ему вторую пощечину.

Это явное оскорбление уже при всех. Теперь отступить Алану некуда.

— Милорд, — говорит Кит холодно, — я прошу вас взять оружие и выйти со мной во двор сейчас.

Шепот по залу.

— Что? — Алан еще не до конца верит. — Вы хотите драться? Сейчас? Да вас отправят на плаху!

— Вы оскорбили принцессу, — говорит Кит. — А значит, оскорбили и короля. Я не потерплю.

Тот случай, когда пафос невероятно к месту. Кит теперь герой и защитник короны, а Алан Иверах — жалкий ублюдок. Я очень хочу, чтобы было так.

Майрет плачет, закрывая ладонями лицо.

— Этого нельзя допустить! — кричит Шибел. — Остановите их!

Я толкаю Гордана в бок, ему пора сказать слово.

Гордан морщится, но деваться некуда. Он слишком боится Нэта.

— Я думаю, лорд Муррей прав, — говорит он. — Но виновность молодого Алана Ивераха должен решить суд. Я прошу вас удалиться, господа. Алан Иверах, вас я прошу не покидать Кетнах до особого распоряжения. Его Величество решит, как поступить с вами.

Сейчас Гордан говорит от лица короля, а король не одобряет дуэлей и самоуправства.

Но и мешать двум господам тоже никто не собирается. Их просто просят выйти, а там уж... Явно давая понять, что останавливать не станут.

Я даже вижу, как Гордан делает знак гвардейцам у двери — не вмешиваться.

— Прогуляемся? — говорит Кит.

— Ты пожалеешь...

* * *

Главная задача Кита сейчас — отвлечь внимание. Он уверенно ведет Алана во двор, потом в дальнюю часть парка, и довольно много любопытных осторожно пытается идти за ними. Не каждый день можно увидеть дуэль.

И Майрет тоже бежит следом.

Мне нужно вывести Джона из зала. Самой, если он может идти, с помощью Гордана, или лучше кого-то из гвардейцев позвать. Но надо увести в коридор и через две соседние комнаты, там есть скрытый проход вниз, за хозяйственные помещения. Не особо тайный, им иногда пользуются слуги, но не особо приметный. Там будет ждать

Нэт. Потом, скорее всего, я пойду с ним. Но если что-то будет не так, то выберусь отдельно от них, сама.

Если я задержусь — Нэт сказал, что придет за нами сам, прямо сюда, терять уже нечего. Либо мы вытащим Джона, либо надо бежать без оглядки. И готовиться к войне.

Чуть дальше, на дороге, нас будут ждать люди Нэта, его лучшие воины. Он не позволят нас догнать, если кто-то из дворца попытается. И будут охранять нас, пока Джон не встанет на ноги...

Нужно только добраться.

— Джон? — я киваю ему. Пора.

Вижу, как король пытается собраться с силами, подняться, тяжело упираясь руками в подлокотники кресла, его руки чуть подрагивают от усилия.

Я сама спешу подойти.

Пока бегу через зал, Джон успевает встать, чуть пошатываясь.

— Ты можешь идти? — говорю я.

Он моргает, стараясь сосредоточиться. Несколько гвардейцев встают у меня на пути, охраняя короля, подходят ближе.

— Не мешать! — хрипло говорит Джон. — Куда?

— Я покажу.

Он пытается сделать шаг следом за мной, на ногах он держится, но выходит так медленно, что это почти невозможно.

— Джон, у нас мало времени, — говорю я.

— Койниган! — Джон машет одному из гвардейцев. — Помогите.

Молодой крепкий парень спешит к нему, подставляется плечо. Молча, не задавая вопросов.

Зато вопросы есть у Шибел.

— Что происходит? Куда ты ведешь его?! Нет! Остановитесь!

Гордан не вмешивается. Честно говоря, сейчас я даже не вижу его. Главное, чтобы он не задумал что-то...

Но я вижу, как кое-кто из гвардейцев сомневается, последнее время король явно не в себе и они привыкли слушать королеву.

— Остановите их! — кричит Шибел. — Она пытается похитить короля!

Сомневаются. И мне даже пытаются заступить дорогу.

— Пошли вон! — рывкает Джон. — Не мешать!

Слова даются ему с трудом, не слишком внятно, но Джон очень старается. Для него это, возможно, единственный шанс выжить.

Шибел бросается к нему, сама пытается остановить.

— Схватить ее! Эту Муррей! Это заговор! Схватить! — кричит Шибел.

— Не смей! — требует Джон. — Пропустить нас!

— Ты не можешь... — Шибел почти всхлипывает в отчаянье.

— Я-а... король! — на этот раз у Джона получается громко и страшно. — Ты травила меня, сучка! Пропустить!

Они расступаются.

Все слишком неоднозначно, но мешать воле короля гвардейцы никак не могут. Никто не в праве ему мешать, даже если он едва стоит на ногах.

Койниган помогает ему идти, а я стараюсь держаться рядом.

Оставшиеся в зале люди смотрят на все это испуганно.

Сегодняшний бал точно не удался.

По коридору, через две комнаты и в скрытый за ширмой проход.

Нэт ждет.

— Да ты с эскортом! — усмехается, увидев нас. Сейчас уже не важно, увидят его или нет, повернуть все по-тихому в любом случае не выйдет, поздно. — Идем.

— Живой! — Джон пытается ухмыльнуться в ответ, но ему сейчас и дышать тяжело, сил почти не осталось.

— Не могу сказать, что рад видеть тебя, — Нэт забирает его у гвардейца, помогает идти сам, и Джон наваливается на него всем весом. — Но без тебя никак. Эй, Койниган — говорит парню, — стой здесь и никого не попускай. Говори — приказ короля. Понял?

— Понял, — тот кивает. Смотрит на Нэта почти с ужасом.

Еще бы так не смотреть!

— Нэт, я вернусь. Я хочу знать, что с Китом. Потом я поеду с ним.

— Нет! — рывкает он, чуть не бросает Джона, дергаясь в мою сторону. — Даже не вздумай! Не ходи туда одна. Кит справится сам!

— Если с ним что-то случится...

— Если случится с ним, то случится и с тобой. Ты ничем не поможешь. Сейчас ты идешь с нами, это не обсуждается!

Сложно с этим спорить, тем более понимая, что Нэт прав. Кит не ребенок и я точно ничем не смогу помочь ему.

Но страшно все равно.

По проходу вниз и по узким коридорам хозяйственной части. Еще немного, и Нэт буквально тащит Джона на себе. Джон ниже ростом, но худым его точно не назвать, так что это непросто. Я иду за ними. Нэт торопится, я вижу, что у него шея уже блестит от пота... Ничего, он справится.

Лошади ждут нас.

Остановить короля никто не посмеет.

Но чем дальше мы идем, тем беспокойнее на душе.

— Я волнуюсь за Кита, — говорю тихо.

Знаю, что сейчас не время, но я волнуюсь все равно. Не могу не думать об этом.

— Он справится, — бросает Нэт через плечо.

Сейчас главное вывести Джона, я понимаю. Оставлять его здесь никак нельзя.

Все прочее уже не имеет значение.

Но я не могу так. Чем дальше, тем больше все это пугает меня.

И вдруг, когда мы уже почти вышли на задний двор, и между пристройками к выходу... Я понимаю, что за нами бежит мальчик, сын кого-то из слуг...

— Ваша Светлость! Ваша Светлость! — кричит он. — Там ваш сын! Он ранен! Скорее! Королева хочет убить его!

У меня обрывается сердце. Паника...

— Нет! — Нэт хватает меня за руку прежде, чем я успеваю что-то ответить, быстрым движением приваливает Джона к стене. Меня хватает за плечи. — Айлин, даже не вздумай! Ты сейчас никуда не пойдешь!

— А кто пойдет? Ты?

Он сжимает зубы, я вижу, как кадык дергается, Нэт пытается справиться с силами, чтобы сказать мне.

— Я должен отвести Джона в безопасное место. Сейчас это важнее всего. Если это не сделать, то все остальное уже не будет иметь никакого значения. Мы проиграем. Но и ты не пойдешь тоже. Я не верю ему.

— Я не могу, Нэт... Если это правда?

— Скорее, Ваша Светлость! — парень явно взволнован.

Да, я все понимаю...

Я вижу, как Нэт побледнел тоже, какие у него сейчас глаза...

— Не верь ему, — говорит Нэт. — Это Гордан, только он знает, что мы здесь. Ты пойдешь, и тебя схватят.

— А если я не пойду — Кита убьют!

У меня даже в глазах темнеет, когда я думаю о том, что могу не успеть.

— Ты не сможешь! — говорит Нэт. — Не лезь! Я отвезу Джона в безопасное место и вернусь за Китом.

— А если будет уже поздно?

— Тогда поздно уже сейчас! — он почти орет на меня, ему тоже страшно. — Прекрати! Не делай глупостей!

— Отпусти! — так же кричу я. — Ты не сможешь удержать меня! Делай, что должен! Не теряй время! А я не могу! Не могу, слышишь! Я вообще не должна была соглашаться на это! Отпусти!

Нэт делает глубокий вдох...

— Хорошо, — говорит он. — Тогда пойдем вместе.

И смотрит на меня так пристально.

Да ну...

— А как же Джон? — говорю я растеряно.

— Да и черт с ним, — Нэт решительно пожимает плечами. — Не смог удержать корону, и пусть сдохнет. Пойдем.

Хватает меня за руку и тащит назад.

Вот тут у меня что-то щелкает. Я понимаю, что он блефует, по большей части. Уверен, что я сейчас передумаю. Но с другой стороны, его дури и упрямства хватит, чтобы пойти до конца.

И тогда все...

Я упираюсь, пытаюсь его остановить.

— Подожди! Ты не можешь!

— Могу, — спокойно говорит он, и это его спокойствие действует сильнее недавнего крика. — Я уверен, что это ловушка. Ты пойдешь, и тебя убьют там. Или возьмут в заложники, и тогда мне останется только прийти и сдаться, и отдать им Джона. Убив тебя и меня, они в любом случае убьют Кита, он им не нужен. Так какой смысл тогда? Идем уж сразу.

— Нет, — я дернулась из его рук, пытаюсь освободиться. — Так нельзя!

— А как можно?

Я глянула на Джона, он сполз по стене на землю, сидел, привалившись спиной, пытаюсь отдышаться. Сам он никогда не доберется до места.

У меня сердце разрывалось. И голова тоже, от необходимости решать.

— Джон сам не дойдет... Ты уйдешь, и они заберут его снова. Убьют, а потом скажут, что это ты его убил.

— Да, — говорит Нэт. — Если я брошу его сейчас, так и будет.

— Тогда почему...

— Я не оставлю тебя одну. Если так хочешь уметь — идем вместе. Он смотрит мне в глаза. Дури у него хватит.

Я не могу...

Надо что-то делать, иначе мы теряем время.

— Ты уверен, что это ловушка? — говорю я.

— Да, — говорит он.

— А если Киту действительно грозит опасность?

Лицо Нэта неуловимо становится суровее и строже.

— Он знал, на что идет. Ради спасения своего короля. Все мы сражаемся и умираем за это. И здесь и на войне, и всегда, это наш долг.

Я понимаю. И мне хочется разрыдаться прямо здесь от бессилия.

— Но ведь ты вернешься за ним... потом... — говорю я шепотом.

И Нэт, наконец, выдыхает с облегчением. Я сдалась.

— Да, — говорит он. — Как только передам Джона своим людям, то сразу вернусь. Айлин, пойми, если Кита хотели убить сразу — он уже мертв и тут ничем не поможешь. Если сразу не убили, то у нас еще будет время. Им не нужен Кит, им нужен Джон. И Кит куда выгоднее как заложник, а не как покойник. Все будет хорошо.

Я киваю. Понимаю, что слезы текут. Но у нас мало времени...

* * *

Маленький домик в лесу.

О его существовании знали только Нэт, Джон и еще парочка доверенных людей.

А теперь и все мы.

Турун привезли сюда еще прошлой ночью, она будет лечить короля, она много трав и хитрых зелий знает, чтобы Джон быстрее пришел в себя. Чем быстрее мы сможем решить все это, тем лучше.

Неподалеку, на дороге и вокруг, нас охраняют вооруженные люди, чтобы никто не подошел незаметно.

Выбравшись из замка, встретившись со своими, Нэт передал нас с Джоном под охрану и поехал назад.

— Все будет хорошо, не бойся, — кивнул напоследок...

Мы приехали в тот дом.

Где-то через час на дороге появился Кит, вместе с Майрет... ох, я и не сомневалась, что он заберет ее.

А Нэта не было.

Едва спрыгнув с лошади, Кит сразу кинулся ко мне. А я поняла, что у меня не хватает сил даже обнять его. Я безумно рада, я так переживала о нем и это...

Но это значит и другое.

Там на самом деле была ловушка, и попал Нэт.

Что мне делать теперь.

Я боялась потерять сына, а вышло, что потеряла... нет, он вернется!

— Мама! Как ты? — Кит такой радостный. — Все хорошо? Все получилось?

Он широко улыбался, и я понимала, что у Кита, скорее всего, все получилось как надо. Что все хорошо.

Но он не знает.

И, может быть, все еще обойдется? Ведь Нэт умеет за себя постоять. Они просто разминулись с Китом.

— Мы привезли сюда Джона, — сказала я.

— Все получилось? Отец в доме?

У меня губы дрогнули, я зажмурилась.

— Мама?! — Кит схватил меня за плечи, испуганно. Его лицо мгновенно изменилось, вся радость схлынула.

Нет, нет... Я и сама не готова поверить, что Нэта могли убить, так что не стоит пугать Кита.

— Я просто не знаю, где он, — мотнула головой. — Надеюсь, скоро вернется. Просто волнуюсь. Не пугайся, Кит... я уверена, все будет хорошо.

Я сама плохо верила, губы дрожали.

— Что случилось?

Еще немного, и Кит сам будет готов кинуться спасать отца.

Я объяснила ему. Рассказала, как за нами выбежал мальчик, как сказал, что Кита хотят убить, Шибел хочет... и нужно скорее... и я сама хотела бежать. Но пошел Нэт.

Кит смотрел мрачно.

— Королева пыталась, да, — сказал он. — Она хотела остановить нас, но сама не могла. А когда, наконец, подоспели гвардейцы... было уже поздно. Я ранил Иварача, он упал. А Шибел начала кричать, что я убийца, что это все подстроено, и меня тоже надо убить немедленно. Лучше пристрелить на месте, пока я снова не выкинул чего-нибудь и не сбежал. Да, она кричала и требовала, чтобы меня схватили. Но с гвардейцами я договорился заранее, — тут Кит самодовольно ухмыльнулся. — Не со всеми, конечно. Мне отец рассказал, к кому лучше подойти, кто будет скорее верен королю, а кто королеве. А потом еще Майрет объявила всем, что Шибел пыталась отравить Джона. Ну и подо все это, пока они там выясняли между собой, нам удалось сбежать.

Я обняла его.

Мой мальчик...

Если все действительно так, то, может быть, стоит только подождать? Нэт просто не успел добраться. Возможно, ему не сразу удалось понять, где Кит, он пытается выяснить это. Возможно, так у него какие-то еще дела... Мы подождем. Еще немного.

Сейчас уже поздний вечер, стемнело.

Мы решили, что будем ждать Нэта до утра. Если он не появится, то Кит возьмет людей и поедет в Кетнах.

Я очень надеялась...

Меня звали в дом, но я стояла на дороге и ждала. Мне все казалось — вот-вот, сейчас появится за поворотом.

Я ждала, потом плакала, потом снова ждала.

Это неправильно.

Это ведь так несправедливо, если с ним что-то случится сейчас...

Ночью, когда стало прохладней, Кит принес мне теплый плащ.

Он долго стоял со мной, я видела, что он тоже очень волнуется, но у него там Майрет, и Киту страшно хочется скорее вернуться к ней.

Кит не говорил, конечно, но я видела.

Стоя здесь — все равно ничего не изменишь.

Поэтому я прогнала Кита в дом. Сказала, что хочу побыть одна.

Я прислушивалась к каждому шороху, к каждому лесному звуку, к тишине, к шелесту ветра в деревьях...

Я бы все равно не смогла заснуть. Поэтому лучше здесь.

Но время шло...

Я видела уже, как небо начинает сереть, скоро утро. И это значит, что ждать уже смысла нет. И я не понимала, как же мне быть теперь...

И даже дело не в том, что не могла простить себе, я ведь сделала все, как он сказал....

И не в том, что не могла теперь без Нэта жить. Не смотря ни на что, я отлично понимала, что моя жизнь без него никак не изменится, я буду жить как жила. И, вероятно, погорюю по нему, но... Но ведь ничего. У меня будут другие любовники, я, может быть, даже выйду замуж... хотя не выйду, не вижу никакого смысла в этом, у меня и так все есть. Когда все закончится, я поеду куда-нибудь к морю отдохну...

Меня пугали эти мысли.

Но если Нэт сейчас вернется, то я поеду точно так же. Я не верю, что после стольких лет что-то может измениться для нас. Да, сейчас нам вместе было хорошо... но долго ли это могло продлиться?

Я не то что за Нэта, я за себя не уверена, что мне не наскучило бы, не захотелось бы других мужчин.

Я не знаю...

Но если он не вернется сейчас, мое сердце все равно будет разбито.

И солнце встало.

Я села на траву и ждала, когда проснется и придет Кит. Когда скажет, что хватит ждать.

Он уедет, и я буду волноваться снова...

И хочется плакать, но нет слез, только скребущая пустота.

Я уже почти отчаялась.

Но вот тогда услышала стук копыт.

Глава 25. О том, что хватит бегать от самого себя

Он почти свалился с лошади. Сполз пошатываясь, кое-как держась на ногах.

— Нэт! — я кинулась к нему.

— Ты не спишь? — он удивился. — Подожди, Айлин, осторожней... сейчас в кровящи вся будешь.

Он зажимает ладонью бок, куртка, рубашка мокрая, пропитавшаяся кровью.

— Ты ранен...

— Ничего. Раз доехал сюда, то жить буду, — он ухмыльнулся. — От меня так просто не избавиться.

Я все же обняла его, осторожно, а то он едва на ногах стоял.

Ничего, все будет хорошо! Нэт здесь, и мы его вылечим! Турун настоящая ведьма, она все может! Главное — доехал!

— Я волновалась за тебя.

— Я искал Кита... и так вышло. Он ведь вернулся? — и такое напряженное ожидание ответа, даже губу закусил, глядя на меня.

— Да, он здесь. И Майрет привез.

— Я так и знал, — Нэт весело фыркнул и покачнулся, ноги подгибались. — Да не волнуйся, — отмахнулся, когда я попыталась помочь ему. — До дома я как-нибудь дойду. Ты меня все равно не донесешь.

Его шатает, он едва ли не сознание потерять готов. Но изо всех сил пытается делать вид, что все хорошо.

Пока шли к дому, Кит и Турун выскочили навстречу.

* * *

Я уснула у него на плече. На сене в сарае. Тут домик совсем маленький, и внутри только две кровати, для Джона и Майрет, остальные разместились, как могли. Турун тоже в доме, за Джоном присматривать, ей нашли старый тулуп, постелили на лавке. А мы с

Нэтом и Кит — в сарае. Не так уж плохо, мне даже нравилось, сеном пахло... успокаивающе.

И главное — хотелось верить, что самое страшное позади.

Нэт вернулся. Турун промыла и намазала ему бок каким-то зельем. Посмотрела, поцокала языком, тяжело вздохнула.

— Тебе сколько лет-то, герой? Как ты это делаешь, что до сих пор жив? Я тебя знаю меньше месяца, а уже и ожоги от пыток лечила, и вывихнутую ногу, и вот теперь еще это.

Нэт слабо усмехнулся, видно, что на болтовню у него уже почти не осталось сил. Он лежал, закрыв глаза, только чуть вздрагивая, когда пальцы Турун касались раны.

А еще несколько синяков на руках и под ребрами, и здоровая ссадина на скуле.

Но ничего страшного, я видела и сама. Сидела рядом, смотрела... Рана не глубокая, он просто крови много потерял, надо отдохнуть.

— Зато не скучно, — Нэт усмехнулся, не открывая глаз.

— Не скучно? — удивилась Турун. — А разве такой жизни ты хочешь?

— Другой у меня нет. Чем плоха эта?

— Тем, что нельзя всю жизнь бегать от самого себя. Нужно, в конце концов, найти в себе мужество остановиться и оглядеться вокруг. Вдруг ты теряешь что-то важное.

Нэт приоткрыл один глаз.

— Я ни от чего не бегаяю.

— Бегаешь, — сказала Турун. — Хочешь показаться людям не таким, какой ты есть, боишься, что они увидят тебя настоящего. Из кожи вон лезешь, чтобы всем доказать, как ты хорош. Боишься, что покажешься недостаточно храбр, недостаточно силен... недостаточно мужчина.

— Какого черта? — Нэт даже приподнялся на локтях. — Что это за проповедь?

Турун пожала плечами.

— Я не права?

— Нет.

— Мне ты можешь не признаваться. Признайся сам себе.

Нэт хмуро смотрел на нее.

— Я ни от чего не бегаяю, — буркнул резко, снова лег на спину.

— Да? — удивилась Турун. — Ты на самом деле так думаешь? А если мы у твоей жены сейчас спросим?

— Что вдруг на тебя нашло? — сказал Нэт.

— Ничего, — сказала она. — На мой взгляд, так сейчас самое время. Потом, завтра... сегодня уже, когда проснетесь, у вас снова будут дела, которые надо решать. Нужно будет куда-то бежать и что-то делать. Королевство спасти! — Турун засмеялась. — Могла ли я подумать, что буду спасать самого короля?! Но это будет потом. А пока ты лежишь здесь и можешь послушать. Я вижу тебя насквозь, Этард Муррей. Не думай, что твое герцогское сияние затмевает глаза. Ты такой же, как и все прочие.

Турун глянула на меня, но я промолчала. Да и вряд ли она ожила от меня какой-то ответ, спрашивала Нэта, а не меня.

А если я хочу что-то ответить на это, то отвечу лучше ему лично.

Когда Турун закончила, мы остались вдвоем. Кит сказал, что уже утро и ушел. А я легла рядом с Нэтом. Я ведь всю ночь не спала.

Он долго лежал, глядя в потолок.

— Ты тоже думаешь, что я от чего-то бегаю? — спросил тихо.

— Да, — сказала я.

— От тебя?

— От меня точно бегаешь... возможно, от чего-то еще. Я не настолько хорошо вижу тебя насквозь. Но, пожалуй, да.

Мы ведь никогда об этом по-настоящему не говорили.

— Мне всегда казалось, так будет лучше, — сказал Нэт. — Ты не любишь меня, и зачем я буду...

Он поджал губы.

Хотелось сказать — и что ты сделал, чтобы я тебя полюбила?

С другой стороны — и что я сделала, чтобы понравиться ему?

Мы друг друга стоим.

— Это уже не важно, — сказала я.

— Думаешь? И что будем делать теперь?

Я смотрела на него, а он в потолок, словно боялся встретиться со мной взглядом.

— Не знаю, — сказала я. — Наверно, ничего. Меня моя жизнь вполне устраивает. Если мы вернем Джона и все будет хорошо, то и для нас все будет по-прежнему.

Он вздохнул, так глубоко и долго.

— Найдешь себе нового мальчика?

А мне вот даже стало смешно.

— Тебя это волнует? Или хочешь помериться, у кого из нас было больше мальчиков и девочек?

Поймала себя на том, что меня волнует. И я точно так же пытаюсь сбежать, боюсь пробовать, боюсь, что ничего не выйдет. Лучше даже не думать.

Он вздохнул снова, скорее засопел сердито. Но возражать не стал.

— Да, ты права.

Но не ответил.

— Ты не ответил, — сказала я. — Сейчас ты снова уходишь от ответа.

Он нахмурился. Потом повернулся ко мне. Долго, молча, на меня смотрел. И я прямо видела, как у него внутри идет какая-то борьба. Он боится признаться.

— Волнует, — сказал, наконец, и отвернулся снова.

— Ты ревновал меня к Гордану, я видела, — сказала я. — К другим нет, а к Гордану ревновал.

— Потому что он никогда мне не нравился.

— Потому что я влюбилась в него.

Нэт напрягся, каждая мышца... почти до дрожи. Еще немного, и сорвется, скажет мне что-то резкое и злое.

Турун права.

Вдох, выдох.

— Да, потому что ты в него влюбилась, — признал все же, и сжал зубы.

Я нашла его руку рядом, сжала пальцы.

— Балбес ты, — тихо сказала я. — Не ревновать надо было.

— А что?

— Не знаю... Что-нибудь.

Пододвинулась ближе. Он осторожно сжал мои пальцы в ответ. Я положила голову ему на плечо.

— Что-нибудь... — тихо хмыкнул. — Может быть, еще не поздно попытаться?

— А ты попробуй, — сказала я. — Проверим.

Я проснулась после полудня, в голове слегка шумело. Все же, в моем возрасте уже важно нормально спать, а не вот это вот все. Без бессонных ночей и нервов.

— Проснулась? — Нэт поцеловал меня в лоб.

— Да. Как ты?

— Да вроде ничего, — сказал он. — Сейчас встанем, проверим.

Встать он смог не с первого раза, сморщился, но встал — и это уже хорошо.

Потянул носом.

— Что-то они там готовят. Чувствуешь?

Ну, конечно, Нэта на ноги поднял запах еды. Значит, жить точно будет. Даже немного смешно, ничего его не берет.

На ступеньках крылечка сидел Джон, задумчиво глядя куда-то в лес.

Нэт подошел, остановился рядом.

— Ну что, пришел в себя, хоть немного? — спросил мрачно. Не очень так довольно спросил.

Джон повернулся к нему. Не сказать, что взгляд у него ясный, но лучше, чем на помолвке.

— А ты, выходит, мне жизнь спас? — сказал чуть хрипло, усмехнулся.

И Нэт вдруг взял и со всей дури врезал ему в зубы. У меня аж сердце остановилось. Джон покачнулся, не удержался, завалился на бок, почти на землю со ступенек свалился, с таким грохотом...

— Да как ты... Какого черта?! — заревел он, трогая разбитую губу.

Относительная ясность рассудка к Джону, может быть и вернулась, а вот реакция — пока плохо. Он пытался подняться и не мог, словно пьяный. А Нэт стоял и смотрел.

— Ты обещал не трогать мою жену, а сам затащил ее в подвалы к Гордану, — сказал он, без особой злости, но видно, что забыть такое не мог.

— Да ты сдурел? — Джон кое-как сел на землю. — Я должен был знать! Я понимал, что в этом деле что-то не чисто, но не мог понять что.

— Это не повод.

— Он был не в себе. Не стоит так, — Турун появилась на пороге, с поварешкой в руках. — Не дури, Нэт. Он все-таки король.

С таким видом, словно сейчас этой поварешкой Нэта огреет за плохое поведение.

Джон кивнул согласно, глянул на Нэта, словно хотел сказать: «Да! Вот, слушай ее! Она правильно говорит!»

— Да мне плевать, — Нэт пожал плечами. — Я уже давно покойник, чего мне бояться?

— И ты не хочешь вернуться? — удивился Джон.

— А ты?

Джон усмехнулся, протянул руку.

— Хватит. Помогите мне встать. А то ноги не держат.

Нэт вздохнул, засопел грозно, но встать-таки помог, взял за руку.

— Что бы я про тебя не думал, но ты нам нужен.

Помог Джону сесть снова. Турун подошла, отряхнула Джона от земли. С ухмылкой погрозила Нэту поварешкой, и подмигнула.

— Обед уже почти готов, Ваше Величество. Если этот балбес поможет вам, то можете идти к столу.

Нэт усмехнулся в ответ.

— Этот балбес, между прочим, герцог.

— Нет, — Турун покачала головой. — Этот балбес покойный герцог, так что не считается. Был герцог, теперь нет. А настоящий герцог его сын, между прочим, хороший парень, пока все спали, двух уток у ручья подстрелил, еще морковку помогал мне чистить.

Погрозила Нэту поварешкой снова, он засмеялся.

Майрет помешивала рагу в котелке. Турун и ее к делу пристроила — подумай, принцесса.

Увидев Нэта, замерла. Кит быстро вскочил из-за стола, подошел к ней, словно собираясь защищать.

— Дядя Нэт... — чуть слышно шепнула Майрет. — Я...

— Она не виновата, — сказал за нее Кит. — Ее заставили. Сказали, что Нивена убьют... он ведь ее брат все равно!

— Я понимаю, Кит, — сказал Нэт спокойно. — Не волнуйся, я не собираюсь выяснять отношения сейчас. Я только... — он подошел ближе, и тихо так: — Майрет, а можно на пару слов тебя... наедине.

— Да, — сказала Майрет. — Но если ты хочешь спросить... — она все же, почти незаметно, взяла Кит за руку. — Я просто

подмешала тебе зелье в вино, которое мне дали. А потом ты просто уснул... и все... Я не хотела...

Нэт кивнул.

— Я понимаю.

— Я пыталась рассказать матери об этом, — сказала Майрет. — Но вышло только хуже... я не знала, что она с ними заодно. Я боялась за Нивена, не понимала, что делать. Я думала, успею потом объяснить отцу, прежде, чем... что-то случится. Но если ты хочешь поговорить о чем-то еще, то я...

— Да нет, — Нэт улыбнулся. — Все хорошо, не волнуйся. Я все понимаю. И я сам должен был понять эту игру раньше, а не вестись, как дурак... Здесь и моей вины не меньше.

— Игры — это не твое, — сказал Джон из-за спины. — Ты всегда был отличным полководцем, Нэт. Сражаться умел лучше любого, из всех, кого я знаю. И побеждать. Всегда был верен мне. Но эти игры... — Джон фыркнул, похлопал его по плечу. — Прости Нэт, но здесь ты далеко не лучший. Я всегда ценил тебя не за это.

Нэт криво усмехнулся.

А Джон, чуть шаркая ногами, дошел до лавки, со вздохом уселся за стол. Ходить ему еще тяжело.

— О Нивене, кстати... — сказал Джон. — До тебя, Нэт, уже ведь дошли слухи, что он не мой сын?

Он говорил так, словно в этом какой-то подвох.

— Дошли, — сказал Нэт мрачно. — Что ты будешь делать?

— Подожди, не так быстро, — Джон усмехнулся. — Какие доказательства у тебя есть?

И смотрел, чуть приподняв бровь, так, что подвоха стало еще больше.

Что-то не так? Все, что у нас есть — только предположения.

— У Шибел был роман с Хальдором Коулзом, где-то месяцев за девять до рождения Нивена, — сказал Нэт. — У Хальдора такие же синие глаза.

— Глаза, да, — Джон усмехнулся. — У бабки Шибел такие же глаза. Ты видел ее племянников? От Бэвинн? Нивен похож на них один в один. Но дело даже не в глазах. Когда все это с Нивеном закрутилось, когда убеждали меня отправить Нивена в Лотиан, мне намекнули тоже. А я проверил. В то время, десять лет назад, у Шибел была другая

горничная. Шибел выгнала ее, потому что боялась, что та разболтает об измене. Очень боялась, что я узнаю. Но Шибел дура, она лишила себя единственного стоящего свидетеля. Нивен родился через восемь месяцев, после того романа. Когда она встретила с Хальдором, она уже была беременна. Да, было еще незаметно, конечно, слишком маленький срок, но она уже знала. И сейчас, устроив все это, думаю, Шибел больше боялась не за Нивена, а за себя. Потому что даже спустя столько лет, я бы этого так не оставил. Дело даже не в измене, как таковой. Дело в том, что она поставила под сомнение законность наследника.

Нэт смотрел на него внимательно, почти удивленно. Потер ладонью подбородок.

— И когда ты узнал все это?

— Да вот как раз перед тем, как меня решили травить окончательно. У меня свои источники, Нэт. И, думаю, именно поэтому они решили больше не тянуть. С законным наследником хлопот больше.

— Так ты уверен?

— Уверен, — сказал Джон.

Глава 26. О возвращении домой и том, что по-старому не будет

Ришерт Иверач высокий, худощавый, седой уже больше, чем на половину. Чем-то похожий на орла. Сегодня он ответит перед судом. Он стоит в Большом Зале там, где не так давно стоял Нэт, в окружении четырех гвардейцев. Но кандалов на нем нет. И это несправедливо.

Нэт сидит рядом со мной, смотрит в окно. Он словно не здесь и думает не о том... Напряженная складка между бровями.

Я осторожно беру его за руку. Он вздрагивает. Оборачивается ко мне, чуть виновато, словно только очнувшись.

Джон на троне... Джон очень настаивал, чтобы Нэт сам вел это дело, чтобы сейчас стоял рядом с ним, но Нэт отказался. Сказал, что все это слишком личное, и он не может быть объективен. Сказал, что сделает все, что в его силах, все подготовит и выступит в суде, как свидетель, без сомнений, но... останется в стороне.

Сегодня утром, перед судом, он сказал мне, что окончательно осознал — никогда больше не будет относиться к Джону по-прежнему. Он будет служить так же верно, ведь это его долг. Будет служить, потому, что если сейчас хоть немного отойдет в сторону — появятся желающие место занять, а еще одной попытки смены власти мы все можем не пережить.

И еще — ради Кита. Для его успешной карьеры никак нельзя портить отношения с королем.

Но прежней дружбы больше не будет.

Во дворец мы возвращались под охраной всей армии Арраншира. Переполошили людей, все окрестные деревни, весь Кетнах. Кто-то наверняка решил, что началась война, на нас напали... или вооруженный мятеж, по крайней мере. Но нет, просто законный король возвращается на законное место.

Специально с эскортом проехали по улицам города, чтобы люди видели своего короля.

И Фергюс прислал людей, обозначив этим, что всячески готов поддержать корону... ну и меня лично, я получила от него письмо. Фергюс звал меня непременно погостить, рассказать ему все из первых

уст и поправить нервы солнечных берегах. Я написала, что приеду. Пока не знаю когда, но — обязательно.

Сопротивления в замке не было, дворцовая гвардия встретила возвращение Джона радостными криками. Королева не посмела отдавать приказы мешать нам.

Люди, приехавшие с Ришертом Иверачем — сложили оружие, оказавшись в меньшинстве.

Сам Иверач приехал в Кетнах за пару дней до нас, надеялся, что еще может что-то исправить, но исправить не смог, было поздно. До этого мы хотели подождать еще немного, но сейчас решили не тянуть. Не стоило оставлять ему дворец.

Иверач отправится на плаху. И за все, сделанное сейчас, и за убийство старшего принца Эйрика много лет назад. Гордан даст показания. За это Гордану сохранят жизнь и отправят в ссылку на Орские острова на север, но лучше такая жизнь, чем никакой.

Брак с Шибел будет расторгнут. Джон уже подал прошение о том, чтобы церковь одобрила развод. В виду особых обстоятельств его должны одобрить. Джон все же кроль, а королям позволено больше. А если откажут... Джон сказал, что в таком случае он планирует стать вдовцом. Так или иначе. Шибел не жалела его, и он ее не пожалеет.

Так что скоро у нас, полагаю, будет новая королева.

В этой истории я больше всего переживаю за Нивена. Парень уж точно ни в чем не виноват. Из Лотиана его привезли уже во дворец. Его мать под стражей, его отец смотрит холодно. Несмотря на все уверения Джона, что он уверен — Нивен его сын, я вижу сомнение в глазах. Джон и раньше образцовым отцом не был, а теперь и вовсе почти не смотрит на мальчика. Только Майрет старается всегда быть рядом, поговорить и поддержать, но этого мало... А еще Кит. Думаю, Кит старается больше для Майрет, желая ей понравиться, но я все равно вижу, как они ездят на прогулки втроем, как Кит учит Нивена лазить по деревьям... Майрет пытается заменить брату мать, а Кит, похоже, отца. И чем дальше, тем лучше он справляется, и справляется искренне. Ничего, пусть тренируется.

А еще я понимаю, что если Джон женится снова, если у него будут другие сыновья, то Нивен, скорее всего, может лишиться своего права на корону... Но до этого еще надо дожить.

Строить так далеко идущие планы я пока не готова.

— Лорд Ришарт Иверач, — слышу я, — признаете ли вы себя виновным.

И Иверач все равно «лорд», даже здесь. А не «Ришарт из Лотиана»... и это несправедливо снова.

Но причины я, пожалуй, знаю. Нэт наговорил Джону много всего. Вероятно того, что не стоило бы. А Джон король. И он очень самолюбив. Он не станет наказывать, Нэт слишком много сделал для него. Но запомнит.

Пройдет много времени, прежде, чем все уляжется. И хочется верить в лучшее.

— Когда все успокоится немного, — тихо говорю я, — давай поедем вместе в Уолш ненадолго? Фергюс звал меня. Думаю, он и тебе рад будет.

— Не думаю, что будет, — пожимает плечами Нэт. — Меня он не звал, ему приятно твое общество, а не мое. Поезжай сама, если хочешь. Я знаю, тебе там нравится.

— А ты?

— У меня тут дела, Айлин. Думаю, даже для таких поездок у меня нет времени.

— Джон отпустит...

Нэт вздыхает, смотрит на меня, словно стараясь найти еще предлог...

Для нас обоих это оказалось слишком сложно — менять привычки.

Мы не привыкли вместе. Не умеем так жить.

Мне не нравится Кетнах, не нравится дворец. Здесь слишком много людей, слишком много сплетен, слишком много лишнего для меня. В Оване спокойней и лучше. Но Нэт сейчас уехать не может.

Раньше было проще, я была свободна и могла идти куда хочу. Дело даже не в других мужчинах, дело в том, что я жила без оглядки на кого-то еще, лишь так, как хочу сама. Я не жалуясь, но...

И Нэт не жалуется, он все так же улыбается мне по утрам, так же целует... Но чем дальше, тем отчетливее я вижу, как его взгляд снова цепляется за смазливых девиц. Нет, пока Нэт не делал даже шага в сторону... не полшага, но... полагаю, это вопрос времени.

Я и сама ловлю себя на этом. Да, привычка. Я не влюбленная девочка, чтобы разом обо всем забыть, чтобы чувства кружили

голову... я знаю Нэта много лет, какие тут чувства? Нет, я не собираюсь изменять ему, по крайней мере сейчас. Но мой взгляд так же цепляет, все равно.

От Фергюса в Кетнах приехал его внук, Никлас, не наследник, но старший сын его среднего сына. У него дела к Джону, по большей части. Он представляет интересы Уолша, от имени Фергюса ведет дела и раздает обещания. Сейчас многое нужно решить.

Деловой и серьезный, немного моложе меня... красивый, именно тот тип мужчин, который я всегда любила. У него есть жена, дети... но, как водится, это договорной брак без особых привязанностей... Они где-то там.

Раньше я бы не упустила его.

А Никлас сам не упускает случая заглянуть ко мне и напомнить, что дед очень ждет меня.

И Нэт еще говорит — поезжай к нему, отдохни.

Нэт же видит? Или он сам ни в чем не уверен и хочет, чтобы я первой сделала этот шаг? А самому остаться чистым?

Не думаю, что все именно так... но хочет. Не ради чистой совести. Но иногда мне кажется, наши попытки играть в семью тяготят его.

Иногда тяготят и меня тоже.

Не знаю...

Но мне кажется, что если я уеду, то все, что хоть немного изменились между нами — снова вернется на круги своя. Пока я засыпаю и просыпаюсь рядом с Нэтом — я еще могу поверить, что можно все изменить. Мне ведь хорошо с ним. Я вижу, что и ему хорошо тоже.

Не знаю, хочу ли я, чтобы так было всегда. Но почти могу в это «всегда» поверить.

А если уеду... Все закончится.

* * *

У Нэта свои покои во дворце, он живет здесь подолгу. Несколько комнат, своя небольшая гостиная, даже библиотека. Теперь я и живу тут вместе с ним.

Пока он занят где-то там, с Джоном, я сижу читаю. У Нэта тут много интересных книг. Не уверена, что моей любви к чтению хватит надолго, но...

В дверь постучали.

— Пришел сэръ Никлас, миледи.

Что ж, я велела пустить.

— Добрый вечер, леди Айлин! Я не слишком поздно? — он улыбался и совершенно точно слишком поздним свой визит не считал.

— Прошу вас, проходите, — сказала я.

Что ж, по крайней мере, я послушаю, чего он хочет.

Впрочем, тут и слушать нечего, все, что он хочет — я вижу по глазам.

— Я уезжаю домой совсем скоро, — говорит Никлас чуть небрежно. — Буду очень рад, если вы в скором времени посетите нас. И мой дед тоже будет весьма рад этому, — он склоняет голову, улыбается.

— Да, благодарю, вы уже говорили мне это, — я так же вежливо улыбаюсь в ответ.

А Никлас берет и садится в кресло рядом, словно у себя дома, словно я уже разрешила.

— Завтра меня пригласили покататься по полям в окрестностях Кетнаха, — говорит он. — Не хотите присоединиться? Мне говорили, вы любите конные прогулки.

Люблю. Вот только сейчас я не уверена, что стоит.

Сейчас я вообще ни в чем не уверена.

— Не думаю, что у меня будет время завтра.

— Вы будете слишком заняты? Будете сидеть в четырех стенах и ждать мужа?

— Какого черта? — удивилась я. Вроде бы не давала повода для таких заходов. Или моя репутация сделала это за меня?

— А разве нет? — удивился он. — Я же вижу, вы скучаете, миледи. Я бы даже сказал — страдаете. Мы ведь встречались с вами, и тогда вы были такой веселой, а теперь — словно поникли... Я понимаю, вам нелегко пришлось. Но, может быть, сейчас самое время развеяться?

Он сидит в кресле, так удобно устроившись, и совершенно точно сдаваться не хочет.

— Я не уйду, пока вы не согласитесь, миледи, — Никлас самодовольно улыбается. — Не могу смотреть, как вы скучаете.

— Хотите осчастливить меня?

— Хочу хоть немного вас развлечь, — моего сарказма Никлас, очевидно, не уловил. — Что вы читаете?

Я протянула ему книгу.

А он встал, и вместе с книгой взял меня за руку.

— У вас такие нежные руки...

Склонился поцеловать.

Я уже собиралась грубо послать его, или даже дать пощечину, терпеть не могу такую настырность.

Но тут, внезапно, открылась дверь.

И Нэт на пороге.

Стоит и смотрит, как Никлас целует мне пальцы.

Совсем недавно — это бы ничего не значило. Но сейчас...

— Милорд! — говорит Нэт мрачно. — Что вы здесь делаете?

Я вижу, как сжимает зубы и тихо начинает багроветь.

И мне вдруг интересно — что Нэт сделает? Дурацкая мысль, но я хочу увидеть это... Я столько раз видела, как он дрался за других женщин, но ни разу не видела, чтобы проявил настойчивость в отношении меня.

— Сэр Никлас зашел пригласить меня завтра на прогулку, — говорю я, и улыбаюсь Нэту, словно все это по-прежнему в порядке вещей.

Давай же, пообещай самодовольному болвану разбить морду, если он немедленно не уберется. Я ведь нужна тебе? Хоть какой-то повод найди выставить его или меня увести подальше.

Где-то краем сознания понимаю, что веду себя сейчас примерно так же, как Нэт когда-то, притащив мне три чужих чулка. Но я ведь имею право на ответный ход?

Ну, же, Нэт! Признайся хоть раз, что любишь меня и никому не отдашь! А то я сама начинаю в тебе сомневаться. Я ведь тебе нужна?

Или ты успел одуматься и хочешь вернуться к прежней жизни?

Но снова виноват ты быть не хочешь, так пусть лучше я сделаю этот шаг?

Вижу, как у Никлоса чуть дергается глаз. Нэта он боится. За его спиной он заигрывать со мной готов, но вот так, встретившись лицом к

лицу — не очень.

— Прогулку... — говорит Нэт еще мрачней.

— И я согласилась! — уверенно говорю я. — А то у тебя вечно дела, мне скучно!

Нэт смотрит на меня, и я смотрю прямо ему в глаза.

— Хорошо, — чуть хрипло говорит он. — Как пожелаешь. Я зашел сказать, что сегодня меня ждать не стоит, мне подкинули разных бумаг, надо разобраться... Так что допоздна точно...

И поворачивается к двери.

— Не скучай, — говорит еще, почти шепотом.

Да ты сдурел?

Хочется догнать, огреть чем-нибудь по голове!

Я готова поклясться, он ведь не за этим приходил! Но сейчас сбегает от меня снова.

Обидно и... черт побери! Не буду я за ним бегать в чем-то разубеждать, если у него самого мозгов нет! Мне плевать, что он там подумал, это его дело! Если жить вместе и терпеть такую дурь постоянно — то лучше не жить и не терпеть. Я не буду. Лучше сразу.

И пусть проваливает.

Никласа я тоже выставила за дверь, чуть позже, давая Нэту возможность уйти.

Пыталась почитать книгу снова, но никак не могла сосредоточиться.

Вот и уеду в Уолш! Пусть знает! А если ему надо — то пусть сам за мной бегаёт. Это же он от меня сбежал. Так что пускай теперь бежит за мной.

Я сидела и ждала его... до темноты.

И когда стемнело тоже ждала. Потом пыталась плюнуть и лечь спать, но лето, открытые окна выходят в сад. А там в саду слышны голоса. Какая-то парочка. Мужской голос почти не слышно, не угадать, зато женское хихиканье и вздохи.

И воображение так услужливо рисует Нэта с какой-нибудь девкой там. Чего уж проще. Если он не пришел спать, то он где-то гуляет, по старой доброй традиции.

И мне не спалось.

А утром я отправилась на прогулку. И весь день усердно делала вид, что у меня все отлично.

И даже Никласа, который весь день крутился рядом, не пыталась прогнать.

Он милый, на самом деле, и когда не пытается меня осчастливить — с ним весьма интересно поговорить.

И когда он помогает мне спрыгнуть с коня... его руки надежные и сильные... и лишнего он себе не позволяет, это приятно. И пару месяцев назад я бы и сомневаться не стала, уже этой ночью мы бы кувыркались в постели.

Но все мои мысли о чем-то не о том... Я не могу больше жить так, как жила раньше. Даже сама толком не пойму — что мешает мне. Нэт от меня ничего не требовал и я ему ничего не обещала. Но не могу. Даже не потому, что так неправильно, а просто не хочу.

Когда стемнело снова, а Нэт снова не пришел, я отправилась искать его сама.

Хотя бы затем, чтобы высказать ему в лицо все, что я о нем думаю.

Нашла его в кабинете... Свечи, пачка бумаг на столе. Он читает что-то...

Значит, все-таки дела, а не хихикающие девицы?

Или он успеет все?

Поднял на меня глаза, когда я вошла. Вздрыгнул. И молча поднялся сам.

— Ты так сильно занят? — спросила я.

— Не хотел тебе мешать, — сказал он сухо.

— Мешать? — удивилась я. — Трахаться с Никласом?

Он дернулся, вытянулся даже. Зубы сжал. Я видела, как его распирает от желания сказать что-то грубое, но он пытается держаться.

А вот не надо держаться, лучше скажи. Давай уж выясним все!

Он молчал.

А я не могла так!

— Скажи мне, Нэт! Ты уже сам жалеешь, что решил попробовать начать все заново со мной? Тебе надоело? Хочется других развлечений? Сам-то чем был занят вчера ночью?

— Я был здесь, — тихо сказал он, глухо. Вздрыгнул. Еще несколько долгих мгновений собирался с духом. — Но ты, наверно, права. Я не жалею, но... я, пожалуй, так не смогу. Нельзя же посадить тебя под замок. А видеть постоянно рядом других мужчин... даже если ничего

и не было... я... — вздохнул снова. — Айлин, мы оба привыкли к другой жизни и сложно что-то менять.

Вот так...

Я был почти права. Не выйдет...

Ну и черт с тобой. Пусть. Так даже лучше.

— Завтра я уезжаю в Уолш с Никласом, — сказала твердо.

Глава 27. О том, что за любовь надо бороться

В Уолше хорошо. Летом и особенно ранней осенью, когда солнце уже не палит так, но еще теплая вода и все зеленое вокруг.

Фергюс был рад мне.

— Я знал, что Никлас привезет тебя! Он должен был тебе понравиться!

Обнял меня.

Я понимала, что Фергюс вполне искренен в своих чувствах, мое общество ему приятно, как в целом и мне его, он интересный собеседник, много повидал на своем веку.

Но иногда проскакивали и другие мотивы. Чуть более корыстные. Хотя Фергюс ни на чем не настаивал.

Я провела тут достаточно времени, почти до конца осени, была возможность все обдумать и разглядеть.

К концу лета стало известно, что Джону одобряют развод, формальности займут много времени, и жениться снова Джон сможет не раньше, чем чрез год. Но новую жену он себе уже присматривает... Впрочем, ко мне это отношения не имеет.

Отношение имеет другое.

Фергюс намекал, что раз уж одобрено королю, то, вслед за этим, может быть одобрено и нам с Нэтом. Нэт, конечно, герцог, а не король, и вопрос о законном наследнике не стоит, Кит уже взрослый и ему самому пора заводить детей. Но вероятность получить такое разрешение есть.

Зачем? А разве я не хочу свободы? — удивлялся Фергюс.

Полагаю, он видел в этой ситуации что-то полезное для себя. Возможно, мое наследство виделось ему заманчивым, Фергюс Бейтан выгоды никогда не упустит... И даже если не сам он попытается жениться на мне, то найдет подходящего внука или племянника, и мои деньги все равно перейдут в его семью.

Мне он обещал счастливую жизнь, все, что я пожелаю...

Но я пока выгоды не видела никакой.

Возможно, лет десять назад я была бы и рада такой возможности. Получить свободу, завести другую семью... Но тогда такого мне никто не предлагал, а без поддержки я бы никогда такое разрешение получить бы не смогла. Оснований не было. Они и сейчас не слишком-то убедительны, но...

Нет, лет десять назад я бы не смогла. Брошенная жена, от которой отказался муж и взял новую — я бы не выдержала. Меня бы втоптали в грязь. Это теперь я куда старше и у меня есть свои друзья. Сейчас я что-то стою сама по себе, без мужа-герцога.

Но сейчас мне это не нужно.

Моя формальная свобода ничего не изменит. Я не вижу смысла в ней. И я не стану выходить замуж снова.

Я сказала Фергюсу «нет», и он это принял, как мне казалось.

Но к концу осени он пришел снова и сказал, что Нэт готов прошение подписать, и дело только за моим словом.

Я...

Значит, Нэт готов отказаться от меня окончательно?

Я, конечно, сбежала от него сама, но...

Этого следовало ожидать.

Был порыв подписать все Фергюсу сразу, не раздумывая. Обманывать меня он не станет, и если Нэт действительно готов, то так и есть. Так зачем же я буду мешать его счастью.

Но потом решила, что для начала поеду в Кетнах и поговорю с Нэтом сама. Не потому, что не верю Фергюсу. А просто так будет правильно. Я хочу услышать это от него.

И в любом случае надо съездить, узнать, как дела у Кита. Его свадьба с принцессой назначена на весну, подготовка уже идет.

Я уже почти собралась, но Кит приехал сам.

* * *

Я вернулась с прогулки, а он ждал в гостиной.

Беате, младшая дочь Фергюса, вежливо поила его чаем, но поглядывала недобро.

Едва войдя, едва глянув на него, поняла, как невероятно Кит изменился за это время. Ведь и полгода не прошло. А он повзрослел,

перестал быть похожим на беззаботного лопоухого щенка, стал взрослым мужчиной... и еще больше стал похож на отца. Похож до боли... у меня сердце заболело.

— Мама, — серьезно сказал он, поднялся. — Мне нужно с тобой поговорить.

Беате, уже собравшаяся было подлить чайку в чашку — озабоченно подобралась.

Я обняла его, от Кита пахло лошадьё и мокрой шерстью дорожного плаща. Он успел переодеться и умыться, но это все равно осталось, пробиваясь сквозь цветочный аромат мыла. И почему-то успокаивало...

— Как ты, Кит? — спросила я, пока шли ко мне.

— Хорошо, — сказал он. Так просто и уверенно, что сразу понятно, у Кита все под контролем. — У нас с Майрет свадьба через месяц, так что формально я приехал пригласить тебя лично.

— Но ведь должна быть весной? Решили перенести?

— Да, — он дернул плечом и усмехнулся. — Так вышло. А то Джон взялся тянуть, обещая всякое... хотел даже отложить еще на год, начал болтать об укреплении династических связей... И Майрет сказала — к черту его, мы не будем ждать.

— Подожди... Майрет что, беременна?

— Да, — сказал Кит. — Ты не волнуйся только, все хорошо. Она сама предложила. Ну и я... А то ей уже начали по-тихому принцев сватать.

А Майрет своего не упустит. И уж точно не станет никого бояться.

Когда мы только вернули Джона во дворец, он говорил о свадьбе Кита и Майрет как о деле само собой разумеющемся, как о чем-то, что будет непременно и скоро. А теперь, значит, появились принцы...

А эти двое решили планам Джона помешать?

— И что Джон сделал, когда узнал об этом? — спросила я.

Кит усмехнулся.

— Он смирился.

— Смирился?

— Я говорил с Гремахом, — сказал Кит, — и он считает, что союз с Такорой все равно не пошел бы нам на пользу. Они пытались склонить Джона на свою сторону, но нам это не слишком выгодно, требует больших вложений, а в итоге кроме благодарности и смутных

перспектив рассчитывать не на что. Но они так насели, что Джон никак не мог найти повода отказать. Теперь точно отказать придется. Так что Джон, по большому счету, вздохнул с облегчением. Если даже не вздохнул, то не стал возражать.

— Ты говорил с Гремахом? — удивилась я.

И даже не этому, а «нам это не выгодно» — от Кита. Так он сам уже по уши влез в государственные дела?

— Да, — Кит пожал плечами. — Если хочешь жениться на принцессе, приходится быть в курсе и учиться находить общий язык с людьми. Джон доверяет мне.

— Джон доверяет тебе?

Кит отчетливо смутился, и мне даже стало стыдно, я ведь не то, чтобы сомневаюсь в нем, я просто не привыкла его таким видеть.

— Думаю, Джон скорее видит во мне молодого отца... преданного и... невольно переносит на меня то...

— Кит, — я остановила его. — Прости меня, я в тебе не сомневаюсь. Я не то, хотела сказать. Ты удивительно повзрослел. А я привыкла, что ты еще неопытный мальчишка, а ты рассказываешь мне все это.

Он улыбнулся.

— Я стараюсь, — сказал он. — Нам с Майрет нужны свои сторонники, чтобы никакие новые королевы не смогли получить большого влияния при дворе. Да и в целом нужны...

Мне даже икнулось... Это было чуть-чуть наивно, но как бы там ни было, Кит обзаводится своими связями и своим влиянием. Ему действительно надо. Кит знает чего хочет и точно не готов свое счастье упускать.

— Но на самом деле, я приехал поговорить об отце, — сказал он, когда мы пришли в мою комнату, сели. — Ты действительно хочешь получить развод?

Он смотрел на меня обеспокоенно. Внимательно, ждал ответа. И снова сердце начало тревожно замирать.

Мне больно признавать это, но с каждым днем я понимаю все больше, как Нэта мне не хватает. Даже не знаю, как вышло, но я думаю о нем...

— Фергюс сказал мне, что твой отец хочет этого. Я собиралась поехать в Кетнах и обсудить с ним все лично, но...

У Кита глаза вспыхнули.

— Приезжай! — горячо сказал он. Обрадовано. — Он очень ждет тебя. Он никому не признается, но это видно. Переживает. И он...

— Вот только не говори, что после нашего расставания у него никого не было, — усмехнулась я.

А Кит нахмурился, мотнул головой.

— Не было, — сказал так уверенно, что даже я готова поверить. — Но дело даже не в этом... Я переживаю за него. Последнее время вообще не понимаю, когда он спит. И спит ли вообще. У него каждый день теперь встречи и дела, никогда раньше столько не было... полная приемная народу... вечером он занимается фехтованием, и рано утром тоже. Он и сам, и с новобранцами на тренировочном дворе, и... от него там все уже шарахаются, он рубится, словно в последний раз, словно всерьез... — Кит облизал губы. — А ночами сидит с бумагами у себя в кабинете. А с утра рубится снова. Я не знаю уже, надолго ли его хватит. Ты приезжай, ладно? Поговори с ним.

* * *

Я честно собиралась ехать в Кетнах.

Но не успела. Нэт опередил меня.

Он сам приехал в Уолш еще до отъезда Кита. Мы все сидели за столом, ужинали... у Фергюса большая семья.

И вдруг дворецкий едва ли не бегом...

— Милорд! Там... — да, бегом, действительно, у него дыхания не хватает. — Лорд Этард Муррей приехал!

Он пытался успеть хоть доложить хозяину, до того, как лорд Этард ворвется сам.

Я видела, как Фергюс нахмурился, а Нэт приехал без приглашения, и это вовсе не Кит, не мальчишка, который решил навестить мать. Не знаю подробностей, но у Фергюса с Нэтом тоже не самые простые отношения.

И все же, долг хозяина обязывает.

— Пригласите его... — начал было, но не успел тоже.

Нэт распахнул двери. Решительно. Оттеснив дворецкого в сторону.

— Лорд Фергюс, прошу прощения за столь внезапный визит, — коротко кивнул он. — Я ненадолго. Мне нужно поговорить с женой.

Ненадолго? На полчаса забегал и домой? Я ехала до Уолша почти неделю... правда в карете, не слишком торопясь. Верхом быстрее, и, судя по Нэту...

Он смотрит на меня и словно чего-то ждет.

Прямо сейчас? Да ты сдурел, Нэт? Врываться так! Ты прямо сейчас хочешь говорить?

— Айлин, ты не выйдешь на минуту? — говорит Нэт.

Кит смотрит на меня почти испуганно, боится, что я откажу? Что прогоню его? Нет, я выслушаю, конечно, но вот так просто вскакивать и бежать, по меньшей мере, глупо.

— Что-то случилось? — говорю я.

Нэт качает головой. Ему просто приперло, и он прибежал. И не хочет ждать.

— Лорд Этард, — говорит Фергюс, — я совсем не ждал вас, но рад нашей встрече. Прошу вас, отужинайте с нами. Или вы хотите отдохнуть с дороги? Тогда вам сейчас приготовят комнату.

— Благодарю вас, — говорит Нэт. — Но для начала я хотел бы поговорить с женой. Айлин...

Вот же черт!

А я обижена на него, между прочим. И вот сейчас вдруг все обиды вспоминаются разом. Я внезапно рада, что он приехал, но это немного пугает.

Он всю жизнь бегал от меня. Так что пусть не думает, что догнать будет легко!

— Говори здесь, — я откидываюсь на спинку стула, всем своим видом показывая, что внимательно слушаю.

Нэт не готов так.

Я вижу, как у него багровеют щеки и уши... потом бледнеют, и багровеют снова, пока он пытается справиться с собой. Он стоит, сжав зубы. Уйти, хлопнув дверью, он уже не может, слишком долго сюда бежал. Отступить некуда.

А ведь он похудел едва ли не вдвое, между прочим. Скулы заметно проступили, заострился подбородок... седины на висках стало

больше. Если все так, как говорит Кит, то это не удивительно, и все же...

— Айлин... — еще просит он, осторожно. — Давай не здесь?

— Если у тебя есть, что сказать — говори.

Он сжимает зубы еще крепче. Глубокий вдох. Словно сейчас дракону в пасть бросится.

— Хорошо... Айлин... я хочу сказать, что... — он губы облизывает, слова даются ему с трудом, но он старается. — Это моя вина, что так вышло. Я виноват. И много лет назад, и сейчас, я вел себя как идиот. Я... Но я не хочу потерять тебя окончательно. Прошу тебя, дай мне последний шанс. Я... — сглатывает с усилием, пытаюсь справиться. — Ты нужна мне. Я люблю тебя.

Последние слова совсем шепотом, голос вдруг отчетливо садится, не слушается.

А ведь, между прочим, он впервые говорит мне это. Впервые о любви. Было много разного, но так...

Но чего он ждет? Что я тут же брошусь к нему на шею?

— И чего ты ждешь от меня? — говорю я.

Он вздрагивает. Вытягивается. Оглядывается по сторонам.

Все смотрят.

Он стоит тут как мальчишка, говоря о своих чувствах... мне, признаться, даже больно смотреть. Я бы не решилась.

Но и ответить я пока не готова.

Он снова набирает воздуха в грудь, делает шаг вперед.

— Я слышал... мне передали... — тихо кашлянув, он пытается улыбнуться, — что если мужчина хочет понравиться тебе, он должен проявить настойчивость и красиво ухаживать. Приглашать на прогулки под луной, дарить подарки...

— Это открытие для тебя? — удивилась я.

— Айлин... — он запинается, сбивается. — Нет. Я просто... Ты не хочешь прогуляться сегодня вечером со мной? Посмотреть на звезды?

— Какие звезды, Нэт? Там такие тучи, что солнца третий день не видно. И ветер с моря просто ледяной.

— Мы найдем тебе теплый плащ, — он пытается улыбаться изо всех сил, так, что губы сводит. — А звезды... не беда, я расскажу тебе, где они должны быть.

Он стоит так... и все смотрят. Тихо, затаив дыхание смотрят, не каждый день такое представление можно увидеть. Где-то сбоку хихикает племянница Фергюса, но Нэт смотрит только на меня.

— Ты сошел с ума? — говорю я.

И все внутри вдруг сжимается.

Он качает головой.

— Не хочешь на звезды смотреть, пойдем просто прогуляемся к морю...

У него подбородок чуть подрагивает от волнения. Все это не игра. Ему действительно это очень важно сейчас.

— Там холодный ветер, Нэт.

— Хорошо, — я вижу, как у него пальцы в кулак сжимаются, и раздуваются ноздри, но он упрямо улыбается все равно. — Тогда, хочешь, посидим у камина я и буду петь тебе песни под лютню?

— Ты не умеешь играть.

— Я буду петь, — говорит он. Словно последний бой, и он стоит насмерть. Уши у него горят.

— Хорошо, — почти сдаюсь я. — Если хочешь, спой для всех нас, после ужина.

Он кивает.

— У меня есть кое-что для тебя. Ты ведь хотела подарков?

Боже мой! Это Турун рассказала ему то, что я говорила Гордану?

Нэт лезет в карман, достает что-то маленькое, завернутое в платок. Осторожно. Смотрит на меня... И, видимо, улавливая интерес в моих глазах улыбается иначе, чуть менее напряженно.

— Если пытаться доказать любовь и внимание, — говорит он, — то ведь просто купить случайную вещь или даже заказать у ювелира — это не то. Без души. Поэтому я решил сделать сам.

Он разворачивает, показывает мне. Это маленький гребешок... Птичка?

И чтобы отдать, Нэт обходит стол, подходит ко мне. Я тоже поднимаюсь ему навстречу, что уж...

— Вот, — говорит он. — Это слоновая кость. Ты даже не представляешь, сколько я этой кости перепортил, пока хоть что-то сделал.

Я смотрю... сделано, конечно, чуть грубовато, не очень умело, но аккуратно и очень старательно. Так мило.

— Птичка... — говорю я.

— Птичка, — соглашается он. — Ты хотела свободы? Крылья... Поэтому птичка. Но, может быть, птичке нужно свое гнездо? Дом, где ее любят... Пустить корни...

Он осторожно закалывает гребешок мне в прическу, руки у него дрожат.

— У птичек нет корней, — я смотрю ему в глаза.

Сукин ты сын! Где ты раньше был со всем этим?

— Айлин... Я понимаю, что говорю сейчас страшную дурь, но я... Я целую речь приготовил, и все забыл. Прости... Я просто хотел порадовать тебя. Сделать что-то для тебя... Подожди. Это еще не все. Я потом подумал, что все-таки герцог, а не сапожник какой-нибудь, и самодельным гребешком не отделаться.

Из другого кармана он достает атласный мешочек. А из мешочка — кольцо с сапфирами. И сапфиры во-от такой величины! Да за это шикарный дом в Кетнахе можно отстроить!

— Еще вот, — говорит он. — Сапфиры тебе всегда нравились.

Тяжелые, чуть вытянутые, словно капли.

— Ты с ума сошел?

Он качает головой.

Потом подходит сзади и застегивает кольцо у меня на шее.

Все смотрят на него, но он теперь смотрит только на меня. И улыбается так открыто и смело, как человек, которому больше нечего терять. Подарки отдал, петъ договорился.

— Я готов подарить тебе все, — говорит он. — Отдать тебе все, что у меня есть. Но ведь все мое и так — твое, ты моя жена и имеешь на это право. Подарки — это не главное. Я готов сделать для тебя все, что захочешь. Когда ты уехала, я понял, что больше не могу без тебя. Я люблю тебя. Я всегда любил, но, наверно, не находил в себе сил признаться, боялся, что ты не захочешь, что откажешься... что я неприятен тебе, и нужно совсем другое. Что тебе лучше без меня. Но ведь нельзя бегать от самого себя вечно. Турун права. Я сам вечно бегал от тебя. Больше не буду. Я устал бегать. И уже, наверно, ничего не изменит — нужен ли я тебе или нет, чувствуешь ли ты хоть что-нибудь ко мне... Но я все равно хочу сказать, что мне никто кроме тебя не нужен.

Он стоит, смотрит мне в глаза.

Мне даже представить страшно, чего ему стоило решиться на вот это вот все.

Хочется что-то ответить... и слезы на глаза наворачиваются.

И все смотрят. А я не могу плакать при всех.

Я беру его за руку.

— Пойдем... выйдем, ладно? — говорю шепотом. — Пойдем, погуляем под звездами и поговорим.

Глава 28. О прогулках без звезд и песнях без музыки

Потом я плакала у него на плече.

— Где же ты был раньше? — спрашивала я.

Он улыбался, обнимал меня, гладил по волосам, прижимался своим колючим подбородком к моему виску.

— Дурак был, — говорил он тихо. — Сам не понимал. А понял только, когда оказалось — либо сейчас, либо уже никогда. Поздно будет. А так, чтобы никогда — я не хочу. Не смогу... и без тебя все остальное теряет смысл. Нет... я, наверно, могу, но хочу больше. И если я хочу вернуть тебя, мне надо что-то делать... ты знаешь...

Он вздохнул судорожно, переводя дыхание. И я еще крепче обняла его в ответ.

Дурак — да, ой, дурак... но я уже давно привязалась к нему, и не хочу его терять. Мне хорошо сейчас.

— Я тоже тебя люблю, Нэт. Очень люблю. Не знаю, как это вышло...

Я сама, наверно, только сейчас осознала это, только сейчас поверила.

Или только сейчас в него влюбилась. Что-то изменилось во мне, когда он стоял там, перед всеми. Увидела, насколько сильно ему нужна, и на что он готов ради меня.

Меня немного мучила совесть, что заставила говорить при всех. Но если бы не это, я бы не поверила в него так сильно.

Не перестала бы сомневаться... может быть. Скажи он это тихо наедине, я не увидела бы, насколько важно для него.

Теперь вижу. Верю ему. И ни о чем не жалею.

Какая любовь без доверия?

Удивительно вот так влюбиться в человека, которого знаешь едва ли не четверть века.

Он гладит меня по волосам, пальцы у него жесткие... зеленые глаза...

— Знаешь, я тут смотрел на Кита, — говорит он. — На то, что Кит делает, как он точно знает, чего хочет, и не собирается отступать. Ему

Джон сначала все обещал, от радости, что его спасли, потом как-то постепенно обещать перестал, начал уходить от этой темы. И тут Кит взялся сам. Я понимаю, что там Майрет еще, но Кит скоро все под себя подгребет. Он со всем дружбу завел, все связи наладил... Чтобы быть с Майрет, не ради этой власти даже. И я смотрю и думаю — вот я старый дурак... И что сделал я? А когда от Фергюса письмо пришло, он писал, что ты хочешь подписать развод, то понял, что либо бегу к тебе прямо сейчас, либо будет поздно.

И прибежал.

И вот это вот все устроил. Охотник, чтоб его! Добычу догнал и победил.

И потащил гулять под звездами.

Страшно довольный собой.

Конечно, далеко гулять мы не пошли, действительно холодно и скоро зима, ветер с моря. Посидели немного в беседке у стены, укрывшись теплым плащом, одним на двоих. Какие уж там звезды? Но сидеть рядом с ним было все равно хорошо, тепло и уютно.

Сейчас я смотрю на него, и не могу больше ни на что обижаться и сердиться. Все есть, как есть... Мне нравится.

Он обнимает меня.

А потом еще он пытался петь мне песни, очевидно, чтоб добить окончательно. Притом, что певец из него, прямо скажем, неважный. И все же, он честно старался. Я тихо хихикала...

А потом он рассказывал мне, как все это время жил в Кетнахе, я рассказывала о том, как жила здесь — обычная болтовня.

Не знаю, что с нами будет потом... и даже не хочу этого знать. Знаю только, что буду в нем абсолютно уверена. Пусть дури в Нэте всегда было полно, но он упрямый и честный, и если уж что решил, то будет следовать этому решению до конца. Нет, в жизни может случиться всякое, но обманывать меня он точно не будет. Джон в чем-то прав — хитрые ходы и интриги за спиной не его сильная сторона, Нэт всегда бьет прямо и в лоб.

Меня раньше раздражало это, а теперь неожиданно нравится.

И рыжая щетина его нравится, и то, как он задумчиво чешет подбородок, и то, как смотрит на меня... И даже его красные уши, там в зале, когда он говорил мне все это. Я вспоминаю эти уши и улыбаюсь.

И птичка, сделанная его руками.

А особенно нравится, как он целует меня ... так, что просто невозможно отпустить.

Но в беседке холодно и мы идем греться. И в теплую ванну... а то я замерзла совсем, а Нэта нужно после дороги отмыть... да и погреть тоже. А он отогрелся так, что чуть не уснул на полуслове, пока терла ему спину, потому что ехал сюда почти без остановок на сон, только менял лошадей. И я затащила его в постель, но чтобы спать... вернее, спать собиралась я, а он сказал, что не для этого так долго ко мне скакал.

И так смотрит...

— Ты ведь вернешься домой? — спрашивает, обнимая меня.

Домой, вместе...

— Конечно, вернусь.

Я улыбаюсь. Домой.

Он смотрит на меня так серьезно, совсем близко, я чувствую его дыхание на своем лице.

— Я больше тебя никуда не отпущу. И никому не отдам. Слушай... — тут он чуть приподнимается на локтях, склонив голову на бок с видом бывалого заговорщика. — Я вот думаю, нам теперь девочку надо.

— Какую еще девочку? — я так сразу не понимаю.

— Маленькую, — чуть смутившись, говорит Нэт. — Сестренку Киту.

Вот в этом месте у меня, признаться, случается порыв немедленно из кровати выскочить и бежать так долго, как только смогу, чтобы он не догнал меня.

Но попробуй от него сбеги, когда он уже поймал меня и держит крепко.

— Кит скоро отцом станет! — как можно убедительнее возмущаюсь я. — А я скоро бабкой! А ты дедом! Какие сестренки еще?

— Почему нет? Моему отцу было столько же, сколько и мне сейчас, когда я родился.

— Но твоей матери было куда меньше, чем мне!

— Хочешь сказать, у тебя не выйдет?

Он вот не сомневается. Смотрит на меня сейчас так честно...

Да и я... Нет, в плане здоровья — мне и молодые могут позавидовать, все хорошо. Но я совсем не готова к такому.

— Так «нет»? — хитро интересуется он. Не очень-то веря в мой отказ.

Я упираюсь ладонями в его плечи.

— Подожди, ладно? Мне надо подумать. Но только не сейчас...

— Ладно, — он целует меня в нос, потом в уголок губ. — Подумай, — и так смотрит, что не сомневается ни капли. — Но это мы с сестренкой потом, а остальное-то сейчас можно?

Про остальное, вообще-то, уже слегка поздно спрашивать, потому что действовать болтовня Нэту никогда не мешала.

И мне смешно.

И сама всем телом тянусь к нему, не могу устоять.

— Можно, — сдаюсь окончательно.

Конец